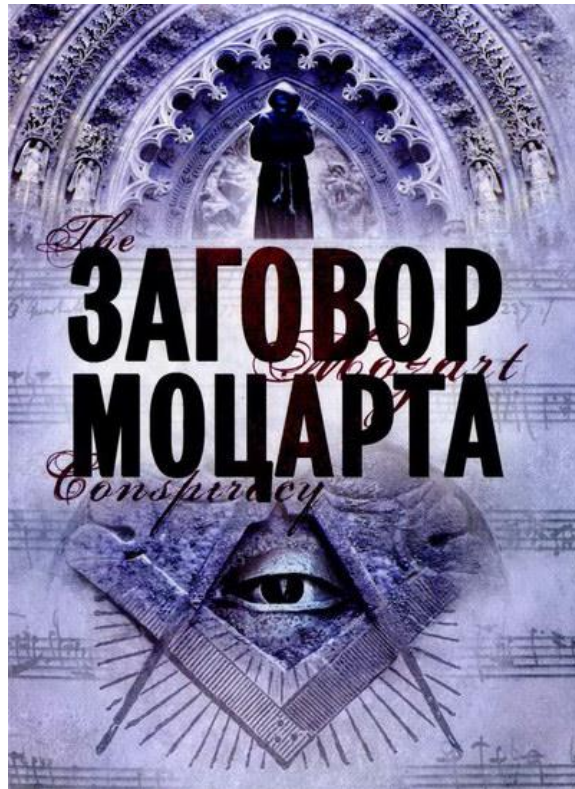

Скотт Мариани - Заговор Моцарта

Бен Хоуп – 2

«Скотт Мариани "Заговор Моцарта"»: Эксмо, Домино; Москва, СПб; 2010
ISBN 978-5-699-37543-1

Аннотация

Когда Ли Луэллин — красавица, оперная звезда и первая любовь бывшего майора спецназа Бена — попросила его о помощи в расследовании загадочных обстоятельств гибели ее брата, Бен обнаружил, что его собственная жизнь зависит от разгадки древней тайны. Согласно официальной версии. Оливер Луэллин погиб в результате несчастного случая. Он изучал обстоятельства смерти Моцарта и выяснил, что Моцарта, выдающегося масона, могли убить члены тайного общества, отколовшиеся от масонства. Единственный ключ к разгадке — древнее письмо, которое приписывают самому композитору. Бен и Ли находят видеозапись с ритуальным убийством и понимают, что тайное общество существует до сих пор — и ни перед чем не остановится, чтобы сохранить свою тайну.

Мэри, Лане и Ричарду посвящается

Я знаю, что должен умереть. Кто-то дал мне акватофана и вычислил точное время моей смерти, для которой они и заказали «Реквием». Я пишу его для себя самого.

Вольфганг Амадей Моцарт, 1791

ГЛАВА 1

9 января

Австрия

Задыхаясь от ужаса, Оливер Ллуэллин отпрянул и привалился к каменной стене. Во рту пересохло, к горлу подкатывала тошнота.

Когда он тайком выскользнул из зала, то понятия не имел, что именно обнаружит во время осмотра дома. Ничего ужаснее представить невозможно. То, что сделали с человеком в этой странной комнате со сводчатым потолком, просто не укладывалось в голове.

Оливер побежал — вверх по каменным ступеням винтовой лестницы, обратно через переход в основную часть здания. Сюда уже доносились разговоры и смех собравшихся на прием гостей. Струнный квартет в бальном зале заиграл вальс Штрауса.

Заметив, что «сони-эриксон» все еще в режиме видеосъемки, Оливер выключил телефон и положил его в карман смокинга. Старые часы с механическим заводом показывали почти половину десятого — через пятнадцать минут он должен продолжить выступление. Оливер привел в порядок одежду, глубоко вдохнул, пытаясь обуздать панику, и зашагал вниз по широкой лестнице, возвращаясь к гостям. Под сияющими хрусталем люстрами официанты разносили на серебряных подносах бокалы с шампанским. Оливер схватил один и залпом выпил.

У противоположной стены поблескивал «Бехштейн». Неужели он играл на этом рояле всего несколько минут назад?

На плечо опустилась чья-то рука. Оливер вздрогнул и, резко обернувшись, увидел пожилого господина в очках и с аккуратно подстриженной бородкой.

— Позвольте поздравить вас с великолепным выступлением, герр Майер, — сказал незнакомец по-немецки. — Дебюсси был превосходен. С нетерпением жду второй части вашей программы.

— D-Danke sch?n,¹ — заикаясь, выдавил Оливер и нервно оглянулся.

Неужели заметили, что он все видел? Надо убираться отсюда.

— Герр Майер, вы так побледнели, — озабоченно нахмурился старичок. — Вам нездоровится? Может, водички выпьете?

Оливер помедлил, припоминая слова.

— Krank,² — пробормотал он. — Я болен.

Отвернувшись от собеседника, Оливер стал пробираться сквозь толпу и нечаянно толкнул красотку в расшитом блестками платье, заставив пролить шампанское. Под недоуменными взглядами он пробормотал извинения и упорно двинулся дальше, хотя и знал, что привлекает к себе внимание. Оглянувшись, Оливер заметил, как охранники с рациями спускаются по лестнице, смешиваясь с толпой, и указывают на него. Должно быть, кто-то видел, как он проскользнул под ограждением. Интересно, что еще им известно?

Телефон по-прежнему лежал в кармане. Такая улика выдаст с головой, за нее наверняка поплатишься жизнью.

Оливер добрался до входной двери. В лицо ударил свежий морозный воздух, дыхание закрубило облачками пара. Пот на лбу внезапно стал холодным.

Землю покрывал толстый слой снега. Ночное небо прорезала вспышка молнии, на мгновение осветив фасад построенного в восемнадцатом веке дома. Увидев свой классический «МГмиджет» среди «бентли» и «ламборгини», Оливер метнулся к нему. — Halt!³ — закричали

¹ Большое спасибо (нем.)

² Болен (нем.)

³ Стой! (нем.)

за спиной. Он пропустил команду мимо ушей и захлопнул за собой дверцу. Мотор взревел, колеса «миджета» заскользили на покрытых льдом каменных плитах двора. Оливер вдавил педаль газа в пол, направляясь по длинной подъездной дорожке к воротам, где рядом с будкой еще один охранник разговаривал по рации.

Створки высоких железных ворот, покрашенные в золотистый цвет, начали сдвигаться.

Оливер направил машину в сужающуюся щель. От удара его бросило вперед, передние крылья «миджета» смяло, но прорваться все же удалось. Не обращая внимания на приказ второго охранника остановиться, Оливер поддал газу.

Меньше чем через минуту в зеркале заднего вида ослепительно вспыхнули два огонька. «Миджет» набирал скорость, в желтом свете фар мимо пронеслись согнувшиеся под снегом сосны.

Когда Оливер заметил впереди корку льда на асфальте, было уже поздно. Машину занесло, он вцепился в руль, чудом удержав управление. Преследователи тоже налетели на лед и врезались в деревья на обочине.

Через двадцать минут, добравшись до своего маленького отеля, Оливер припарковал помятый «миджет» на заднем дворе, подальше от любопытных глаз, и помчался к себе в номер. Начиналась гроза, и легкий снежок сменился проливным дождем. Когда Оливер включил ноутбук, настольная лампа мигнула.

Компьютер загружался бесконечно долго, теряя драгоценные секунды.

— Ну давай же, давай, — нетерпеливо приговаривал Оливер, гадая, сколько времени осталось в его распоряжении.

Он торопливо открыл почту и пролистал список входящих сообщений. Вот оно — «Письмо Моцарта» от профессора. Дрожащими пальцами Оливер напечатал ответ: «Профессор, мне очень нужно еще раз обсудить с вами это письмо. Срочно. Я позвоню. Я нашел кое-что очень опасное».

Отправив сообщение, он вытащил из кармана телефон и подсоединил его к ноутбуку.

«Спокойно, — твердил себе Оливер. — Не надо дергаться».

Он поспешно переписал видеофайл с телефона на жесткий диск. Нельзя, чтобы у него нашли эти кадры.

Единственный верный способ сохранить информацию — это послать ей файл по электронной почте. Тогда она наверняка его получит, где бы ни находилась.

Не успел Оливер допечатать письмо, как свет погас. В темной комнате светился экран ноутбука, сообщая, что доступ в Интернет прерван. Выругавшись, Оливер схватил телефонную трубку — тишина: гроза оборвала и телефонный провод.

Он закусил губу, напряженно размышляя. Батарея компьютера пока заряжена...

Покопавшись в портфеле, Оливер достал компакт-диск, на который записывал фотографии, торопливо сунул его в ноутбук и скопировал видеофайл на диск.

Оливер на ощупь нашел в темноте коробку дисков с оперой Моцарта «Волшебная флейта»: все равно собирался отправить ей коробку обратно, так что на плотном конверте уже написан адрес и наклеены марки. Вот и хорошо — другого выхода все равно нет. Оливер схватил фломастер и нацарапал несколько слов на диске с видео, потом положил его в коробку между музыкальными дисками, вытащив один лишний. Лишь бы она увидела надпись до того, как он сам туда доберется, и восприняла предупреждение всерьез.

Почтовый ящик был недалеко, рядом с площадью в конце Фишер-штрассе. Оливер слетел по лестнице и выскочил на улицу. Свет так и не дали, дома окутывала темнота. Ливень перешел в дождь со снегом, смокинг моментально промок насквозь, под ногами хлюпало. Грязные груды снега громоздились у стен спящих домов, на улице ни души.

Оливер бросил пакет в почтовый ящик. Руки тряслись от холода и страха. Теперь обратно в номер — собрать вещички и как можно быстрее уносить отсюда ноги.

За полсотни шагов до темного отеля Оливера осветили мощные фары вывернувшего из-за угла автомобиля. Огромная машина неслась прямо на него. Он бросился в противоположную сторону, поскользнулся и ободрал колена об асфальт. Рядом остановился «мерседес», в котором

сидели четверо. Задние дверцы распахнулись, из них вышли двое мрачных громил и, схватив Оливера за руки, запихнули на заднее сиденье. Машина понеслась по тихому поселку.

Все молчали. Оливер устался себе под ноги.

«Мерседес» остановился на берегу озера. Дождь стих, бледная луна отражалась от замерзшей поверхности воды. Вдали замигали огоньки — в поселке дали свет.

Все четверо вышли из машины, Оливера бесцеремонно вытащили наружу и прижали к борту. Одну руку заломили за спину, пинком заставили расставить ноги пошире. Опытные руки умело обыскали одежду.

Оливер вспомнил про телефон за секунду до того, как «сони-эриксон» вынули из кармана смокинга, и пришел в ужас: видеозапись-то забыл стереть!

Его оторвали от холодного борта машины. В лунном свете блеснула сталь — высокий плотный мужчина держал в руках пистолет. Короткие рыжеватые волосы открывали уши, одна мочка была уродливо смята.

Оливер взгляделся в бесстрастного верзилу.

— Где-то я вас уже видел...

Тот повел стволом в сторону озера.

— Шагай!

Оливер прошел через заросли тростника и ступил на лед. Десять шагов от берега, пятнадцать. Лед под ногами оставался толстым и крепким. Каждый нерв был напряжен до предела, сердце колотилось в горле. Должен же быть какой-то выход!

Выхода не было, и Оливер это знал. Покрываясь потом, он шел вперед, поскользываясь на прочном, гладком льду.

Внезапно грянул выстрел. Оливер вздрогнул, но ни удара, ни боли не почувствовал, только лед под ногами задрожал. И тогда он понял, что стреляют не в него.

Оливер беспомощно смотрел, как от проделанной пулей дырки расходится в стороны синяя трещина, с треском ломая лед. На берегу другой похититель вытащил из машины короткоствольный автомат и передал его верзиле.

Оливер закрыл глаза.

С широкой ухмылкой на лице верзила прижал приклад к бедру и выпустил короткую очередь, целясь под ноги жертве. Лед вскипел, разлетаясь осколками, и покрылся паутиной трещин. Они змеились во все стороны, отрезая путь к отступлению.

От ледяной воды перехватило дыхание. Оливер цеплялся за рваный край дыры, но пальцы соскальзывали. Вода смыкалась над головой, проникала через нос и рот, уши заложило, и все же он боролся, отталкиваясь ногами.

Стало темно, и Оливер понял, что его унесло под лед. Пальцы беспомощно скользили, не находя зацепок. Из рта вырывалась струйка пузырьков. Наверх уже не выбраться, назад дороги нет.

Задерживая дыхание, он бился об лед снизу, пока хватало сил. Потом тело судорожно дернулось, и ледяная вода хлынула в легкие.

Умиравшему Оливеру показалось, что он слышит, как смеются его убийцы.

ГЛАВА 2

Одиннадцать месяцев спустя

Южная Турция

Двое мужчин, играющих в карты за кухонным столом, услышали рев двигателя и подняли головы, едва успев заметить надвигающийся пикап.

Удар. Осколки стекла, обломки дерева и кирпича разлетелись по всей комнате. Пикап дернулся и замер. Его передние колеса и покрытый ржавчиной, залатанный капот торчали из дыры в стене.

Картежники бросились прочь, разбрасывая пивные бутылки, но спрятаться не успели. Покрытая пылью дверца пикапа распахнулась, из нее появился одетый в черное человек: черная

куртка, черная маска, черные перчатки. Он помедлил мгновение, разглядывая попятившихся мужчин, затем вытащил из кобуры девятимиллиметровый браунинг с глушителем и уложил свои жертвы двумя выстрелами в грудь на каждого. Гильзы со звоном падали на плитки пола. Человек в черном подошел к ближайшему телу и выстрелил в голову, затем повторил процедуру со вторым телом.

Три дня он следил за стоявшим на отшибе домиком — следил неторопливо, прячась в деревьях за забором, — и хорошо изучил распорядок дня обитателей. Заодно он узнал, что позади дома есть гараж, где стоит ржавый «форд» с ключом в замке зажигания: можно перелезть через забор и добраться до машины незаметно для тех, кто обычно сидел на кухне, попивая пиво и играя в карты.

А еще он обнаружил, где держат девочку.

В разгромленной кухне оседала пыль. Убедившись, что двое лежащих на полу больше не встанут, налетчик вложил неостывший браунинг в кобуру и вошел в дом. Судя по часам, прошло меньше двух минут с того момента, как он перелез через забор. Пока все по плану.

Дверь в комнату оказалась хлипкой и слетела с петель после третьего пинка. Девочка сжалась в дальнем углу кровати, натянув на себя простыню, и кричала, с ужасом глядя на незнакомца. Он знал, что ей недавно исполнилось тринадцать.

Мужчина подошел к кровати и замер. Девочка закричала громче. У него мелькнула мысль угостить ее транквилизатором. Потом он снял маску, открыв худое загорелое лицо и копну белокурых волос.

— Пойдем со мной, — тихо произнес незнакомец в черном, протягивая руку.

Девочка затихла и нерешительно взгляделась в его лицо. У других мужчин были безжалостные глаза, этот смотрел иначе.

Он сунул руку в карман куртки и вытащил фотографию, на которой был снят вместе с родителями девочки. Она так давно не видела маму и папу...

— Не бойся, Кэтрин. Меня зовут Бен, и я пришел, чтобы помочь тебе. Твои родные ждут.

По ее щекам покатались слезы.

— Ты полицейский? — шепотом спросила она.

— Нет, — ответил он. — Просто друг.

Бен осторожно приблизился, и девочка позволила ему взять себя за руку и помочь встать на ноги. Под тканью давно нестиранной блузки ощущалось костлявое тело. Она не сопротивлялась, когда он вывел ее из комнаты, и никак не отреагировала на двух мертвецов, распластавшихся на полу кухни.

Оказавшись на улице, девочка заморгала: отвыкла от дневного света. На ногах она держалась плохо, и Бен отнес ее в лендровер, спрятанный в кустарнике шагах в пятидесяти от дома, усадил на заднее сиденье и укрыл одеялом.

Он снова посмотрел на часы: если распорядок дня не изменился, то через пять минут приедут еще трое.

— Нам пора.

Девочка что-то тихо ответила.

— Что ты говоришь? — переспросил он.

— А как же Мария? — повторила она, подняв взгляд.

Бен прищурился.

— Какая еще Мария?

— Она там осталась... — Кэтрин показала на дом.

— Мария тоже девочка? Ее держали вместе с тобой?

Кэтрин хмуро кивнула.

— Ладно, — решил Бен. — Посиди здесь минутку, никуда не уходи. Обещаешь?

Она снова кивнула.

— Где ее держат?

Через три минуты Бен нашел Марию. По дороге пришлось пройти через полутемную комнату, где вокруг развороченной узкой койки были установлены на треножниках камеры, в

углу валялись дешевые софиты, на низком столике стоял включенный телевизор и видеоплеер. Он задержался на мгновение, вглядываясь в беззвучную картинку на экране. Бен узнал одного из двух мужчин, которых застрелил на кухне. Обнаженной, извивающейся девочке в снятом любительской камерой фильме было не больше двенадцати.

Бен вспыхнул от ярости и пинком скинул телевизор на пол. Ящик взорвался, во все стороны посыпались искры.

Дверь оказалась незаперта. В убогой каморке лежала та самая девочка, которую Бен только что видел на экране. Тощее тельце прикрывали лишь трусики и грязный жилет. Сначала Бен подумал, что девочка мертва, потом заметил дыхание и понял, что ее накачали наркотиками. Он осторожно поднял ее с кровати и отнес в лендровер, где положил на заднее сиденье и прикрыл своей курткой. Кэтрин взяла Марию за руку и вопросительно посмотрела на Бена.

— С ней все будет в порядке, — тихонько сказал он. Звук приближающейся машины заставил его насторожиться, хотя лендровер был хорошо спрятан в кустах, а пикап, застрявший в стене кухни, они тоже не увидят, пока не войдут в дом.

Бен сел за руль и прислушался. Раздались голоса, один из троих вышел из машины. Заскрипели железные ворота. Громко заворчал мотор — глушитель не работал. Захрустел гравий под колесами «сузуки». Хлопнули дверцы. Послышались шаги и смех.

Бен тихонько закрыл дверцу и протянул руку к ключу зажигания. Пока те трое сообразят, в чем дело, он уже будет далеко. Кэтрин вернется к родителям, а Марию он передаст властям — тем, кому еще можно доверять.

Пальцы так и не коснулись ключа. Бен откинулся на сиденье. Перед закрытыми глазами продолжали крутиться картинки с экрана телевизора. Большие руки лапают детское тельце. Широкие ухмылки открывают гнилые зубы. Девочка на кровати смотрит умоляющим взглядом.

Бен оглянулся: полупрозрачная Мария безвольно лежала на заднем сиденье. Сидевшая впереди Кэтрин хмуро наблюдала за своим спасителем.

А, к чертям собачьим!

Бен вытащил из-под сиденья запасное оружие — черный и безжалостный дробовик «итака» двенадцатого калибра, от пистолетной рукоятки до обрезанного ствола меньше двух футов. Трубчатый магазин был заряжен патронами с крупной дробью, с помощью которых можно войти в закрытое помещение, не пользуясь дверью.

— Я скоро вернусь, — сказал Бен Кэтрин, выходя из лендровера.

Он появился у дома, когда мужчины уже подошли к крыльцу. Двое, толстяк и длинноволосый, со смехом говорили о чем-то по-турецки. Третий выглядел серьезно: татуировки, прилизанные черные волосы, в руках связка ключей. Вот только заткнутый за пояс китайский кольт 1911-A1, болтающийся за спиной и невзведенный, выдавал любителя.

Услышав клацанье спускаемого предохранителя «итаки», все трое резко обернулись, вытаращив глаза. Ни одному не хватило времени, чтобы потянуться за оружием. Из раскрытого рта выпала сигарета.

Бен долю секунды смотрел на них бесстрастным взглядом, а потом расстрелял в упор, полностью опустошив магазин «итаки».

ГЛАВА 3

Два дня спустя

Где-то над Францией

Не сводя глаз с белого океана облаков под крылом «боинга», Бенедикт Хоуп сделал хороший глоток виски. В стакане звякнул лед, язык обожгло. В самолетах вечно предлагают какую-то непонятную бурду под видом шотландского виски, но это все же лучше, чем ничего. Бен пил четвертую порцию. Или пятую — он уже не помнил.

Соседнее сиденье пустовало, как и большая часть салона бизнес-класса. Бен отвернулся от окна, вытянул ноги и закрыл глаза.

Уже три заказа в этом году. Отдыхать было некогда, и он устал. В Турции ушло два месяца на то, чтобы выследить тех, кто похитил Кэтрин Петерсен. Два долгих месяца грязи и пота, вынюхивания ложных следов, погони за информацией, переворачивания каждого камушка. Родители девочки уже не чаяли увидеть ее живой. Бен никогда не давал обещаний, зная, что можно привезти домой не пропавшего родственника, а труп.

Хотя в его практике такое случилось лишь однажды — в Мехико, одном из самых опасных городов мира, когда речь идет о похищениях людей. Бен упрекнуть себя было не в чем: похитители убили ребенка еще до того, как потребовали выкуп. Именно Бен нашел тело.

Мальчика, которому не исполнилось и одиннадцати, запихали в бочку — предварительно отрезав уши и пальцы: иногда похитителям нужны вовсе не деньги. Бен не любил вспоминать об этом случае, но наполовину вытесненное воспоминание постоянно его подстегивало.

В Турции он упрямо продолжал поиски. Он никогда не отступал, даже если казалось, что надежды нет. Как часто бывает, никаких следов и зацепок не было; все, кто мог бы что-то рассказать, слишком боялись. К счастью, удалось случайно получить сведения, которые и помогли распутать клубок — вывели прямо на тот дом. За эти сведения кое-кто поплатился жизнью. Зато в результате Кэтрин Петерсен вернулась к родителям, а за малышкой Марией есть кому присмотреть, пока не найдутся ее родные.

Теперь Бену хотелось только одного: вернуться домой — в тихий старый дом в безлюдном местечке на западном побережье Ирландии. На уединенном пляже есть каменистый заливчик, где можно побыть наедине с морем, чайками и собственными мыслями. Закончив дела в Турции, Бен собирался отдохнуть. Пока не позвонит очередной клиент. Уж в этом можно было не сомневаться — позвонят наверняка.

Так и случилось, причем быстрее, чем он ожидал. Вчера около полуночи он сидел в баре гостиницы, убивая время до вылета из Стамбула. Заняться, не считая выпивки, было нечем, и Бен впервые за неделю проверил сообщения на мобильнике. Одно сообщение нашлось. Причем оставил его хорошо знакомый голос, только сдавленный и слегка запыхавшийся. Звонила Ли Ллуэллин — вот уж кого он не ожидал услышать!

«Бен, я не знаю, где ты сейчас и когда получишь это сообщение, но мне нужна помощь и не к кому больше обратиться... Я в Лондоне, ты найдешь меня в „Дорчестере“. Буду ждать, сколько смогу».

Ли замолчала и еле слышно добавила: «Бен, мне страшно. Пожалуйста, приходи побыстрее».

Он несколько раз прослушал запись. Ли звонила пять дней назад, четвертого декабря.

Получив сообщение, Бен сдал билет в Дублин. До Лондона оставалось меньше часа полета.

Интересно, чего хочет Ли? За пятнадцать лет они и словом не перемолвились.

В последний раз Бен видел Ли Ллуэллин на похоронах своего старого друга в прошлом январе. Гроб с телом Оливера опустили в землю на безлюдном кладбище в Уэльсе. Лил ледяной дождь. Ли стояла на краю могилы, ее длинные черные волосы развевались на ветру. Кто-то держал над ней зонтик, но она не обращала внимания на ливень. Родителей Ли давно потеряла. Теперь и брат умер — утонул в результате несчастного случая. Прекрасное лицо девушки побледнело и осунулось. Бен хорошо помнил, как искрились раньше ее зеленые глаза; теперь они тускло смотрели в пустоту. Ли не замечала фотографов, которые, словно стервятники, кружили вокруг, щелкая камерами: оперная звезда прервала выступления в Европе, чтобы на частном самолете привезти гроб с телом брата из Вены в родной Уэльс.

Бен хотел поговорить с Ли на похоронах, но между ними стояло прошлое. Она не заметила Бена, и он не подошел. По дороге с кладбища он вложил свою визитку в руку ее секретаря — а чем тут еще можешь? — и незаметно ускользнул.

После похорон Ли перестала появляться на публике и уединилась в своем доме в Монте-Карло. Бен часто о ней думал, однако позвонить не мог: какие уж тут звонки после того, как он обошелся с ней пятнадцать лет назад.

ГЛАВА 4

Пятнадцать лет назад

Балликелли, Северная Ирландия

Однажды дождливым вечером младший капрал Бенедикт Хоуп шел по лужам мимо мусорных баков в переулке. На стене красовалась свежая надпись: «Насрать на Папу Римского». Вывеска маленького кабачка поскрипывала на ветру.

Бен вошел, стряхнул с куртки воду — как же все-таки хорошо снова надеть гражданское! — и по ржавой железной лестнице поднялся на второй этаж. Из дверей бара доносилась музыка — кто-то играл на пианино. В баре почти никого не было. По ободранному линолеуму Бен прошел к стойке. Бородатый бармен натирал до блеска пивную кружку.

— Как поживаешь, Джо?

— Все путем, спасибочки, — улыбнулся Джо. — Как обычно?

— Давай, — согласился Бен.

Бармен достал бутылку «Блэк Буш» и наполнил стаканчик.

— Скоро допьешь, — заметил он, глянув на уровень джина в бутылке.

Пианист снова заиграл. Разбитый инструмент давно нуждался в настройке, но под умелыми пальцами звучал совсем неплохо. Музыкант наигрывал блюз в стиле Джерри Ли Льюиса, отбивая ритм левой рукой, в то время как правая молниеносно скользила по клавишам.

— Ловко у него получается, — кивнул Джо на пианиста. — Судя по виду, один из ваших.

Бен обернулся.

— Точно, из наших.

— Жаль. Я подумывал его нанять. Может, клиентов прибавилось бы.

Бен знал этого высокого худощавого парня, коротко остриженного под ежик. Рядовой Оливер Ллуэллин был слишком занят игрой и не замечал внимательного взгляда Бена.

Хорошенькая блондинка лет двадцати стояла рядом, восхищенно наблюдая за виртуозной игрой Оливера. Он быстро пробежал пальцами по клавиатуре справа налево, разразившись искрометными аккордами, и Джерри Ли Льюис уступил место Оскару Питерсону.

— Вы играете как настоящий музыкант! — восхитилась девушка. — Неужели вы действительно служите в армии?

— Служу, — улыбнулся ей Оливер, продолжая играть. — В спецназе.

— Шутите!

— Вообще нет. Я никогда не шучу. Спец-НАЗ. Специальность — Неотразимый Артистичный Завоеватель. Сердец.

Девушка хихикнула, игриво хлопнув Оливера по плечу. Продолжая играть правой рукой, левой он обнял ее за талию и притянул к себе.

— На этом стуле хватит места для двоих. Давайте я научу вас играть в четыре руки.

Она села рядом, прижимаясь к Оливеру бедром.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Берни.

Бен ухмыльнулся, обменявшись с барменом понимающим взглядом: рядовой Ллуэллин времени даром не терял.

Двери распахнулись. Вошли четверо парней — всем за двадцать, хмурые и одновременно наглые — и заняли столик в центре бара. Один подошел к стойке за кружками пива и не ответил на приветливый кивок Бена.

Толстячок с нездорово бледным лицом обернулся к девушке, которую Оливер учил играть.

— Берни! Иди сюда! — крикнул он, разглядывая спину пианиста прищуренными глазами.

Девушка нервно вскочила.

— Мне пора, — прошептала она Оливеру.

Тот грустно пожал плечами и заиграл ноктюрн Шопена.

— Какого черта ты липнешь к этому парню? — грубо спросил толстяк, пристально

уоставившись на Берни, которая села рядом. — Ты что, не видишь, кто он такой?

— Ну, посмеялись немного, вот и все, — тихо ответила она. — Гэри, оставь его в покое.

Оливер перестал играть. Взяв наполовину пустую кружку, стоявшую на пианино, он допил пиво, глянул на часы и вышел из бара. Берни тоскливо улыбнулась ему, когда он проходил мимо.

Четверо парней переглянулись. Гэри поднял брови и мотнул подбородком, указывая на дверь.

— Жди здесь, — приказал он Берни, вставая из-за стола.

Его дружки торопливо допили пиво и направились к дверям.

— Гэри... — начала обеспокоенная девушка.

— Заткни пасть! — Гэри ткнул ей в лицо толстым коротким пальцем. — Все из-за тебя, шлюха этакая. Говорил ведь тебе, чтобы держалась подальше от солдатни.

Четверка решительно вышла за дверь.

Наблюдавший за ними Бен вздохнул, поставил стакан на стойку и тоже вышел.

В переулке хулиганы уже догнали Оливера и прижали к стене. Гэри ударил его в живот, заставив согнуться пополам. Оливер внезапно выпрямился и врезал толстяку головой промеж глаз. Тот с воплем отшатнулся, из сломанного носа брызнула кровь. Двое приставили ножи к горлу Оливера, а третий пнул беспомощную жертву в живот. У него выхватили бумажник и вытащили оттуда деньги.

Бен бесшумно подошел сзади и, не обращая внимания на Гэри, который был слишком занят сломанным носом, переключился на оставшуюся троицу: ухватил одного из парней с ножом за волосы и резко пнул под колено, заставив упасть на спину. Бен мог бы его запросто прикончить, но лишь наступил парню на яйца — тот заорал нечеловеческим голосом. Остальные двое выпустили Оливера и дали деру.

Гэри, несмотря на залитое кровью лицо, выставил кулаки, Бен прекрасно знал, чего ждать от такого субчика: типичный уличный забияка, ни мозгов, ни дисциплины — только ярость, мускулы и везение. Толстяк ринется в атаку, словно громадный тупой бык. Бить он будет медленно, по широкой дуге — тренированному бойцу ничего не стоит заблокировать такой удар, приблизиться и врезать как следует.

Именно так все и вышло. Оставалось лишь придумать способ остановить хулигана, не нанося ему серьезных увечий. Бен поймал летевший в него кулак, вывернул толстяку руку и сломал кисть, потом наотмашь ударил в лицо. Гэри влетел в мусорные ящики головой вперед, шлепнулся на мокрый асфальт и затих рядом с приятелем, который все еще орал благим матом, зажимая ладонями раздавленные яйца.

Бен помог Оливеру подняться — пинок в живот выбил из него дух.

— Пошли отсюда.

Под ногами что-то хрустнуло — на земле лежали осколки зубов толстяка.

— Вовремя ты, — выдавил Оливер. — Еще немного, и я бы из них отбивные сделал. — Он прищурился, разглядывая своего спасителя, и наконец добавил: — Извините, сэр, не признал сначала.

— Ну да, я заметил, что ты их всех одной левой сделал. Спецназовец, говоришь?

Бумажник Оливера валялся на мокрой земле, из него высыпались водительские права, деньги, какая-то фотография. Присев, Бен сложил все обратно и хотел было передать владельцу, но передумал. Его внимание привлек не рядовой Ллуэллин, который дурачился на вечеринке и корчил рожи, а стоящая рядом девушка: зеленое вечернее платье подчеркивало цвет глаз, пышные черные волосы падали на обнаженные плечи.

Бен смотрел как зачарованный и, с трудом оторвав взгляд, помахал фотографией перед Оливером, прежде чем вложить ее обратно в бумажник.

— Если б у меня была такая подружка, не стал бы я связываться с деваками вроде Берни.

Оливер положил бумажник в карман и вытер кровь с губ.

— Разумный совет, сэр, — ответил он. — Только это не подружка, а сестренка.

ГЛАВА 5

Наши дни

Лондон

Бен прошел через роскошное фойе отеля «Дорчестер» к конторке консьержа.

— Скажите, пожалуйста, мисс Ллуэллин по-прежнему проживает в номере тысяча двести двадцать один? — спросил он.

Через три минуты он шагал по мягкому ковру, торопливо приближаясь к дверям номера. Интересно, чего она хочет? И что ей сказать после стольких лет разлуки?

Завернув за угол, Бен увидел стоящего в коридоре мужчину. Не похоже, чтобы он кого-то ждал или сам здесь жил. Незнакомец просто стоял, привалившись спиной к дверям номера, — ну да, так и есть, это номер Ли.

Бен смерил мужчину взглядом: тот был дюймов на пять выше и раза в два тяжелее. Дешевый пиджак туго обтягивал грудь и плечи, чуть не лопааясь по швам на мощных бицепсах. Лицо избороздили отметины от угрей — результат многолетнего употребления стероидов. Выбритая до блеска голова казалась несоразмерно крохотной на широченных плечах.

Не замедляя шага, Бен подошел к дверям номера 1221.

— Я к Ли Ллуэллин.

Верзила сложил руки на груди и покачал головой, глянув на Бена с легкой насмешкой.

— Гостей пускать не велено, — басом ответил охранник. — Она никого не хочет видеть.

— Я ее друг. Она меня ждет.

Широко расставленные глаза пристально уставились на Бена.

— Мне об этом ничего не сказали.

— Вы не могли бы передать ей, что я пришел? — попросил Бен. — Моя фамилия Хоуп.

— Не-а, — лениво мотнул головой верзила. — Не мог бы.

— Советую вам меня пропустить.

— Пшел вон, недомерок.

Бен протянул руку, собираясь постучать в дверь. Короткопалая ладонь сжала его запястье.

— А вот этого делать не стоило.

Верзила открыл было рот для ответа, но Бен вывернул его руку захватом, который грозил сломать запястье, и, завернув ее за спину, заставил охранника опуститься на колени: рост и вес значения не имеют, боль для всех одинакова.

— Давай-ка начнем сначала, — негромко сказал Бен. — Я пришел к Ли Ллуэллин. Я не стану ломать тебе кости, если ты меня к этому не вынудишь. Мне всего-то нужно попасть в номер. Откроешь дверь?

— Да-да. Отпусти! — панически заверещал верзила, начиная дрожать.

Дверь распахнулась — за ней стояли еще двое: оба в таких же дешевых костюмах, но не такие огромные, как первый качок.

Бен предостерегающе посмотрел на них.

— Ребята, лучше пропустите меня, или я ему руку оторву.

За спинами охранников появилась Ли, и мужчины посторонились, пропуская ее.

— Все в порядке, — заверила их она. — Я знаю этого человека.

— Здравствуй, Ли, — сказал Бен.

Мисс Ллуэллин пристально посмотрела на него.

— Что ты вытворяешь с моим телохранителем?

Звук ее голоса невольно заставил Бена улыбнуться: многолетние путешествия по всему миру и жизнь за границей лишь слегка смягчили певучий валлийский акцент.

— Это не телохранитель, а мешок с дерьмом, — ответил Бен и выпустил качка.

Тот тяжело повалился на пол. Двое его товарищей толкались в дверях и нервно поглядывали друг на друга. Укрощенный верзила медленно поднялся, потирая руку и постанывая.

— Зайди-ка лучше в номер, — сказала Ли Бену.

Он протиснулся мимо двух охранников.

Номер 1221 оказался огромным люксом. Воздух был наполнен ароматом цветов. Сквозь высокие окна, окаймленные тяжелыми шторами, проникал бледный солнечный свет. Ли провела Бена в комнату и закрыла дверь, оставив охранников в коридоре.

Они неуверенно посмотрели друг на друга.

— Пятнадцать лет прошло... — сказал Бен.

Ли оставалась такой же, какой он ее помнил, — красавицей: гибкая фигура, безупречная кожа, зеленые глаза. Она была одета в потертые джинсы и синий свитер. Никакого макияжа: Ли в нем не нуждалась. Единственное украшение — золотой кулончик на шее. Черные блестящие волосы свободно лежали на плечах — как и прежде.

— Бен Хоуп, — неприветливо начала Ли, — я когда-то пообещала себе, что если ты снова покажешься мне на глаза, то получишь пощечину.

— Так ты за этим меня позвала? Тогда валяй.

— Я уже и не надеялась, что ты появишься.

— Я получил твоё сообщение вчера вечером. И сразу поехал к тебе.

— Сообщение я оставила давным-давно.

— Я был занят.

— Ну да, конечно, — фыркнула Ли.

— Я думал, тебе нужна помощь, — сказал Бен. — А теперь вижу, что мне здесь не рады.

Ли уставилась на него с вызывающим видом.

— Твоя помощь больше не требуется. Я ударилась в панику, вот и все. Не стоило тебе звонить, я и сама справилась.

— Ты имеешь в виду этих качков у дверей?

— Ты потратил время, чтобы приехать сюда... Я возмещу твои убытки.

Она подошла к креслу, где лежала сумочка, и, вытащив кошелек, принялась отсчитывать купюры.

— Ли, мне не нужно от тебя денег. Лучше объясни, что происходит. — Он махнул рукой, показывая на дверь. — Никак цирковую труппу набираешь?

Она убрала кошелек.

— Какую еще труппу?

— Тогда зачем тебе клоуны у дверей?

— Это телохранители.

— Такие телохранители защитят разве что от банды религиозных проповедников.

— Мне понадобилась охрана, а тебя рядом не было. Как и пятнадцать лет назад.

— Теперь-то я здесь, — сказал Бен. — И приехал издалека. По крайней мере, объясни мне, что происходит.

Она вздохнула и сдалась.

— Извини. Я устала, и мне страшно. Не мешало бы промочить горло. Выпьешь чего-нибудь?

Бен положил свою коричневую кожаную куртку на спинку дивана.

— Вот это другой разговор. Я бы не отказался от приличного виски, в самолетах вечно подают всякую дрянь.

— По-прежнему жить не можешь без виски? — Ли открыла бар и вытащила зеленую бутылку. — Солодовый пойдет?

Дрожащей рукой Ли налила два стакана, и Бен удивился: вроде бы раньше она не пила. Впрочем, тогда ей было всего девятнадцать. Столько лет прошло, что он теперь о ней знает?

Ли торопливо отхлебнула и, поперхнувшись, сморщилась.

— Я попала в беду. Со мной такое стряслось...

— Сядь и расскажи по порядку, — велел Бен.

Она села в уютное кресло с противоположной стороны низкого столика из узорчатого стекла. Бен уже допил виски и налил себе двойную порцию.

Ли смахнула с лица прядку и взболтнула виски в стакане.

— Я провела в Лондоне шесть недель, — начала она. — Пела в Королевской опере. На следующее утро после последнего выступления я собиралась немного отдохнуть. Походила по магазинам в «Ковент-Гардене» и пошла домой. Я снимала квартирку недалеко от оперного театра, на тихой улочке, где часто вообще невидны ни души. И вдруг мне показалось, что за мной следят. Знаешь, такое ощущение, будто тебе в спину смотрят?

— Знаю.

— Они сидели в машине — в большой машине темного цвета. Ехали за мной со скоростью пешехода. Сначала я подумала, что это фотографы или что парни ищут девочку для развлечений. Я прибавила шагу, стараясь не обращать на них внимания. Тогда машина резко свернула на тротуар, прямо передо мной. Когда я попыталась уйти в другую сторону, они вышли из машины и преградили мне путь.

— Можешь их описать?

Ли кивнула.

— Двое и водитель. Все хорошо одеты, в темных костюмах, похожи на бизнесменов. Один велел мне сесть в машину. Я бросилась бежать, но он схватил меня за руку.

— Как тебе удалось вырваться?

Она мрачно улыбнулась.

— Знаешь, хоть и говорят, что в Монте-Карло на каждом шагу полицейские, зато женщинам на улицах ничего не грозит. Когда я еду в Европу или Штаты, всегда беру с собой газовый баллончик.

— У тебя есть баллончик со слезоточивым газом? — недоверчиво моргнул Бен.

— В демократической-то Британии? — Она покачала головой. — Какое там! Просто лак для волос. Когда меня схватили за руку, я брызнула ему в глаза.

— Прием грубоват, но работает здорово.

Ли вздохнула и опустила голову; густые длинные волосы скрыли лицо.

— Не думала, что мне придется им воспользоваться, — тихо сказала она. — Какой ужас! Никак не могу забыть. Он выпустил мою руку, закричал и стал протирать глаза. А потом достал из куртки пистолет. Я бросилась бежать, не разбирая дороги. Они помчались за мной. Вообще-то я неплохо бегаю, но они бы меня наверняка поймали, если б не подвернулось такси. Я велела водителю ехать куда угодно, лишь бы подальше отсюда. С тех пор я в квартиру не возвращалась. — Ли встревоженно посмотрела на Бена. — Ну и что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что от твоих друзей на входе толку не будет.

— Меня пытались похитить, верно?

— Похоже на то, — согласился Бен. — Ты богата и знаменита — именно за такими и охотятся. Хотя не исключено, что кто-то хочет тебе отомстить. Серьезные враги у тебя есть?

Ли задумчиво поджала губы.

— Да вроде нет. С чего бы? Я всего лишь оперная певица.

— Ты знаменитая певица. Может, это кто-то из поклонников? Были какие-нибудь странные письма? Сообщения по электронной почте? Звонки?

Она пожала плечами.

— Поклонники, которые хотят связаться со мной, обращаются к Памеле, моему секретарю. Иногда меня узнают на улице, просят автограф и все такое. Ничего странного или угрожающего я не заметила.

— Когда ты села в такси, то поехала прямо сюда?

— Я же не дура! Сообразила, что они могли запомнить номер такси и проследить за мной.

Бен кивнул.

— Значит, никто, кроме сотрудников гостиницы, не знает, что ты здесь?

— Только полиция.

— В таких делах толку от нее никакого.

— Они записали мои показания и сказали, что займутся этим.

— Номер той машины ты, конечно же, не запомнила?

— Бен, все произошло так быстро...

— Ладно, скорее всего, номер фальшивый или машина в угоне. — Он помолчал, подбирая слова. — Ли, я должен у тебя спросить... прошло столько времени с тех пор...

— С тех пор, как ты меня бросил и исчез?

Он пропустил ее слова мимо ушей.

— Я хотел сказать, что мы очень долго не виделись. Ты замужем?

— Странный вопрос. Я не...

— Я не из праздного любопытства интересуюсь.

После некоторой заминки Ли ответила:

— Это случилось через много лет после того, как мы с тобой расстались.

— Кто он?

— Композитор, пишет музыку к фильмам. Его зовут Крис, Крис Андерсон.

— Вы все еще женаты?

— Мы были женаты всего два года. Не сошлись характерами. Правда, остались друзьями.

— Она нахмурилась. — Почему ты спрашиваешь?

— Ли, похищение людей — такой же бизнес, как и любой другой. Все дело в деньгах: если нет близких людей, готовых заплатить выкуп, то нет смысла и похищать. Этот способ шантажа работает только тогда, когда кто-то готов отдать любые деньги за жизнь любимого человека. — Бен отхлебнул виски, почти опустошив стаканчик. — Единственное исключение — если у жертвы есть страховка на случай похищения с требованием выкупа.

— Я и понятия не имела, что на этот случай можно застраховаться!

— То есть у тебя такой страховки нет?

Ли помотала головой.

— Тогда, скорее всего, дело не в деньгах. Разве что действуют любители, которые хватают кого попало в надежде потом разобраться. Впрочем, на любителей эти ребята не похожи. И вряд ли они тебя с кем-то спутали. Они знали, где ты живешь, то есть подготовились заранее. — Бен одним глотком допил виски и поставил пустой стаканчик на столик. — Что ты собираешься делать?

— Для начала уеду из Лондона. Не могу больше сидеть в гостинице, словно зверь в клетке. В середине января мне нужно быть в Венеции: я пою в «Волшебной флейте», а пока проведу несколько дней в Оксфордшире. Дейв и его команда будут меня сопровождать.

— Почему именно Оксфордшир?

— Я купила там большой старый дом. Хотела основать школу для оперных певцов.

— Кто-нибудь еще об этом доме знает?

— Только я, мой секретарь и бизнес-менеджер, — ответила Ли. — Я пока не успела его обставить, коробки с вещами, которые привезли из Монте-Карло, так и лежат нераспакованные. Ничего, на несколько дней там вполне можно остановиться. Отдохну и подумаю, что теперь делать.

— Это я тебе и так скажу. Во-первых, пошли подальше этих болванов. — Он махнул в сторону дверей. — Толку от них никакого. На моем месте мог оказаться кто угодно — он вошел бы сюда, даже не заметив твоих громил на входе.

Ли кивнула.

— Да, я уже поняла. Допустим, я их выставлю прямо сейчас — и что дальше?

— Тебе нужна моя помощь?

— Я на нее надеялась.

— Ли, я не телохранитель, у меня другие задачи. Но я знаю надежных ребят. Мы обеспечим тебе настоящую охрану.

Ли явно расстроилась.

— Какой смысл менять одних качков на других?

Бен с улыбкой покачал головой.

— Я говорю о профессионалах. Ты даже не заметишь, что тебя охраняют, и при этом будешь как за каменной стеной. Я в этом уверен: сам их натаскивал.

— С тобой я чувствовала бы себя гораздо безопаснее.

- Даже после того, что я сделал тогда?
— Но ведь ты меня больше не подведешь? На этот раз не обманешь?
Бен вздохнул.
— Нет. Больше я тебя не подведу.

ГЛАВА 6

Швейцария, Берн

Хайни Мюллер придвинулся поближе к костру, чтобы согреть руки. С ночного неба лениво падали снежинки, мгновенно испаряясь на горячем металле жаровни.

Крики в толпе раздавались уже не так громко, как днем. Уставшие от долгого ожидания люди стояли группками, переминаясь с ноги на ногу, замерзшие и усталые. Одни курили безникотиновые сигареты, другие потягивали из термосов черносмородиновый чай или кофе без кофеина. Некоторые не выдержали и ушли домой, хотя человек четыреста еще оставались.

Они попытались было прорваться на территорию гостиницы, но когда эти сволочи собираются на конференции, мимо охраны и мышшь не проскочит. В гостиницу не попасть, остается лишь размахивать плакатами за высоким забором. Полиция держалась в стороне — микроавтобусы и мотоциклы поставили на дороге и на территории гостиницы. Стражи порядка нервничали, понимая, что численное преимущество не на их стороне.

В нескольких сотнях ярдов, за покрытой снегом лужайкой перед внушительным зданием гостиницы ждали тринадцать черных лимузинов-близнецов. Площадку перед парадным входом подмели и посыпали солью специально в честь приезда важных персон. Франка, подруга Хайни, совсем недавно заметила, что из служебного входа вышли водители, которые принялись очищать машины от снега, — ожидание явно подходит к концу.

— Идут! — закричал кто-то.

Протестанты схватились за плакаты, словно за оружие: «Остановим изменение климата», «Европа за Арагона».

Хайни наблюдал во взятый у Франки бинокль, как открылись двери и участники конференции гуськом вышли на улицу. Самым молодым из них было под пятьдесят. Все элегантно одеты; те, кто постарше, — в шляпах. Водители и сотрудники гостиницы сопровождали гостей, держа над их головами зонтики. Полицейские оседлали белые мотоциклы, охранники в штатском стояли вокруг, разговаривая по рации.

Тринадцать водителей одновременно открыли задние дверцы лимузинов, и пассажиры заняли свои места. Дверцы хлопнули; несмотря на снегопад, сотрудники гостиницы почтительно ждали, пока гости уедут. Двигатели мягко заурчали, и вереница машин направилась к высоким воротам, за которыми ждали протестанты. Впереди колонны ехали мотоциклисты, позади — четыре машины службы безопасности.

В первом лимузине на кожаном сиденье откинулся худощавый, элегантно одетый мужчина лет семидесяти — Вернер Кролл, председатель комитета. Сложив руки на коленях, он спокойно сидел, пока лимузин приближался к беснующейся толпе.

Напротив Кролла расположился его помощник — мужчина лет сорока, мускулистый, с короткой стрижкой, к которой привык за время военной службы. Он покосился на размахивающих плакатами протестантов и презрительно ткнул в них пальцем:

— Идиоты! Чего они хотят этим добиться?

— Демократия дает им иллюзию свободы, — негромко ответил Кролл, разглядывая толпу.

Ворота автоматически открылись, пропуская колонну. Протестанты мгновенно окружили лимузины, выкрикивая лозунги и потрясая плакатами.

«А толпа-то больше, чем обычно», — подумал Кролл. Года два назад на такие митинги собиралась кучка хиппи, человек семьдесят максимум, и полиции ничего не стоило их прижать. Времена изменились.

Протестанты окружили машину. Полиция вклинилась в толпу, слуги закона хватили людей и оттаскивали к микроавтобусам. Обстановка быстро накалялась. Трое полицейских

вцепились в молодого человека, преградившего путь лимузину. О ветровое стекло загремел плакат — стали хорошо видны коряво написанные буквы: «Европа за Арагона».

Кролл часто слышал это имя. Именно благодаря Арагону демонстрации набрали силу. Всего за несколько лет обаятельный молодой политик совершил головокружительный взлет и получил мощную поддержку. Экология и антиядерная политика перестали быть уделом хиппи, радикалов и убежденных левых: Арагон завоевал доверие среднего класса — а вот это уже опасно.

Хайни Мюллер вытащил из сумки коробку яиц. Вообще-то он был вегетарианцем и яйца не покупал, но ради такого случая сделал исключение. Хайни усмехнулся, глядя на приближающийся свет фар первого лимузина, и достал тухлое яйцо. Стоявший рядом демонстрант потряс баллончиком с красной краской.

Хайни уже занес руку, чтобы бросить яйцо, но тут лимузин остановился и непрозрачное стекло с шорохом опустилось. Хайни замер, не замечая больше рева толпы: на него смотрел сидевший в лимузине старик. От ледяного взгляда кровь застыла в жилах, и Хайни забыл про зажатое в руке яйцо. Что-то хрустнуло. Стекло поднялось, и сверкающий черный лимузин бесшумно двинулся дальше.

Хайни Мюллер смотрел на измазанные тухлым яйцом пальцы, не обращая внимания на проезжающие мимо машины. Потом в ушах снова зазвучали вопли протестантов, полицейский схватил его за волосы, и брыкающийся Хайни рухнул на землю.

Лимузин в окружении полицейских на мотоциклах быстро миновал демонстрантов. Кролл лениво откинулся на сиденье и достал зазвеневший мобильный телефон.

— Ллуэллин уехала до того, как мы до нее добрались, — испуганно и заискивающе сказал голос в трубке. — Мы опоздали на полчаса.

Кролл слушал, невозмутимо глядя на проносящиеся мимо заснеженные холмы.

— Но мы узнали, где она, — продолжал ободренный молчанием собеседник. — У меня есть адрес.

Кролл записал продиктованный адрес в блокнот, молча выключил телефон и, нажав кнопку на панели управления, уставился на небольшой плоский экран.

Запись он видел не один раз, но ему нравилось смотреть на девушку. Ожерелье из поблескивающих жемчужин на шее сияло по контрасту с черными волосами. Она сидела в большом кресле, оживленно разговаривая с ведущим одного из британских телеканалов.

— Недурна, верно? — заметил помощник.

— Верно — тихо согласился Кролл, не сводя глаз с экрана.

Он выключил видеоплеер, и экран померк. Кролл на мгновение уставился ледяным взглядом в глаза помощнику, потом передал ему вырванный из блокнота листок с адресом.

— Джек, займись этим.

ГЛАВА 7

Западный Оксфордшир, деревня Астон

Когда они доехали до спящей деревушки, уже сгустились сумерки. Бен велел таксисту остановиться на площади в центре. Они купили кое-какие продукты в магазине и вызвали местное такси, чтобы проехать две мили до Лэнгтон-холла.

Вдоль длинной извилистой дорожки, ведущей к особняку, стояли припорошенные снегом ивы и дубы. На фиолетовом небе темным силуэтом выделялись печные трубы и остроконечная крыша, на которой поблескивала в лунном свете изморозь. Где-то рядом ухнула сова.

Отперев тяжелую дубовую дверь, Ли торопливо набрала на вделанной в стену панели код, чтобы выключить сигнализацию, потом зажгла свет.

Бен оглянулся, рассматривая восхитительные резные панели и широкую лестницу.

— Симпатичное местечко...

Его голос эхом отдался в пустой прихожей.

— Будет симпатичным, если довести до ума, — ответила Ли и вздрогнула. — Вот только холодно очень. Котел такой же древний, как сам дом, и отопление не работает.

— Ерунда. Я камин затоплю, быстро согреемся.

— Спасибо, Бен. Дрова в сарае.

Ли провела его в большую кухню с полом из каменных плит. Бен положил пакеты с покупками на стол, убедился, что старинный замок на двери в кухню исправен, и тихонько открыл ящик буфета — ага, то, что надо. Он незаметно сунул большой мясницкий нож под куртку.

— Пойду дров принесу и осмотрюсь. Запри за мной дверь.

— Что...

— Не волнуйся, осторожность еще никому не помешала.

Ли послушалась: в замке легко повернулся большой железный ключ. Шаги Бена затихли в дальнем конце коридора.

Ли открыла бутылку вина, купленную в деревенском магазине. В кладовой нашлись стаканы и кое-что из кухонной утвари. Сняв с крючка тяжелую чугунную сковороду с длинной ручкой, она поставила ее на газовую плиту и, улыбаясь про себя, вытащила упаковку яиц.

Как странно: после стольких лет Бен снова рядом. Когда-то она его любила — любила настолько, что подумывала отказаться от еще не начавшейся карьеры певицы.

«Он тебе понравится», — однажды сказал брат и оказался прав: новый армейский друг Оливера был не похож на остальных парней. Ли только что исполнилось девятнадцать, и Бенедикт — как его представили — был на четыре года старше. Улыбчивый смысленный юноша разговаривал с Ли так, как не разговаривал еще ни один парень. Раньше Ли думала, что любовь с первого взгляда всего лишь сказки, но с Беном именно так и получилось. С тех пор она ни в кого не влюблялась и прекрасно помнила каждый день из пяти месяцев, что они провели вместе.

Интересно, Бен сильно изменился? Внешне он остался почти таким же, разве что лицо немного похудело от забот да прибавилось на нем морщинок — причем хмурых больше, чем улыбчивых. Физически Бен до сих пор в превосходной форме — и все же изменения заметны. Раньше он был мягче и нежнее, иногда даже выглядел уязвимым. Теперь от этого и следа не осталось. За прошедшие пятнадцать лет Оливер рассказывал сестре про друга достаточно много. Ли знала, что Бен видел жуткие вещи, да и сам, скорее всего, кое в чем принял участие. От такого жизненного опыта неизбежно остается след в душе. Порой Ли замечала холодный блеск в голубых глазах, ледяную твердость, которой там не было раньше.

Они поели, сидя на коврике перед камином в необставленном кабинете. Бен развел огонь, и в комнате — самой маленькой в огромном особняке — скоро потеплело. Отблески пламени плясали на дубовых панелях. В темных углах громоздились нераспакованные коробки с вещами.

— Ужин из яичницы и дешевого вина — да у тебя солдатские вкусы! — ухмыльнулся Бен.

— Поработал бы с мое каждый божий день, научился бы ценить все, что делается быстро и просто, — улыбнулась в ответ Ли.

Бутылка вина наполовину опустела. Ли расслабилась. Она уже много дней не чувствовала себя так раскованно и теперь молча смотрела в огонь, загнипнотизированная пляшущими языками пламени.

Бен тоже молчал, наблюдая за Ли. Он хорошо помнил последний раз, когда они сидели вот так у камина, — пятнадцать лет назад. Беи и Оливер получили отпуск и вместе поехали в Билт-Веллс. Ллуэллины жили в старом купеческом особняке — дряхлом и потерявшем былое величие: Ричард Ллуэллин перестал следить за домом с тех пор, как дела его мастерской по реставрации антикварных пианино покатались под гору. Бен лишь мельком видел отца Ли и Оливера, добродушного дородного старика с седеющей бородой, красным от чрезмерной любви к портвейну лицом и печальными глазами вдовца.

Однажды вечером за окном шел ливень и ветер завывал в трубе. Оливер, вырвавшись на

неделю из казармы, по его собственному выражению, «отправился на поиски красоты». Ричард Ллуэллин, как обычно, сидел в своем кабинете, углубившись в старые книги и документы.

Бен остался наедине с Ли у камина, в котором жарко пылал огонь. Они негромко разговаривали весь вечер — именно тогда и случился их первый поцелуй. Не так уж много поцелуев за ним последовало...

Бен улыбнулся про себя, стряхивая грезы и разглядывая отблески огня на лице Ли: она все такая же, ни время, ни слава ее не изменили.

— О чем ты думаешь?

Ли подняла на него взгляд.

— О тебе.

— Что именно обо мне?

— Ты был женат? Нашел себе кого-нибудь?

Бен помолчал.

— С моим образом жизни это слишком сложно. Наверно, я не из тех, кто становится примерным семьянином.

— Значит, ты ничуть не изменился.

Он промолчал, почувствовав укор в ее словах.

— Я долго тебя ненавидела, — тихонько призналась Ли, глядя в огонь. — За то, как ты со мной обошелся.

Бен по-прежнему молчал.

— Почему ты не пришел тогда? — Ли посмотрела ему в глаза. — Я любила тебя.

— Я тоже тебя любил.

— Правда?

— Правда.

— Вот только армию ты любил еще больше.

— Ли, я был молод. И думал, что знаю, чего хочу.

Она перевела взгляд на огонь.

— Я ждала тебя в тот вечер после выступления. Я так радовалась: ведь это был мой дебют! Я думала, что ты в зале, и старалась для тебя изо всех сил. Ты сказал, что зайдешь ко мне в гримерную и мы вместе поедem на вечеринку. И не пришел. Исчез.

Бен не знал, что сказать.

— Ты разбил мне сердце. Может быть, ты этого так и не понял.

Бен погладил ее по плечу.

— Мне очень стыдно за то, что я сделал. Я не мог об этом забыть и часто о тебе думал.

— Извини. Не стоило мне ворошить прошлое. Что было, то было.

Они помолчали. Бен подбросил в камин полено, и в дымоход взвились оранжевые искорки. Что тут еще скажешь?

— Я очень скучаю по Оливеру, — внезапно призналась Ли.

— Я тоже, — ответил Бен. — Жаль, что мы в последние годы так редко виделись.

— Он часто о тебе говорил. Бен покачал головой.

— Зачем его понесло на озеро?

— Никто толком не знает. Единственный свидетель — дама, с которой он провел вечер.

— Кто она?

— Мадлен Лоран, жена какого-то дипломата. Из-за этого даже скандалчик вышел, и кое-кому не терпелось прикрыть расследование. Подробности случившегося довольно расплывчаты.

— Так что все-таки произошло? — поинтересовался Бен.

— Насколько я знаю, они были на какой-то вечеринке — официальное мероприятие с кучей важных персон. Понятия не имею, где именно и кто еще там присутствовал. Если и были другие свидетели, они, скорее всего, не стали светиться.

— Официальное мероприятие для важных персон? — повторил Бен. — Не похоже на Оливера.

— Он пошел вместе с этой женщиной. Она заявила, что Оливер ее буквально преследовал, а муж вечно где-то пропадал. На вечеринке было море шампанского, ну, Оливер и угостился на славу.

— Да, это он мог, — кивнул Бен.

— Они танцевали и пили шампанское. Она тоже набралась, но все-таки меньше Оливера. Мало-помалу дело дошло до того, что он захотел с ней уединиться: по словам свидетельницы, он настаивал, что отвезет ее в гостиницу, где они бы сняли номер на двоих.

— А в спальню не проще было ускользнуть?

— Наверное, нет.

— Не похоже на Оливера. Он никогда не садился за руль пьяным.

— Я тоже так подумала, — согласилась Ли. — Но он побил машину по дороге в гостиницу — я своими глазами видела повреждения.

— Он был на своем стареньком «миджете»?

— Да, и здорово его разбил: капот весь вмят, будто машина в стену врезалась.

— Если он появился в гостинице пьяным на разбитой машине, то должны быть и другие свидетели, — заметил Бен.

Ли покачала головой.

— До гостиницы он не доехал. Похоже, им стало невтерпеж, и они остановились в тихом местечке где-то по дороге.

— Возле озера?

Ли кивнула и помрачнела.

— Там-то все и произошло. По словам женщины, Оливеру взбрело в голову покататься на льду.

— Вот уж это и вовсе на него не похоже!

— Я тоже так думаю, — кивнула она. — Однако, судя по всему, именно так все и было. Его осенила дурацкая идея, и он пошел на лед. Женщина сначала тоже хотела повеселиться, потом ей это надоело, и она вернулась в машину. И заснула.

— Странно. Напилась настолько, что ее сморило, зато потом припомнила кучу подробностей?

— Я рассказываю тебе с ее слов. Нет никаких доказательств, что все было именно так.

— Оливер полез на лед до или после секса?

— Она утверждает, что так далеко дело не зашло.

— То есть доехать до постели в гостинице ему было невтерпеж, но при этом он решил сначала покататься по льду?

— Да уж, — согласилась Ли. — Я тоже подумала, что бред какой-то получается. Хотя если Оливер нализался...

Бен вздохнул.

— Ладно, рассказывай, что было дальше.

— Женщина проснулась от холода. Она думает, что прошло примерно полчаса. — Ли помолчала, со вздохом закрыла глаза и пригубила вино. — Вот и все. Она осталась одна — Оливер не вернулся.

Бен пошуровал в камине, молча обдумывая услышанное. «Черт побери, Оливер! Ведь учили же тебя, что нельзя делать такие глупости! Болван бестолковый, и как тебя угораздило? Какая глупая смерть!»

— А чем он вообще занимался в Австрии?

— Собирал материалы для книги.

Бен отложил кочергу и обернулся.

— Какой еще книги? Художественной?

— Нет, книга про Моцарта.

— Биография, что ли?

— Да нет, про жизнь Моцарта уже миллион раз писали. Оливер хотел написать про его смерть.

— Странную тему он выбрал. Впрочем, я-то про Моцарта ничего толком не знаю.

— Олли был очень увлечен этим вопросом. Постоянно присылал мне свои заметки, держал в курсе дела. Я спонсировала его исследование, наверное, поэтому он считал себя обязанным отчитываться. Мне вечно не хватало времени все это прочитать, а когда он... в общем, после несчастного случая я так и не собралась с духом, чтобы их просмотреть. Оливер отправил мне посылку в самый день смерти... — Ли опустила голову и, отхлебнув вина, продолжила: — Однако в последнее время меня не оставляет мысль, что я должна завершить то, что он начал.

— То есть дописать его книгу?

— Да. В память о нем. Я привезла все его заметки из Монте-Карло. Они лежат в одной из коробок. — Ли показала на груды вещей в углу, — Как тебе идея? Очень глупо звучит?

— Наоборот, прекрасная мысль. Ты уверена, что сможешь закончить книгу?

— Я певица, а не писатель, — ответила Ли, — Хотя тема очень интересная, и надеюсь, у меня получится. Возможно, даже на пользу пойдет — поможет примириться с потерей брата.

Бен кивнул и наполнил стаканы. Бутылка опустела. Пожалуй, пора доставать вторую.

— Так что там насчет смерти Моцарта? — спросил он. — Про нее ведь вроде бы давным-давно все известно.

— Ты имеешь в виду версию о завистливом сопернике-композиторе, который его отравил? — хмыкнула Ли. — Старье. Придумали сказочку и растрезвонили о ней на весь мир.

Бен поднял стакан, разглядывая пляшущие языки пламени сквозь багровую жидкость.

— Ну а Оливер что об этом думал?

— Он говорил, что в результате исследований открыл совершенно новые обстоятельства смерти Моцарта, именно поэтому книга имеет огромное значение.

— Так кто же убил Моцарта?

— Насколько я поняла, Оливер считал, что убийство — дело рук масонов.

— Те самые ребята в фартуках и с закатанной штаниной?

Ли недовольно посмотрела на Бена.

— Оливер относился к этому вполне серьезно.

— Да зачем масонам вытворять такие глупости?

— Из-за «Волшебной флейты».

— Той оперы, про которую ты говорила? Может, расскажешь поподробнее? Или я сам должен догадаться?

— «Волшебная флейта» проникнута масонской символикой, — терпеливо объяснила Ли.

— Она выдает секреты, которые масоны поклялись хранить в тайне.

— А Моцарт-то откуда эти секреты знал?

— Он сам был масоном.

— Надо же, впервые слышу. То есть он распустил язык и поплатился головой?

— Вот именно. Правда, подробностей я не знаю.

— Интересно было бы почитать такую книжку, — улыбнулся Бен. — И как Оливер умудрился все это раскопать?

— С помощью находки отца. Помнишь?

— А, письмо... — вспомнил Бен.

— Да, — кивнула Ли. — Именно на нем все и основано. Поэтому Оливер хотел назвать книгу «Письмо Моцарта».

Бен открыл было рот, но зазвонил мобильник Ли.

— Ли Ллуэллин, — сказала она, вытащив телефон из кармана.

Из трубки послышался мужской голос. Ли нахмурилась.

— Я уехала из «Дорчестера». — Пауза. — Я в своем загородном доме, в Лэнгтон-холле...

А в чем дело?

Бен не слышал слов собеседника и внимательно вглядывался в Ли.

Она вытаращила глаза.

— Господи... Целиком? — Пауза. Ли занервничала. — Ничего не тронули? Нет...

Ладно... — Новая пауза. Ли провела рукой по волосам. — Хорошо. Да, конечно... Спасибо, что позвонили.

Ли со вздохом отложила телефон.

— Ничего себе... — пробормотала она.

— Кто это?

— Полиция. Моя квартира в Лондоне... ее перевернули вверх дном.

ГЛАВА 8

Вена

Сержант полиции Маркус Кински обладал безошибочной зрительной памятью. Заметив в толпе на площади знакомое лицо, он доверился интуиции и последовал за женщиной в темно-синей шали и таком же берете. Вещи были неброские, но дорогие.

День выдался пасмурный и холодный, того и гляди, снежок посыпет. Полы старого пальто сержанта раздувал ледяной декабрьский ветер. Женщина пробиралась сквозь толпу туристов и покупателей. Кински не выпускал цель из виду, держась шагах в тридцати позади.

Когда женщина вошла в кафе, он помедлил у входа, наблюдая за ней сквозь стекло витрины. Кински, уроженец Восточного Берлина, терпеть не мог венские кафешки, похожие на чрезмерно украшенный свадебный торт. Женщина села за столик в дальнем углу, сняла шаль и вытащила из сумочки книгу в бумажной обложке.

Кински вошел в кафе и выбрал место, откуда мог наблюдать за женщиной поверх развернутой газеты. Круглый столик с мраморной столешницей был для него маловат, изящный стул потрескивал под дородным полицейским. До чего же здесь все игрушечное, черт бы их побрал!

Почти год назад Кински вел расследование дела Ллуэллина и присутствовал на допросе Мадлен Лоран. Свидетельница была длинноволосой блондинкой, сидевшая в кафе женщина — брюнеткой с короткой стрижкой, которая скрывала форму лица. А вот черты лица не изменились — как и карие глаза. Кински заметил, как они блеснули, когда женщина, просмотрев меню, подняла взгляд на подошедшего официанта. Она заказала пирожное, какао со сливками и ликером.

«Ах ты, прожорливая стерва! — подумал сержант. — И по-немецки ты вдруг заговорила гораздо лучше».

Без сомнения, это та самая женщина.

Кински заказал себе черный кофе без сахара, откинулся на шатком стуле и сделал вид, что читает газету, на самом деле припоминая подробности дела Ллуэллина.

Мадлен Лоран, двадцать шесть лет, француженка, замужем за Пьером Лораном, французским дипломатом, аккредитованным в Вене. Скандал аккуратно замяли. Люди Лорана очень настаивали на том, чтобы полицейские не болтали о связи Мадлен с англичанином Оливером Ллуэллином. Заплаканная свидетельница дала показания, которые впоследствии бесследно исчезли, прямо-таки растворились в воздухе. К тому времени в дело уже подшили отчет коронера, так что никто особо и не старался найти затерявшиеся документы. Никто, кроме Кински.

Когда он стал задавать вопросы, ему официально велели не совать нос куда не следует: ситуация щекотливая и дело закрыто. Через несколько дней он узнал, что дипломата отозвали из Австрии и на три года отправили с новым назначением черт знает куда. Ах да, в Венесуэлу. Кински потом долго не мог прийти в себя от злости.

Если это действительно та самая женщина, то что она делает в Вене? Приехала в гости к родственникам на Рождество? Не исключено. Вполне может быть, что ни в чем противозаконном она не замешана и он зря теряет время.

Вот только интуиция утверждала обратное. За двадцать шесть лет службы в полиции (причем первые девять — на беспокойных улицах коммунистического Восточного Берлина) Маркус Кински научился доверять интуиции.

Он вышел в туалет, заперся в кабинке и набрал номер, указанный на бланке меню.

Сержант неторопливо допивал кофе, когда хозяйка кафе громко спросила:

— Дамы и господа, здесь есть Мадлен Лоран? У меня для нее срочное сообщение. Нет?

Оглядев зал, хозяйка пожала плечами и вернулась к своим делам.

Женщина застыла, не успев пригубить какао, потом взяла себя в руки и, поставив недопитую чашку на столик, нервно огляделась. Кински усмехнулся, прикрываясь газетой: попалась!

Оставив недоеденное пирожное, женщина взяла шаль и сумочку, торопливо расплатилась и ушла.

Кински бросил на столик деньги и пошел следом. Она пробралась сквозь оживленную толпу и остановила такси. Сержанту преградила путь плотная масса человеческих тел, он сердито проталкивался вперед и уже был шагах в двадцати от беглянки, когда она села в машину. Мелькнула изящная ножка, дверца захлопнулась, и такси влилось в поток машин.

— Эх, чтоб тебя!

Кински вернулся в кафе и предъявил хозяйке удостоверение.

— Полиция. Пару минут назад отсюда вышла женщина. Она расплатилась кредитной карточкой. Мне нужно узнать имя на кредитке.

Хозяйка деловито просмотрела стопку квитанций и передала ему верхнюю.

Имя и подпись принадлежали вовсе не Мадлен Лоран. Женщину звали Эрика Манн.

ГЛАВА 9

Оксфордшир, Лэнгтон-холл

Несмотря на уговоры, Бен отказался оставить Ли на ночь без охраны, но не в спальне же с ней ночевать, и теперь сидел под дверью, в продуваемом сквозняками коридорчике, привалившись к стене.

Как странно. Когда-то они были так близки, а теперь она совсем рядом, спит в соседней комнате, но между ними пролегла пропасть. Странно и грустно.

Бен упорно бодрствовал часов до шести, не выпуская сигарету изо рта, и выкурил почти всю пачку.

За пыльным окном засветилась бледная заря. Он размышлял о вчерашнем телефонном звонке из полиции, снова и снова обдумывая все подробности. Квартиру Ли могли выпотрошить в любое время за последние пять дней: когда соседи вернулись из отпуска, то обнаружили, что дверь приоткрыта, увидели беспорядок и вызвали полицию.

На обычное ограбление не похоже: злоумышленники подняли ковры и даже доски пола, разнесли всю мебель по кусочкам, разрезали подушки — и ничего не взяли. Полиция обнаружила жемчужное ожерелье, золотые часы и сережки с алмазами на ночном столике, где их оставила Ли. Бред какой-то.

Бен встал, потянулся, свернул спальный мешок и пошел на первый этаж. Когда на кухне появилась дрожащая от холода, растрепанная Ли, вода уже вскипела. Они пили горячий кофе, изредка перебрасываясь короткими фразами, и смотрели, как за окном разгорается рассвет. Ли стиснула кружку ладонями, согревая пальцы. Судя по ее бледному виду, она ужасно устала.

— Что ты теперь будешь делать? — спросила Ли. — Побудешь со мной или позвонишь своим ребятам?

— Мне было бы спокойнее, если бы тебя охраняли профессионалы. Не могу же я постоянно сидеть с тобой двадцать четыре часа в сутки. — Бен помолчал. — Но мне хотелось бы знать, что происходит.

— Так ты остаешься?

Он кивнул.

— Пока да.

Она поставила кружку на стол.

— Хорошо. Тогда пойду-ка я распакую коробки, раз уж все равно здесь застряла. В доме

жуткий холод, а там есть теплые вещи.

Бен принес еще дров и растопку из сарая, выгреб вчерашнюю золу из камина в кабинете и развел огонь. Оранжевые языки пламени с ревом взметнулись в дымоход.

Бен почувствовал за спиной какое-то движение.

— Что ты делаешь? — изумился он.

Ли перестала подпрыгивать.

— Вспомнила старые времена в Билт-Веллсе, — засмеялась она. — Отец тогда совсем на мели сидел и заставлял нас бегать и прыгать, чтобы поменьше тратить на отопление. Он уводил нас гулять, и, когда мы возвращались, раскрасневшиеся от мороза, холодный старый Дом казался теплым и уютным.

Бен подбросил в камин пару поленьев.

— Прямо как в армии. Там это называют «воспитание характера».

Ли посмотрела в окно: солнце уже поднялось над верхушками деревьев.

— А не пойти ли нам прогуляться? Я сто лет на улице не была. Не хочешь подышать свежим воздухом?

— Почему бы и нет? Заодно покажешь мне свои владения.

Ли заперла тяжелую дверь черного хода и положила ключ в карман замшевого пальто. Они молча шагали вниз по пологому склону, к лужайкам и декоративному пруду, за которым высился лес. Над засыпанной сухими листьями тропинкой, размякшей от зимних дождей, нависали вечнозеленые ветви лавровишни. Сквозь просветы в кронах блестело холодное солнце.

— Мое любимое место, — улыбнулась Ли, указывая вперед, где заканчивался зеленый туннель лавровишен, открывая вид на луга и сверкающую серебром реку. На берегу паслись лошади.

— Какая красота! Летом я хочу поставить тут скамейки.

Она посмотрела вдаль, и улыбка медленно сползла с лица.

— Я понимаю, что тебе не хочется говорить об этом, — сказал Бен, догадавшись, о чем она думает, — но мы должны выяснить, что происходит.

Ли опустила взгляд.

— Понятия не имею.

— Может быть, в твоей квартире искали что-то ценное?

Ли вздохнула.

— Я сняла ее на время выступлений в оперном театре. Моих вещей в квартире почти не было, да и сама я в ней почти не бывала.

— А ты уверена, что, когда ты туда въехала, в квартире было пусто? Предыдущие жильцы ничего не могли оставить?

— Когда я ее сняла, там ничего не оставалось, — покачала головой Ли. — Нет, охотятся за мной, но я понятия не имею, что именно им нужно...

Бен молча потрепал ее по плечу, чувствуя напряженные мышцы. Ли отступила на шаг, уклоняясь от прикосновения.

Они гуляли почти целый час. Бен посмотрел на небо: того и гляди, дождь польет.

— Пойдем-ка домой, — предложил он.

К тому времени, когда они вышли из леса и вернулись к дому, солнце закрыли свинцовые облака. Поднялся ветерок, и в воздухе повисли мелкие капли.

Ли открыла дверь, Бен первым прошел по коридору на кухню, где оставил рюкзак, и хотел было вытащить свой мобильник, но вдруг застыл и прищурился.

— В чем дело? — поинтересовалась озадаченная Ли.

Он предостерегающе посмотрел на нее и прижал палец к губам. Ли жестами выразила недоумение. Бен молча схватил ее за руку, подтащил к кладовке и бесцеремонно втолкнул туда.

— Бен... — начала испуганная и растерянная Ли.

— Сиди тихо, — прошептал он и закрыл дверь.

Оглянувшись, Бен взял с газовой плиты тяжелую чугунную сковороду, выскользнул из

кухни и бесшумно двинулся по коридору.

В кабинете, спиной к двери, стояли двое в масках, одетые в одинаковые военные куртки и вооруженные полуавтоматическими пистолетами. Незваные гости успели перевернуть комнату вверх дном: коробки с вещами вскрыли, высыпав содержимое на пол, повсюду валялись ноты, письма и документы. Налетчики не услышали, как в дверях возник Бен: один рылся в чемодане, небрежно разбрасывая одежду во все стороны; другой присел на корточки возле камина, вспарывая ножом большую картонную коробку. Из вскрытой коробки посыпались книги, папки и листы бумаги. Порывшись внутри, бандит вытащил плоскую архивную коробку для хранения документов, внимательно оглядел ее и махнул напарнику. Тот успел наполовину обернуться, когда Бен расколот ему череп сковородой: ее край вонзился в кость, словно топор, и мужчина рухнул на пол, дрыгнув ногами.

Его приятель отбросил папку в сторону и потянулся к оружию, но Бен оказался проворнее и ударил его в горло — не слишком сильно: чтобы не убить, а всего лишь обезвредить.

Бен сжал пальцы на горле упавшего противника.

— На кого работаешь? — тихо спросил он, вытаскивая пистолет из дрожащей руки налетчика — ничего себе, тяжелый «пара-орданс» сорок пятого калибра, с вместительной обоймой, взведенный и поставленный на предохранитель. От сверкающего пистолета еще пахло смазкой.

Бен предпочитал прямолинейную тактику допроса. Он снял предохранитель и приложил дуло к виску бандита.

— Быстро отвечай, или получишь пулю.

Глаза в овальных прорезях маски закатились. Бен слегка ослабил хватку на горле пленника и глянул на валявшуюся на полу архивную коробку: на ней стояла сделанная аккуратным почерком надпись — «Письмо Моцарта». Бен сильнее прижал дуло к виску грабителя:

— Что вы здесь искали?

Дверь с треском распахнулась. Третий бандит ворвался в комнату, стреляя из пистолета. Укрыться было негде, тяжелая пуля просвистела над самым ухом Бена. Он схватил пленника и выставил перед собой. Тот дернулся от попавшей пули и нечаянно толкнул коробку в камин.

«Пара-орданс» дважды вздрогнул, грянули два выстрела. Нападающий перегнулся пополам и сполз по стене на пол.

Бен отпустил послужившего щитом пленника. Содержимое коробки разлетелось, попавшая в камин бумага свернулась и почернела, тронутая языками пламени. Загорелся уголок коврика. Бен растоптал огонь и вытащил из камина остатки бумаги.

Подойдя к третьему бандиту, он внимательно осмотрел его: одежда, маска и оружие такие же, как у первых двух. Одна пуля попала в грудь, вторая снесла верхнюю часть черепа: дуло пистолета подпрыгнуло вверх от отдачи.

Бен вздохнул: ни одного из троих уже не допросишь.

Где-то хлопнула дверь. Странно. Ли куда-то вышла? Он вскочил и помчался по широкому коридору. Послышались крики, шум мотора, захрустел гравий на дорожке перед домом.

Скользя по натертому паркету, Бен выбежал в прихожую и, распахнув дверь, успел заметить, как четвертый бандит прыгнул в фургон, рванувший прочь от дома.

Прицелившись, Бен проделал шесть дырок в задних дверях фургона — во все стороны брызнули осколки стекла. Машину занесло, но водитель не останавливался. Бен выстрелил еще три раза в быстро уменьшающуюся цель, стараясь пробить шины. Фургон стремительно удалялся и вскоре пропал из виду.

Едва Бен открыл дверь кладовой, как оттуда с воплем выскочила Ли, изо всех сил ударив металлическим фонариком — если б попала по голове, то кома обеспечена.

Бена она явно не узнала: бледная как мел, она глядела на него диким взглядом и тяжело дышала. Бену пришлось потрясти ее за плечи.

— Ли, это я!

Она пришла в себя.

— У нас побывали незваные гости, — сообщил он, — но теперь опасность позади. Хотя нам все равно лучше убраться отсюда, пока не заявили их друзья.

— Ты куда? — спросила Ли.

Ее била крупная дрожь.

— Соберу твои вещи, — ответил Бен и взял рюкзак. Закрыв за собой дверь кабинета, он собрал обугленные бумаги: некоторые рассыпались от прикосновения.

Среди документов обнаружился небольшой запечатанный конверт: примерно четыре на четыре дюйма, плотный, легкий и тонкий, один уголок обгорел в огне. Конверт отправили на адрес Ли в Монте-Карло, почтовый штампель поставили в Вене — через день после смерти Оливера.

Бен запихал все подряд в коробку — по надписи «Письмо Моцарта» расплзлось пятно крови. Коробку он положил в рюкзак, забрал у мертвецов одинаковые пистолеты сорок пятого калибра, а также запасные обоймы. Судя по всему, ребята были профессионалами: никаких документов, удостоверяющих личность, при них не обнаружилось.

Бен заметил, как поворачивается дверная ручка, — Ли вошла прежде, чем он успел ее остановить.

Распростертые на полу мертвецы в масках, лужа крови, алое пятно на стене, сковорода, застрявшая в черепе... От такого зрелища Ли замерла и пошатнулась.

— Тебе не стоило сюда заходить.

Бен подхватил ее под локоть и вывел из комнаты.

— Кто это сделал? Ты? — спросила она едва слышно.

— Потом расскажу. Ты готова к отъезду?

Она слабо кивнула.

Бен посмотрел на часы: прошло десять минут с тех пор, как бандиты сбежали.

— Надо пройти через луг и поискать какое-нибудь средство передвижения.

— У меня здесь машина, — сказала Ли. — В гараже за домом.

ГЛАВА 10

Австрия

Ив заперла за собой дверь своей комнаты и прислонилась к ней, крепко зажмурившись.

Давно ли этот полицейский следит за ней? Как его зовут-то? Кински, кажется?.. Следователь Маркус Кински.

Она дважды вляпалась по-крупному — им это не понравится. Во-первых, ей следовало уйти из кафе, как только она узнала полицейского. Как ни в чем не бывало спокойно выйти на улицу, взять такси и вернуться домой.

Второй ошибкой стал оставленный след: у нее не оказалось нужной суммы, хотя ей постоянно твердили, что нужно всегда иметь с собой наличные. Она запаниковала и в спешке, торопясь убраться, заплатила кредиткой на имя Эрики Манн. Кински наверняка пойдет по следу и упрется в тупик, потому что документы фальшивые. Тогда подозрения полицейского только усилятся. Документами на имя Эрики Манн теперь пользоваться нельзя.

Сегодня ей повезло, удалось уйти, но если он ее подозревает, то так просто в покое не оставит.

Ив почувствовала, как окаменели мышцы шеи и плеч, во рту пересохло.

С какой стати полицейский вообще пошел за ней? Все еще вынюхивает след в деле Ллуэллина? Но зачем? Дело давно закрыли.

Ив вытащила из сумочки «магнум» двадцать второго калибра и повертела в руках крохотный револьвер: шесть дюймов длиной, всего восемь унций весом, пять маленьких патронов, которые без труда пробьют череп. В людей Ив никогда не стреляла, однако пользоваться револьвером умела.

Интересно, какво направить оружие на живого человека и нажать на спусковой крючок?

Если понадобится, то она так и сделает: в ее шатком положении рисковать нельзя.

А может, было бы лучше позволить Кински пойти за ней? Заманить его куда-нибудь, очаровать — вот уж это она делала не раз. Тогда можно было бы спокойно пристрелить ищейку.

Ив подумала про Оливера Ллуэллина: интересно, когда наконец доберутся до его сестры? От этих людей не скроешься.

Все еще с револьвером в руке, она подошла к кровати. На белом шелке подушки выделялось красное пятно — бархатный футляр для драгоценностей. Внутри лежала брошь в стиле ар-нуво работы Рене Лалика: золото, бриллианты и сапфиры — прелестная вещица! Неделю назад Ив с восхищением рассматривала эту брошь в витрине антикварного магазина.

Помимо броши в футляре была записка, написанная знакомым почерком.

«Надень ее сегодня».

Ив закрыла футляр, отшвырнула его и легла на кровать, не зажигая света. Потом она медленно подняла руку, прижимая к виску холодное дуло револьвера. Щелкнул снятый предохранитель. Одно движение пальца — и все проблемы решены...

Ив вздохнула и убрала револьвер.

Духу не хватало.

Так что деваться некуда.

ГЛАВА 11

Оксфордшир

Взвизгнув шинами, «ТВР тускан» вылетел на шоссе. Бен вжал педаль газа в пол, торопясь убраться подальше от Лэнгтон-холла — не важно куда. На деревенских дорогах машины встречались редко; миль шесть он гнал на полной скорости, постоянно поглядывая в зеркало заднего вида, затем съехал на обочину и заглушил двигатель. Ли сидела молча, бледная как мел.

— Как ты себя чувствуешь? — Бен обернулся и достал с заднего сиденья рюкзак — во фляжке еще оставалось немного виски. — Я знаю, ты не очень-то любишь алкоголь, но в таких случаях он хорошо помогает.

Ли глотнула обжигающую жидкость и закашлялась.

— Спасибо. — Она вернула ему фляжку.

Бен допил остатки.

— Кому ты собралась звонить? — спросил он, увидев, что Ли достала мобильник.

— Хочу вызвать полицию.

Он выхватил телефон прежде, чем она успела набрать номер.

— Лучше не надо.

— Почему?

— До вчерашнего вечера никто не знал, где мы находимся. Ты сказала об этом полиции, и к нам тут же явились гости.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что не люблю совпадений. Кроме того, в данном случае есть одна маленькая проблема: в твоём доме валяются три трупа. Я их убил, а ты — моя сообщница. Мне не улыбается загреметь за решетку. — Бен вытащил из рюкзака коробку с засохшими пятнами крови и показал ее Ли. — Вот что они искали.

— Письмо Моцарта? Записки Оливера?.. — Она растерянно посмотрела на Бена. — Кому они могли понадобиться?

— Я думаю, пора на них взглянуть, — сказал Бен. Он поставил рюкзак на пол — внутри глухо звякнули пистолеты — и положил коробку на колени.

— Что произошло? — ахнула Ли, когда Бен открыл крышку. — Все документы обгорели!

Плотный конвертик выпал из коробки на пол. Бен не обратил на него внимания, осторожно перебирая бумаги, стараясь не повредить хрупкие листки. Одни были исписаны от руки, другие — отпечатаны на принтере. От многих остались лишь невнятные обугленные обрывки с именами, датами, историческими фактами. Частенько встречалось имя Моцарта.

Ли взяла сильно поврежденный огнем листок, и он рассыпался в ее руках.

— Это почерк Оливера, — сказала она, прикусив губу. — Одно из писем, которые брат присылал мне из поездок.

— Все сгорело, — пробормотал Бен, сложил обрывки бумаги обратно в коробку и закрыл крышку. — Ли, в чем дело? Зачем им материалы Оливера?

— Ты меня спрашиваешь?

— Ничего не понимаю. Вчера ты мне сказала, что эти бумаги лежат у тебя уже много месяцев. И вдруг они кому-то срочно понадобились. Что в них такого интересного? И откуда стало известно, что они вообще у тебя есть?

Ли недоуменно молчала.

— Кто-нибудь знает о том, что ты собралась написать книгу?

В глазах Ли внезапно блеснуло понимание.

— Вот черт!

— Что такое?

— О моих намерениях знают пара миллионов людей.

— Да объясни ты толком!

— Телевизионное интервью! В музыкальной передаче на Би-би-си, говоря о будущих европейских гастролях, я упомянула про намерение закончить книгу. Я сказала, что Оливер посылал мне копии своих материалов до самого дня смерти, но я была слишком расстроена, чтобы взглянуть на них.

— Когда показывали это интервью?

Ли поморщилась.

— За два дня до того, как на меня напали в Лондоне.

Бен почувствовал что-то под ногами и поднял упавший конверт.

— О господи! — прошептала Ли, забирая его из рук Бена. — Это тот самый, про который я тебе говорила, — последняя посылка от Оливера... Я как раз пришла с похорон... Должно быть, Памела положила его в коробку вместе со всем остальным.

— Пора посмотреть, что в нем, — заметил Бен.

— Ты прав.

Внутри обгорелого конверта, под слоем защитной пленки, был неповрежденный футляр.

— Диски, — сказал Бен, показывая Ли находку. — Опера Моцарта «Волшебная флейта»...

— Это мои, — вздохнула она. — Я давала брату послушать, вот он и вернул.

— Значит, ничего загадочного тут нет...

Ли устало сгорбилась на сиденье.

— Бен, что за чертовщина творится, а?

Он открыл футляр, и на колени упал желто-серебряный компакт-диск, под которым обнаружился еще один — с надписью «CD-Recordable». Ниже торопливыми каракулями нацарапано: «Ли, ни в коем случае не пользуйся этим диском. Спрячь его подальше. Я еду домой. Олли».

— Что за черт! — Ли нажала кнопку на панели управления, включив плеер. — Давай послушаем.

— Это не аудиодиск, — ответил Бен. — Нам понадобится компьютер.

Через час они уже сняли номер в ближайшей гостинице на имя мистера и миссис Коннорс. По дороге Бен заскочил в магазин, и теперь на столике в номере стоял новый ноутбук. Дисковод тихонько зажужжал, и через несколько секунд на экране появилось окошко. Пока диск загружался, Бен достал из бара две крохотные бутылочки шотландского виски и вылил их в один стакан.

— Похоже, здесь собраны фотографии, которые Оливер сделал в Европе, — сказала Ли, разглядывая экран. — Это фотодневник путешествия.

Бен нахмурился.

— Зачем бы Оливеру класть фотодиск в футляр с оперой Моцарта?

— Понятия не имею.

Ли открыла файл, и на экране появился старик лет семидесяти с лишним. Хотя бледное лицо покрывали глубокие морщины, в глазах светился живой огонек. За спиной стоял большой книжный шкаф — на корешках можно было разобрать имена известных композиторов: Шопен, Бетховен, Элгар.

— Кто этот старик? — спросил Бен.

— Не знаю.

Ли открыла другой файл: здание из белого камня с куполообразным верхом и классическим фасадом, напоминающее небольшой храм или монумент.

— А вот это я узнаю, — сказала Ли. — Гробница Данте в итальянском городе Равенна. Я там была.

— Зачем Оливера понесло в Италию, если он искал материалы в Вене?

— Понятия не имею.

— Может, Моцарт долго жил в Италии?

Ли задумалась.

— Если я ничего не путаю, то в подростковом возрасте он вроде бы провел какое-то время в Болонье. А потом бывал в Италии разве что наездами.

— Ладно, давай смотреть дальше.

На следующей фотографии Оливер обнимал двух красоток на какой-то вечеринке. Девушки целовали его в обе щеки, а он весело поднимал бокал, глядя в камеру.

Еще один снимок с той же вечеринки: Оливер сидит за пианино, рядом — молодой человек лет двадцати пяти, они играют в четыре руки. Оливер довольно смеется — похоже, им там весело. Вокруг пианино стоят женщины в вечерних платьях, с бокалами в руках, наблюдают за игрой Оливера, улыбаясь ему и друг другу. Все лица светятся от счастья — очень удачный снимок довольных жизнью людей...

Ли расстроилась и торопливо открыла следующий файл: засыпанный снегом поселок, заснеженные деревья и горы на заднем плане.

— Швейцария, что ли? — озадаченно нахмурилась она.

— Возможно. А может, Австрия.

Судя по дате, указанной в информации о файле, снимок сделан за три дня до смерти Оливера.

— Все равно непонятно, — вздохнула Ли.

Оставив Ли просматривать остальные файлы, Бен сел на кровать и одним глотком осушил стакан виски. Поверх газетных листов на кровати были разложены обугленные остатки документов из архивной коробки. Он осторожно перебирал листки — на одном почерневшие края осыпались. Под ним оказался обрывок документа, сильно отличавшегося от остальных: огонь местами прожег бумагу, и написанный от руки текст на немецком было трудно различить. Несколько бессвязных фраз ничего не говорили Бену...

И вдруг дыхание перехватило. Письмо Моцарта! То самое, которое нашел Ричард Ллуэллин. На мгновение ему показалось, что он держит в руках оригинал... Нет, это всего лишь ксерокопия.

Оливер так часто рассказывал историю находки, что Бен помнил ее наизусть.

Много лет назад мастерская Ллуэллина по реставрации антикварных пианино находилась на оживленной улице в центре Билт-Веллс. Когда Маргарет Ллуэллин умерла, Ли было тринадцать, а Оливеру — семнадцать. С тех пор жизнь Ричарда Ллуэллина покатила под уклон — вместе с его бизнесом. Избыток алкоголя сказывался на качестве работы, и клиентов поубавилось. И вот однажды на чердаке старого дома Ричард Ллуэллин нашел дряхлое фортепьяно, сделанное в начале девятнадцатого века знаменитым венским мастером Йозефом Бомом. В Англию инструмент привезли в тридцатые годы двадцатого века, а потом надолго забросили. Многие части были повреждены древооточцем, и требовалось приложить немало усилий, чтобы привести фортепьяно в порядок. Но даже в этом удручающем состоянии оно

было восхитительно, лучшего инструмента в руки Ллуэллину никогда в жизни не попадало, и он уже предвкушал цену, которую удастся выручить за него на аукционе, — тысяч десять фунтов, если не больше.

Забыв про портвейн и херес, Ричард принялся за работу.

Одна из ножек оказалась полой, и в ней обнаружился свернутый в трубку документ, старый и пожелтевший. Перевязанное ленточкой письмо было написано по-немецки и датировано ноябрём тысяча семьсот девяносто первого года.

При виде подписи Ричарда чуть удар не хватил: он держал в руках последнее сохранившееся письмо Вольфганга Амадея Моцарта, написанное всего за несколько недель до смерти. Непонятно, как оно очутилось в ножке фортепьяно, да и какая разница. Ллуэллин понял, что обнаружил историческое сокровище, которое перевернет его жизнь.

Ричард отвез находку в Лондон и показал ее антикварам и специалистам по истории музыки. Увы, его мечты о состоянии, которое можно на этом заработать, рассыпались в пух и прах, когда эксперты объявили письмо подделкой.

— Может, оно все-таки настоящее... — произнес Бен вслух.

— Ты о чем? — обернулась к нему озадаченная Ли.

— Письмо, найденное твоим отцом. Что, если оно настоящее и поэтому за тобой кто-то охотится? Сколько за него могут заплатить?

Она покачала головой.

— Разве ты забыл, что отец его продал? Впрочем, ты мог и не знать. Это случилось много лет назад, примерно в то самое время, когда мы с тобой перестали встречаться.

— Ему все же удалось продать письмо, хотя никто не верил, что оно настоящее?

— Да, — улыбнулась Ли. — Когда отец совсем потерял надежду, к нему обратился какой-то сумасшедший коллекционер, итальянский музыковед. Он предложил купить письмо, и отец сразу же согласился, хотя первоначально рассчитывал на гораздо большую сумму. Итальянец сказал, что заодно купит и фортепьяно. Инструмент был восстановлен только наполовину, но коллекционер все равно заплатил за него весьма щедро. Я помню, как фортепьяно упаковали и увезли на большом фургоне. Отец смог расплатиться с долгами. Он все еще очень переживал из-за оценки экспертов, зато теперь у него в кармане, по крайней мере, были деньги, на которые я и поехала учиться в музыкальную академию в Нью-Йорке.

— Как звали этого итальянца? — поинтересовался Бен.

— Не помню, — подумав, призналась Ли. — Дело было давно, и лично я с ним не встречалась. Оливер встречался. Говорил, что старичок совсем древний. Не исключено, что он уже умер.

Бен отложил в сторону сохранившийся обрывок ксерокопии письма и стал просматривать другие документы. Глаз зацепился за обглоданный пламенем линованный листок для заметок, исписанный почерком Оливера. Бен прочитал написанную заглавными жирными буквами строчку, трижды подчеркнутую, словно в приступе раздражения. Окончание фразы сгорело — бумага обуглилась по правому краю.

— Что такое «орден Р...»? — поинтересовался Бен.

— Понятия не имею.

Бен бросил листок в кучу бумаг.

— Черт побери! Ничего непонятно!

Ли закончила просмотр фотографий, на диске остался последний файл. Бен встал за ее спиной, глядя на экран.

— Это не снимок, а видео, — сказал он.

ГЛАВА 12

Окрестности Вены

День выдался пасмурным, в воздухе висел туман. Холодало, озеро покрывалось тонким ледком, на который сыпался мелкий снег. На противоположном берегу зазубренной полосой на

фоне серого неба чернел сосновый лес.

Маркус Кински потер руки и поднял воротник куртки. Привалившись к крылу внедорожника, сержант вспоминал тот день, когда был здесь в последний раз, — день, когда того иностранца вытащили из полыньи.

Уже целый год прошел, опять зима наступила. Зачем его сюда принесло, непонятно. Наверное, права была Моника, когда говорила, что он по натуре одержимый.

На мгновение его мысли вернулись к жене. Совсем молодая, она умерла почти три года назад. Ей дважды поставили неверный диагноз. Он по ней очень скучал.

Кински вздохнул и вновь принялся размышлять о деле Ллуэллина, хотя расследование давным-давно прекратили. Что-то здесь не так. Уж очень ловко прикрыли дело, да и следствие провели слишком образцово — даже учитывая традиционную австрийскую старательность. В реальной жизни так не бывает.

Дело Ллуэллина не выходило из головы сержанта много месяцев, а когда ему почти удалось о нем забыть, откуда ни возьмись появилась Мадлен Лоран. Или как там ее на самом деле.

Пока что поиски мадам Лоран уперлись в тупик: кредитка Эрики Манн оказалась настоящей, но адрес владелицы, полученный от кредитной компании, привел Кински к заброшенному складу в промышленной зоне. Чего и следовало ожидать.

Загадка Мадлен Лоран была не единственной в деле Ллуэллина. Был еще и Фред Майер. Майер и Ллуэллин имели много общего — подозрительно много: оба музыканты, пианисты, и оба умерли в одну и ту же ночь, на расстоянии всего нескольких километров друг от друга. Наручные часы Ллуэллина со старым заводным механизмом, попав в воду, остановились, что позволило определить точное время смерти. Фреда Майера нашли висящим в петле в его студенческой квартирке; согласно результатам вскрытия, он умер за двенадцать часов до того, как его обнаружили, то есть примерно в то же время, что и Ллуэллин. Наверное, сначала Майер, а вскоре после него — Ллуэллин.

Майер не оставил предсмертной записки, да и явный мотив самоубийства отсутствовал. Опросив родственников, выяснили, что депрессией он не страдал. Денег, как и большинству студентов, не хватало, однако Майер тратил их аккуратно и значительных долгов не имел. С сердечными делами тоже все было в порядке: опрошенные сходились на том, что с постоянной подружкой он прекрасно ладил. К тому же он недавно получил должность школьного учителя музыки в Зальцбурге и горел желанием сразу после окончания учебы в Венской консерватории приступить к работе. В жизни Фреда Майера все складывалось просто замечательно, пока он не сунул голову в петлю.

Ладно, бывают ведь и совпадения. Возможно, нет никакой связи между нелепой смертью одного музыканта и бессмысленным самоубийством другого. По крайней мере, именно в этом пытался убедить себя сержант Кински последние месяцы. Вот только одна деталь не давала ему покоя, словно застрявшая в горле кость, — в комнате Майера нашли билеты в оперный театр.

Вздыхнув, Кински посмотрел на затянутое туманом озеро. Пока лед тонкий, но через несколько недель уже выдержит вес человека. Зимой на озере катаются на коньках.

Интересно, что чувствует человек, провалившийся под лед? Холодная вода обжигает тело, сердце останавливается, а течение тащит под толстую корку, сквозь которую только с отбойным молотком и пробьешься, хотя спасительный воздух всего в паре дюймов над головой.

Сержант повидал мертвецов, погибших от самых разных причин. Работа такая — постоянно смотреть на трупы. Но выражение лица Оливера Ллуэллина врезалось в память: ничего ужаснее Кински еще не видел. Синее, оледеневшее лицо много месяцев не давало ему покоя.

Глянув на часы, сержант понял, что слишком задержался. Давно пора возвращаться в город. Кински сказал Хельге, няне Клары, что для разнообразия сам заберет дочку из школы. Девочка быстро растет, ей почти девять с половиной, а отца вечно нет рядом. То-то она удивится, увидев его возле школы! Вечером можно будет заняться чем-нибудь интересным: на каток пойти или в кино. Кински ничего не жалел для дочери: частная школа с обучением на

двух языках, уроки игры на скрипке, дорогие игрушки. У Клары было все — кроме внимания отца.

Зашуршала покрытая инеем трава.

— Макс!.. Где тебя носило?

Пес уселся и выжидательно склонил набок большую черную голову. Мощные челюсти сжимали резиновый мячик. Добродушный ротвейлер уже состарился, но Кински держал его в форме.

— Ладно, давай, — согласился сержант. — Брошу разок и поедем. Вообще не следовало сюда приезжать...

Пес аккуратно уронил в подставленную руку слюнявый и грязный мяч.

— Ты даже не представляешь, как тебе в жизни повезло. Поверь, дружище, я бы тоже с удовольствием целыми днями гонялся за мячиком. Это куда лучше того, чем мне приходится заниматься на работе!

Он бросил мяч в высокую траву. Собака кинулась вслед, подмерзшая грязь брызнула во все стороны.

Макс искал мячик, обнюхивая тростники и нерешительно скребя землю лапами.

— Только не говори, что потерял его! — разозлился Кински.

Он подошел к собаке, вглядываясь в заросли: не мелькнет ли в сылой грязи и сухой траве синее пятно. В поисках мяча Макс здорово потоптался по тростнику, примяв стебли.

— Ну спасибо, Максик! — пробормотал сержант. — Между прочим, каждый паршивый мячик стоит восемь евро, а сколько ты уже потерял? Дурень ты этакий!

Кински увидел в грязи окурки и отдернул руку: как бы на шприц не наколоться. Черт бы побрал этих нарков, загадили все вокруг!

Присмотревшись, сержант нагнулся и поднял с земли стреляную гильзу. Латунь потемнела, местами позеленела, в центре капсюля виднелся след отбойка. По краю гильзы шла надпись мелкими буквами «парабеллум 9 мм».

«Кто мог стрелять здесь из такого оружия?» — подумал Кински.

Макс сосредоточенно наблюдал, как хозяин роется в земле. Из-под замерзшего пучка травы сержант вытащил вторую гильзу — точно такую же, как первая. Потом еще одну и еще две — они лежали, зарывшись между желтых корней. Кински поднимал пучок за пучком и везде находил гильзы. За три минуты он набрал двадцать одну штуку и сложил их аккуратной кучкой.

Двадцать одна гильза — это много. И все рядом. Значит, стрелял один человек, не сходя с места. В обойму обычного пистолета столько патронов не влезет, разве что магазин повышенной вместимости. Скорее всего, стреляли из автоматического оружия — такого количества пуль хватает на полторы секунды автоматного огня. Ничего себе, однако. Дело серьезное.

Сержант внимательно осмотрел каждую гильзу, поворачивая ее кончиком шариковой ручки, чтобы не трогать пальцами. Все они имели идентичные отметины: царапины, оставленные обоймой, и небольшая вмятина на краю от удара об окно затвора.

Кински по одной сложил гильзы в пластиковый пакетик, сунул его в карман куртки и поднялся. Про мячик он забыл, сосредоточенно прикидывая, где стоял стрелок, если учесть, куда отлетели гильзы. Внезапно его осенило.

— Пойдем-ка, — сказал он собаке, задумчиво погладив лохматую голову.

Вернувшись к машине, сержант открыл заднюю дверцу, и пес, высунув язык, запрыгнул внутрь. Кински взял запасное колесо и покатил его обратно к озеру.

Туман постепенно сгущался: теперь лес на противоположном берегу стал расплывчатым черным пятном. Кински запустил колесо по льду. Остановившись, оно упало набок и осталось лежать — лед держал.

Сержант сунул руку под куртку и вытащил из кобуры табельный «зауэр». Сняв предохранитель, он оглянулся и выстрелил в лед возле колеса. Грохот выстрела из девятимиллиметрового пистолета ударил по ушам и эхом разнесся над озером. Кински снова

нажал на спусковой крючок, потом еще раз.

Лед треснул. В пятнадцати ярдах от берега запасное колесо с бульканьем погрузилось в воду.

Кински и думать забыл, во что обойдется покупка новой запаски, занятый другими мыслями. Насколько человек тяжелее, чем колесо, и сколько выстрелов нужно, чтобы пробить более толстый лед? Хватит ли двадцати одной пули?

От прикосновения к карману глухо звякнули гильзы. Чутье подсказывало сержанту, что они пролежали здесь с января прошлого года.

ГЛАВА 13

Оксфордшир

Картинка на экране дергалась, качество записи оставляло желать лучшего. Камера медленно поворачивалась, показывая большой каменный зал с куполообразным потолком, освещенный золотисто-оранжевым светом множества свечей. На полу, выложенном белыми и черными плитками, лежали длинные тени. Три массивные колонны у стен образовывали треугольник. У дальней стены находилось похожее на сцену возвышение, над которым сверкала позолотой баранья голова с длинными загнутыми рогами.

— Очень странное место! — нахмурилась Ли.

— Что это? — пробормотал Бен, прибавляя громкость.

Послышалось тяжелое дыхание того, кто снимал видео. Камера вдруг дернулась в сторону, изображение расплылось. «Вот черт!» — испуганно воскликнул кто-то рядом с микрофоном.

— Это голос Оливера! — прошептала Ли, вцепившись в край стола побелевшими пальцами.

Бен и Ли не отрывали глаз от экрана. Изображение выровнялось, хотя треть его закрывало темное пятно с неровным краем.

— Он прячется за колонной! — догадался Бен.

В зал входили люди. Сработала автоматическая фокусировка, изображение стало более четким. Человек двенадцать — пятнадцать, все в черных костюмах, по одному появлялись из сводчатого прохода. Камера отодвинулась дальше в тень колонны.

— Господи, Олли, что ж ты делаешь! — всхлипнула Ли.

Вошедшие встали полукругом вокруг возвышения — точно солдаты по стойке «смирно»: ноги вместе, руки сцеплены за спиной. Лица не разглядеть. Ближайший стоял всего в нескольких шагах от укрытия Оливера. Камера задержалась на спине мужчины, поднялась до уровня шеи и показала коротко стриженные рыжеватые волосы и ухо — изуродованное и покрытое шрамами, как будто его оторвали, а потом пришили на место.

Бен обратил внимание на возвышение, пытаясь разглядеть детали.

Да ведь это алтарь! Его освещали десятки свечей в стенных нишах, именно он будет центром событий, что бы здесь ни происходило. А происходящее напоминало религиозную церемонию — правда, ничего подобного Бен в жизни не видел.

Посреди алтаря стоял необструганный деревянный столб фута полтора толщиной и около восьми футов высотой. Со стального обруча на его верхушке свисали две толстые тяжелые цепи.

Высокая железная дверь позади алтаря распахнулась, и в зал вошли еще трое: двое в черных капюшонах тащили упирающегося пленника.

Камера дернулась, Оливер задышал чаще. Вопли пленника эхом отдавались от каменных стен.

— По-моему, тебе не следует на это смотреть, — сказал Бен, чувствуя, как гулко забилося сердце в груди, и протянул руку к клавиатуре.

— Нет, давай дальше! — решительно заявила Ли.

Двое в черных капюшонах подтащили вопящего пленника к столбу и заковали в цепи.

Один из двоих подошел к несчастному и поднял руки на уровень его лица — человек в капюшоне стоял к камере спиной, и что именно он делал, разглядеть не удавалось. Пленник кричал все пронзительнее, вырываясь изо всех сил.

Человек в черном отступил назад. Теперь стало видно, что изо рта пленника свисает шнур, который натягивался по мере того, как палач отходил. Бен с ужасом осознал, что происходит. Изображение на экране задрожало.

— Боже мой! — закричала Ли. — Они зацепили его крючком за язык!

Когда шнур полностью натянулся, человек в капюшоне встал лицом к присутствующим. Пленник перестал кричать: глаза у него вылезли из орбит, он весь трясся, язык высовывался изо рта на шесть дюймов.

Вперед вышел второй палач и поднял руку. В мерцающем свете свечей что-то блеснуло — ритуальный кинжал.

Лезвие опустилось по широкой дуге. Едва оно перерезало язык, как голова пленника откинулась назад. Изо рта хлынула кровь, глаза закатились. Шнур с поблескивающим языком на конце свернулся, точно змея.

Мучения жертвы длились недолго: палач с кинжалом снова сделал шаг вперед, и лезвие погрузилось в живот пленника. словно мясницкий нож, кинжал прорезал плоть от паха до ребер.

Когда наружу вывалились внутренности, даже Бену пришлось отвести глаза.

ГЛАВА 14

Ли долго не могла прийти в себя. В конце концов успокоительное подействовало, и она уснула. Длинные черные волосы разметались по подушке, грудь мерно вздымалась и опадала.

Бен прикрыл Ли одеялом и, присев на краешек кровати, не сводил глаз со спящей, о чем-то напряженно размышляя. Потом вернулся к столу и три раза подряд посмотрел видеозапись — до самого конца, часто останавливая кадр, чтобы взглядеться получше.

Когда жертве выпустили кишки, нервы у Оливера сдали, и он побежал: изображение дернулось, потемнело, слышалось тяжелое дыхание.

Бен останавливал запись, внимательно разглядывая детали: каменные стены, какая-то лестница — изображение так дергается, что ничего не поймешь. Изучая кадр за кадром, он все же кое-что выяснил. Коридор с каменными стенами вывел в роскошный дом: лакированные деревянные панели, ярко освещенная картина... Похоже, изображено какое-то собрание в большом зале с колоннами и выложенным плитками полом — напоминает тот зал, где выпотрошили жертву. Люди на картине носили парики и одежду восемнадцатого века: парчовые камзолы, шелковые чулки. На стенах виднелись какие-то символы, но разглядеть их как следует не удалось.

Бен снова пустил запись. Из динамиков раздалось хриплое дыхание бегущего Оливера. Изображение резко дернулось, словно Оливер обернулся, проверяя, нет ли погони.

Бен заметил стенную нишу и в ней что-то вроде посмертной маски фараона. На этом видеозапись заканчивалась — должно быть, Оливер выключил камеру.

Бен уставился на потемневший экран, пытаясь осмыслить увиденное. В свойствах файла было указано время его создания — двадцать шесть минут десятого в тот самый вечер, когда умер Оливер.

Ерунда какая-то. Значит, незадолго до смерти Оливер стал свидетелем жестокого ритуального убийства. В то же время, по версии следствия, он был вдрызги пьян и развлекался на озере с некой дамой, которую утащил с вечеринки. Кто вообще смог бы веселиться как ни в чем не бывало после такого жуткого зрелища?

Бен сопоставил известные ему факты: Оливер стал свидетелем преступления, совершенного некой хорошо организованной и опасной группой людей. У него были улики, которые следовало спрятать подальше. Вскоре после того, как Оливер отправил сестре посылку с компакт-диск, он провалился под лед и утонул. Расследование его смерти провели в

спешке, небрежно. А с тех пор как Ли заявила в телеинтервью о том, что у нее есть материалы, собранные Оливером, за ней началась охота.

Бросив взгляд на спящую Ли, Бен поборол искушение смахнуть с ее лица прядку волос.

Ли едва начала примиряться со смертью брата в результате несчастного случая, а тут ей заново придется пережить весь кошмар — теперь уже почти наверняка зная, что брат погиб не случайно. Оливер умер не потому, что напился и натворил глупостей. Кто-то холодно и расчетливо оборвал его жизнь.

«Оливер, кто это сделал?»

Бен отошел от кровати и устроился в кресле. Он вытащил пачку турецких сигарет, закурил одну и втянул в себя крепкий, густой дым. Навалилась усталость, глаза закрывались: четыре недели подряд не удается выспаться как следует.

В голове мелькали обрывки воспоминаний. Лицо молодого Оливера, звук его голоса... Однажды, много лет назад, Оливер спас Бену жизнь.

Такой холодной зимы он еще не помнил. После трех лет службы в армии младший капрал Бенедикт Хоуп приехал в Херефорд вместе со ста тридцатью восемью другими военнослужащими, чтобы пройти самое трудное в жизни испытание на выносливость — отбор в двадцать второй полк спецназа, элитное подразделение британской армии.

Бен так и не понял, зачем рядовой Ллуэллин за ним увязался. «Ради жратвы», — пошутил Оливер. Говорили, что кандидатов в двадцать второй полк кормят до отвала, прежде чем послать на первый этап — «Тошнилку-1».

На рассвете колонна грузовиков выехала из Херефорда, направляясь в Кембрийские горы Уэльса. Шел снег. Из всех кандидатов только у Оливера хватало духу шутить по поводу предстоящего дня. Бен сидел в углу подпрыгивающего грузовика, прижимая к себе винтовку и стараясь подготовиться к адским испытаниям, которые станут всего лишь началом. Несколько человек, сумевшие пройти первый этап отбора, должны будут выдержать четырнадцать мучительных недель: курсы выживания, стрелковая подготовка, прыжки с парашютом, боевые действия в джунглях, тесты на инициативу и способности к языкам, плавание на тысячу ярдов в одежде и методы сопротивления допросам, нарочно задуманным так, чтобы сломить дух и волю.

Только самые лучшие дойдут до конца и получают в награду заветную эмблему (кинжал с крыльшками) и назначение в легендарную часть. Случалось, что до конца не добирался ни один из кандидатов.

«Тошнилка-1» вполне оправдала ожидания Бена — даже с лихвой. С каждым новым ледяным рассветом группа измотанных людей, выходящих на очередную пытку, становилась все меньше. Каждый вечер в базовом лагере под брезентовым навесом собирался молчаливый кружок. Все сидели, сторбившись, сверху капало. Оливер так и не дождался обильного ужина и совсем пал духом — как и было задумано.

То, что происходило в последующие дни, Бену не могло присниться в самом кошмарном сне. Такой омерзительной погоды не видавали много лет. Люди не выдерживали физической боли и психологического давления; из ста тридцати восьми человек осталось всего двенадцать. Во время двадцатичетырехчасового марш-броска сквозь ревушую метель тридцатипятилетний майор-спецназовец, который пошел на испытания добровольно, чтобы доказать самому себе, что он все еще в прекрасной форме, упал и замерз в сугробе.

И все же Бен упорно продолжал идти, преодолевая боль, открывая неведомые раньше резервы выносливости. На редких остановках он пил немного растаявшего снега и жевал твердый, как камень, шоколадный батончик. Порция глюкозы подхлестывала изнемогающее тело, давая силы продолжать путь.

Бен отчаянно боролся с желанием сдаться: невыносимую агонию можно было легко прекратить в любой момент — стоило лишь захотеть. И временами искушение становилось невыносимым.

С каждым днем усталость давила сильнее. Возвращаясь в лагерь вечером, Бен тщательно

пропитывал носки оливковым маслом, чтобы унять боль от мозолей. Каждый новый маршбросок был длиннее предыдущего, а экипировка — тяжелее. Бен шагал с мрачным ожесточением: главное — сделать еще один шаг. Потом еще один. И не думать о том, сколько их предстоит впереди. А также забыть о постоянно усиливающейся боли.

К концу четвертого дня третьей недели в группе осталось восемь кандидатов. Собираясь с силами, Бен задержался возле вершины снискавшего дурную славу пика Пениван. Внизу, между деревьями, виднелись несколько человек — зеленые точки, с трудом пробирающиеся по глубокому слою снега. Шагах в тридцати позади шел Оливер. Бен решил подождать друга. Ждать пришлось долго. Удивительно, что Оливер вообще столько дней продержался, но сегодня он совсем сдал: едва ноги волочил, пошатываясь на ходу.

Дойдя до Бена, он рухнул на колени, сжимая в руках винтовку.

— Ты давай иди. Я выдохся. Вернусь в лагерь.

Бен озабоченно посмотрел на друга.

— Брось, всего-то несколько миль осталось.

— Не могу. Сейчас прямо здесь сдохну, — выдавил он.

— Я с тобой посижу, — решительно заявил Бен.

Оливер вытер лицо, смахивая снег, и прохрипел:

— Вот еще! Тебе надо дальше идти. Давай вали отсюда.

У Бена полопались мозоли на ногах, одежда липла к спине: кожу натерло рюкзаком до кровавых волдырей.

Он сам едва держался на ногах — как тут сможешь Оливеру дойти до конца? А уж нести его на себе... К тому же малейшее колебание привело бы к отчислению и отправке обратно в часть: правила были установлены преднамеренно жестокие.

— Все будет нормально, — сказал он Оливеру. — Там снизу инструктор поднимается, он отведет тебя в лагерь.

Оливер махнул в ответ рукой.

— Ясное дело, все будет хорошо. Проваливай к чертовой бабушке, пока обратно в часть не отправили. Ты ведь хочешь получить значок спецназовца? Вот и нечего тут расслаживаться.

Бен пошел дальше — теперь ко всем прочим мучениям добавились угрызения совести. Ветер рвал с плеч накидку. Каменистый склон спускался почти отвесно вниз, ботинки скользили в снегу. На краю покрытой льдом вершины холма Бен разглядел сквозь пелену усталости появившуюся из сосновой рощицы фигуру и узнал лицо под капюшоном — лейтенант королевской артиллерии. Суровый неразговорчивый лондонец с самого начала держался особняком, а в его серых глазах читалась холодная неприступность. Последний раз Бен видел лейтенанта, когда вся группа выходила на рассвете из лагеря.

— Хоуп! Не думал, что ты так далеко доберешься.

— Вот как? Значит, вы ошиблись. Сэр.

Лейтенант смотрел на него с легкой усмешкой.

— Прикурить не найдется?

— Времени нет переку...

Широкая ладонь вдруг резко толкнула Бена в грудь, и он полетел кувырком по склону, увлекаемый весом рюкзака. Бен отчаянно пытался ухватиться за что-нибудь и выпустил из рук винтовку. Затем ботинки пробили тонкий лед, и он провалился в вонючую грязь болотца.

Лейтенант посмотрел на него сверху и пошел дальше.

Бена затащивало в трясину. Тяжеленный рюкзак скинуть не удавалось: лямки слишком плотно сидели на плечах. Ухватившись за покрытые льдом стебли тростника, Бен потянулся, изо всех сил отталкиваясь ногами. Трясина хлюпнула, тростники вырвались с корнем, и Бена затащило по пояс. Ледяная жижа засасывала его все глубже и уже поднялась до ребер. Он слабо барахтался в грязи, призывая на помощь, но крики заглушал ветер.

Тошнотворная трясина неторопливо втягивала жертву в жадную пасть. Ноги онемели, плотная грязь сковывала движения. Если сейчас не выбраться, через несколько минут начнется переохлаждение. Бен быстро терял силы. Его засосало по грудь, становилось трудно дышать.

Он так и умрет в этом дерьме, утонет в болоте. Бен снова напрягся... Нет, сил не хватает.

— Бен!

Сквозь пелену снегопада он увидел, как вниз по склону сползает солдат. Бен моргнул, вытирая лицо грязными ладонями. Фигура приблизилась.

Оливер!

— Держи! — Оливер протянул свою винтовку.

Бен ухватился за приклад и обернул ремень вокруг запястья. Оливер уперся ногами в камни и, крича от натуги, потянул за ствол. Бен почувствовал, как трясина отпускает его — дюйм за дюймом. Жижа громко чавкнула. Он подался вперед и нащупал под ногами опору. Получилось!

Оливер помог задыхающемуся другу выбраться на твердую почву. Бен повалился ничком, жадно глотая воздух.

Оливер забросил на плечо вымазанную грязью винтовку и протянул руку.

— Давай, братишка, — ухмыльнулся он. — Вставай, тебе еще надо значок заработать!

Всего шестеро кандидатов добрались в тот день до финиша. Остальные, измотанные до предела и раздосадованные неудачей, похромали на железнодорожную станцию в Херефорде и оттуда обратно в свои части.

В почти пустом грузовике, среди шестерых оставшихся, возвращался в лагерь и тот самый лейтенант, который столкнул Бена в болото. Бен избегал его взгляда и ничего никому не сказал: свидетелей не было, а младший капрал лейтенанту не ровня. Только вякни, тут же вылетишь с испытаний, если не хуже. Кроме того, раз уж собрался в спецназ, пора привыкать беречь свою шкуру.

В тот вечер, накануне последнего на первом этапе отбора марш-броска, Оливер вытащил пронесенные тайком полбутылки виски и друзья выпили, сидя бок о бок на брезентовой койке.

— Еще один день пережить, — сказал Бен, наслаждаясь обжигающим напитком.

— С меня хватит! — ответил Оливер, не поднимая взгляда от жестяной кружки. На бледном лице чернели круги под глазами. — Чтоб я так мучился ради дурацкого значка! Да на что он мне сдался!

— Ладно тебе, дойдешь. Чуть-чуть осталось.

Оливер хмыкнул.

— Дойду, не дойду — плевать мне на это. Хватит дурью маяться. Знаешь, Бен, я долго думал. Мы с тобой разные. Я ведь не солдат. В глубине души я всего лишь обычный парень, который взбунтовался против отца и его дурацкой музыки. При первой же возможности я уволюсь из армии.

Бен недоверчиво уставился на друга.

— И чем будешь заниматься?

Оливер пожал плечами.

— Музыкой, наверное. У меня это наследственное. Правда, сестренка куда талантливее меня — вот кто далеко пойдет!

Бену стало неловко, и он опустил взгляд.

— Тем не менее бакалавра я получил. Пианист из меня вполне приличный. Буду играть понемногу, уроки давать... Перебьюсь как-нибудь. А потом найду себе славную валлийскую девушку и стану примерным семьянином.

— Хотел бы я на это посмотреть!

Бен одним глотком допил виски и улегся на койку, морщась от боли в спине.

— Кстати, насчет сестренки. — Оливер погрозил Бену пальцем. — Ты понимаешь, что моя святая обязанность как старшего брата состоит в том, чтобы набить тебе морду? — Он плеснул в кружки новую порцию. — Вот только у меня не выйдет, потому что ты дерешься лучше и легко оторвешь мне голову. Тем не менее считай, что я тебе сделал выговор.

Бен закрыл глаза и вздохнул.

— Она ведь уже не девочка, — продолжал Оливер, — у нее все всерьез. И с тобой тоже все было всерьез. А ты ей сердце разбил. Она постоянно спрашивает про тебя. Хочет знать,

почему ты ее бросил. И что я должен ей отвечать?

Бен помолчал.

— Мне очень жаль, — прошептал он наконец, в самом деле раскаиваясь. — Я не хотел ее обидеть. Честно говоря, она заслуживает кого-нибудь получше меня.

Оливер отхлебнул виски, довольно чмокнул и повернулся к другу.

— Слушай, поехали со мной, а? Плюнь ты на этот долг перед Отечеством и ее величеством. Подумаешь, спецназ с его дурацким девизом «Побеждает смелый»! Да какая разница, кто победит? Даже если тебя туда возьмут, то звание ты потеряешь — будешь опять в рядовых ходить.

Бен кивнул.

— А потом что? — не унимался Оливер. — Пойдешь пушечным мясом на какую-нибудь войну по приказу шишек в Уайтхолле, которые ведут двойную игру? Сдохнешь где-нибудь в вонючих джунглях, зато твое имя внесут в список погибших на монументе в Херефорде!

Бен не знал, что ответить.

— Дружище, ну ты сам посуди, тебе оно надо? Поехали лучше со мной в Билт-Веллс. Вдвоем нам сам черт не брат, бизнес какой-нибудь начнем, а?

Бен устало рассмеялся, глядя в потолок.

— Да уж, гениальная идея! Чем займемся?

— Это уже детали, придумаем что-нибудь. Найдем легкий и приятный способ озолотиться. Ты упадешь перед Ли на колени, вымолишь у нее прощение, и она выйдет за тебя замуж. И мы все будем жить долго и счастливо, — улыбнулся Оливер.

Бен посмотрел на друга, удивляясь его незатейливому взгляду на жизнь. Если бы все было так просто!

— Ты вправду думаешь, что она меня простит? После того, что я сделал?

— Сам у нее спросишь.

Бен приподнялся на койке. На мгновение ему показалось, что именно так и следует поступить... Он чуть было не согласился.

— Нет, — тихо ответил Бен. — Если завтра я не сойду с дистанции, то останусь. Я хочу в спецназ.

Пятнадцать лет спустя Бен Хоуп затушил сигарету и посмотрел на спящую Ли. По ее лицу временами пробегала хмурая тень, выдавая неприятные сновидения.

Он смотрел на Ли, не в первый раз спрашивая себя, как бы сложилась его жизнь, если бы пятнадцать лет назад он уехал вместе с Оливером.

ГЛАВА 15

В баре гостиницы никого не было. Бен привалился к стойке и оглядел ряд бутылок.

— Сюда не нальете? — спросил Бен появившегося бармена, протягивая пустую фляжку. — «Лафройг», пожалуйста.

Когда Бен вернулся в номер, Ли сидела в кровати, разговаривая по телефону. Она выглядела усталой и все еще сонной после успокоительного. Бен застал самый конец разговора: Ли поблагодарила за звонок, попрощалась и бросила мобильник на кровать.

— С кем разговаривала?

— С полицией.

— Ты им позвонила?

— Нет, они сами.

— Случайно, не тот же самый полицейский, который звонил тебе в Лэнгтон-холл?

Она кивнула.

— Чего он хотел?

— Спросил, как у меня дела. Не волнуйся, я ничего не сказала о происшествии в Лэнгтон-холл. И про это, — она показала на ноутбук, — тоже промолчала.

Бен встревожился.

— Как долго вы разговаривали?

— Недолго. Пару минут. А что?

— Собирайся! Надо уезжать.

Бен вытащил из ноутбука компакт-диск, вложил его в футляр и спрятал в карман; торопливо упаковал компьютер, сунул коробку с материалами Оливера в рюкзак, потом протер полотенцем все, к чему они прикасались в номере.

— Что стряслось? Зачем такая спешка?

— Дай мне твой мобильник.

Ли повиновалась. Бен выключил телефон и положил себе в карман.

— Придется от него избавиться.

— Да ты что! — запротестовала Ли. — У меня же там все телефоны записаны!

— Им нельзя пользоваться, — заявил Бен. — Потом объясню.

Подхватив Ли под руку, он торопливо спустился и заплатил за номер наличными.

— Может, скажешь наконец, что происходит? — потребовала Ли, едва они сели в машину.

Бен завел двигатель. Гонимый автомобиль всхрипнул, широкие шины захрустели по гравию. Большая гостиничная парковка имела два выезда, обсаженные соснами. Собираясь выехать на дорогу, Бен бросил взгляд в зеркало заднего вида.

Сверкая фарами, два черных рейнджровера, одинаковые, как близнецы, с частными номерами и затемненными стеклами, въехали на стоянку с другой стороны. Возле входа в гостиницу они затормозили, все четыре дверцы одновременно распахнулись, выпуская пассажиров. Бен насчитал шестерых — шестеро очень серьезных на вид, профессионально двигающихся людей. Пора сматывать удочки.

Он хотел незаметно выехать с парковки, но с гоночным автомобилем такой фокус не проходит. Рычание двигателя заставило гостей обернуться. Они обменялись взглядами и пошли обратно к рейнджроверам.

— Машина на твоё имя зарегистрирована? — спросил Бен.

— Конечно, на чье же еще? Да скажешь ты...

«Тускан» резко сорвался с места, и пассажиров вдавило в спинки сидений.

Уже второй раз. Такого совпадения быть не может.

Перекрикивая нарастающий рев двигателя, Бен объяснил:

— Ли, они выслеживают нас через твой мобильник. Место, откуда идет сигнал, можно засечь с точностью до нескольких футов.

— Кто «они»? — в ужасе спросила Ли. — Полиция?

— Не исключено. Или кто-то, у кого есть связи в полиции. Тот, кто в состоянии получить доступ к таким данным.

— Но кто это может быть?

Бен промолчал, прибавив газу. Рейнджроверы были всего в ста ярдах позади, когда Бен свернул с тихой проселочной дороги на забитую магистраль, ведущую в Оксфорд. Ему удалось немного оторваться — преследователи отстали на несколько машин. Уйти от погони было сложно: плотный встречный поток транспорта мешал обгонять. Заметив просвет, Бен юркнул мимо рейсового междугороднего автобуса, но, глянув в зеркало, увидел, что одному из рейнджроверов тоже удалось проскочить. В отдалении сердито сигналили водители.

Испуганная Ли вцепилась в края сиденья.

— Куда мы едем?

— Если сумеем добраться до города, то, возможно, отделаемся от погони, — ответил Бен. — Я неплохо знаю Оксфорд.

Когда они доехали до Хедингтон-Хилла на восточной окраине города, рейнджроверы снова были вместе — от «тускана» их отделял всего десяток машин.

И тут Бен застрял на светофоре.

— Смотри, полиция едет, — сказала Ли.

Бен тоже заметил полицейские машины.

— Это не за нами.

Часть дороги огородили, там стояла машина «скорой помощи». Движение на проезжей части почти замерло. Рейнджроверы протискивались вперед, не обращая внимания на сердитые гудки.

Впереди Бена стояли четыре автомобиля. Перед ними вышел на дорогу полицейский и махнул, пропуская встречный поток. Бен изогнулся на сиденье, глядя через плечо: погоня неумолимо приближалась.

— Они совсем рядом! — в отчаянии воскликнула Ли, Бен лихорадочно искал выход, наблюдая, как распахнулись двери, из рейнджроверов вылезли трое и с каменными лицами пошли к застывшему на месте «тускану». Преследователи уже были в двадцати шагах.

Бен вытащил ключ из замка зажигания и распахнул дверцу.

— Бежим!

Он подхватил рюкзак, взял Ли за руку, и они помчались по неровному тротуару мимо витрин магазинов, мимо врачей «скорой помощи» и пострадавшего велосипедиста на носилках, мимо валяющегося в канаве искореженного велосипеда.

Трое преследователей ускорили шаг.

Когда пробка осталась позади, Бен перебежал через знакомую кольцевую дорогу, которая вела к Магдален-бридж и Хай-стрит, прямо в центр города. Преследователи не отставали, пробираясь между медленно ползущими машинами.

Какой-то молодой человек, судя по виду — студент, припарковал мотороллер возле большого винного магазина и вошел внутрь, оставив ключ в замке зажигания.

Бен оттащил мотороллер от окна и, прыгнув в седло, завел двигатель. Ли села сзади. Студент с воплями выскочил из магазина. Один из преследователей торопливо говорил что-то в мобильник.

В ста шагах позади два рейнджровера пробились сквозь пробку, игнорируя рев сигналов и снося все на своем пути, — полицейские бросились врассыпную.

Бен дал газу. Мотороллер влился в поток красных и зеленых автобусов, такси и автомобилей, проезжающих над Темзой по Магдален-бридж. Ли крепко обхватила Бена за пояс, чтобы не вылететь с крохотного заднего сиденья. За спиной завывали сирены. Бен оглянулся: рейнджроверы быстро нагоняли. За ними, сверкая мигалками, неслись полицейские машины.

Впереди загорелся красный свет. Бен направил мотороллер на тротуар — их чуть не выбросило из седла, когда колеса налетели на бордюр. Пешеходы разбежались в стороны. Люди оборачивались, провожая лихача взглядами, некоторые кричали. Выписывая дикие зигзаги, Бену удалось добраться по тротуару до середины Хай-стрит.

Из открывшейся двери магазина показалась коляска с завернутым в одеяло младенцем. Молодая мамаша смотрела в другую сторону и не заметила несущийся на нее мотороллер. Оглянувшись, она застыла на месте в немом ужасе.

Бен ударил по тормозам, колеса заклинило. Он уперся ногой в землю, пытаясь удержать мотороллер, но не сумел — Бен и Ли вылетели из седла. Опрокинувшийся мотороллер боком заскользил по тротуару, врезался в столб и попал под колеса двухэтажного автобуса, который не успел затормозить. Во все стороны брызнули искры, мотороллер смяло в лепешку, обломки пластика разлетелись по асфальту.

Вскочив на ноги, Бен подхватил упавший рюкзак. Ли тоже поднялась, глядя на разорванную штанину джинсов. Не обращая внимания на недовольные гудки, рейнджроверы быстро приближались.

Бен и Ли побежали, свернув с Хай-стрит в какой-то переулок с мощеной мостовой — въезд для машин перекрывали железные тумбы. Рейнджроверы затормозили перед препятствием, из них выскочили шестеро мужчин и бросились за беглецами. Полицейские сирены завывали где-то поблизости.

Держа Ли за руку, Бен промчался мимо библиотеки Оксфордского университета, вверх по Бруд-стрит, к Шелдонскому театру, знаменитому своими концертами классической музыки. У

кассы толпилась очередь за билетами. Заметив пробегающую мимо Ли, какая-то женщина радостно закричала, пихнув подружку:

— Смотри! Это же Ли Ллуэллин!

Бена и Ли мгновенно окружили со всех сторон, люди улыбались и просили автограф. Никто не обращал внимания на то, что Ли запыхалась, беспокойно озирается, а ее джинсы разорваны на колене. Щелкали камеры сотовых телефонов.

Шестеро преследователей, тяжело дышащих после пробежки по улице, держались в стороне, не спуская глаз с беглецов. Когда из-за угла появилась сверкающая мигалками полицейская машина, двое перешли дорогу, делая вид, что разглядывают витрину книжного магазина, еще двое неспешно поднялись по ступенькам библиотеки. Третья пара разговаривала, стоя у дороги, по которой медленно проехали полицейские, бдительно озирая оживленную улицу.

Бен взял Ли под руку и выскользнул из толпы, следуя за неторопливо ползущей машиной полиции. Позади них преследователи собрались вместе и снова ринулись в погоню.

На углу Брод-стрит и Корнмаркет царил предрождественская суматоха. Заметив такси, Бен догнал его, усадил Ли на заднее сиденье и обернулся: на него злобно смотрели раздосадованные преследователи. Он захлопнул дверцу, и такси растворилось в потоке машин.

ГЛАВА 16

Вена

Маркус Кински без стука вломился в кабинет шефа. Сержант вытащил из кармана пластиковый пакетик и бросил его на стол — внутри звякнула пригоршня потемневших гильз, найденных на берегу озера.

Ганс Шиллер посмотрел на пакетик, безглаголиво ткнул в него пальцем и нахмурился.

— Это еще что за фокусы?

Начальник полиции выглядел измученным: лицо осунулось и пожелтело, глаза глубоко западали в сетку морщин, и даже лысина вроде бы заметно увеличилась со вчерашнего дня. Кински знал, что шеф не сегодня-завтра уйдет на пенсию.

— Я хочу возобновить расследование по делу Оливера Ллуэллина, — заявил сержант.

Кински был единственным следователем в команде Шиллера, который мог позволить себе вольности в обращении с начальником — и не получить за это нагоняй.

Шиллер поставил локти на стол и сжал переносицу.

— Я думал, мы с этим покончили раз и навсегда, сержант, — устало ответил он. — Тебе что, больше заняться нечем?

— Открылись новые обстоятельства, — сообщил Кински, не сводя глаз с начальника.

— Какие еще обстоятельства?

Кински показал на пакетик.

— Девятимиллиметровые гильзы.

— Это я и сам вижу. На стрельбище набрал, что ли?

— На озере нашел. На том самом озере, где погиб Ллуэллин.

Шиллер снял очки и протер их платочком, потом склонился вперед, пристально глядя на Кински.

— И что с того? Ллуэллин утонул — в результате несчастного случая.

— Несчастный случай тут ни при чем.

— А этот металлолом при чем?

— Пока не знаю. Но очень хотел бы узнать.

— Тут и так все ясно. Ты же присутствовал на допросе свидетельницы.

— Свидетельница была подставная.

Шиллер откинулся в кресле и с громким вздохом скрестил руки на груди.

— С чего ты взял?

— С того.

— Маркус, словами-то не бросайся.

— Я не бросаюсь.

— У тебя есть доказательства?

— Будут, — заявил Кински.

Шиллер вздохнул и еще больше сгорбился, словно ему на плечи навалилась дополнительная тяжесть.

— Маркус, я готов тебе помочь. Ты ведь знаешь, я всегда вставал на твою сторону — а на это пошел бы далеко не каждый.

— Знаю, шеф, и ценю ваше терпение.

— Лучше держи рот на замке, пока не откопаешь что-нибудь существенное. Не забывай, с кем имеешь дело. В свое время консульство из-за этой Мадлен Лоран такую вонь подняло, что чертям тошно стало, и я не собираюсь еще раз туда соваться. — Он провел рукой по волосам и сбивчиво заговорил: — Бросил бы ты это дело, а? Сдался тебе какой-то богатенький буратино, который напился вдребезги и натворил глупостей! Плюнь ты на него! Нашел о чем думать, других проблем нет, что ли?

Кински оперся кулаками о стол.

— Если я найду доказательства — серьезные доказательства, — вы согласитесь снова открыть дело Ллуэллина?

— Доказательства понадобятся железобетонные.

— Но если...

Шиллер в отчаянии взмахнул руками.

— Ладно, Маркус. Хорошо. Если тебе вдруг каким-то невероятным образом удастся получить по-настоящему убедительные улики, то, может быть, я подумаю о возобновлении расследования. — Шеф посмотрел непреклонным взглядом. — Большого я обещать не могу.

— Большого мне и не нужно, — кивнул Кински.

Дверь за ним захлопнулась.

Кински и так опаздывал, разговор с шефом задержал его еще больше. Этак он не успеет забрать Клару из школы. На дорогах творилось черт знает что, будто не по городу едешь, а на парковке стоишь! Он пятнадцать минут просидел в пробке, барабанил пальцами по рулевому колесу и едва сдерживая нетерпение.

На экранах телевизоров, выставленных в витрине ближайшего универмага, шла одна и та же программа. Кински рассеянно всмотрелся.

Опять интервью с каким-то политиком, все бы им языками чесать. Политика он узнал — в последнее время эту физиономию по всему городу расклеили: сынок богатенького папаша, решивший поиграть в социалиста.

Как там его? Филипп, кажется. Филипп Арагон. Тоже мне, спаситель Европы выискался.

Кински со вздохом посмотрел на часы. Еще немного, и Клара сядет в школьный автобус. Тогда придется ехать обратно к дому в надежде перехватить ее на остановке, иначе бедная девочка будет стоять в темноте на улице, недоумевающая, куда делась Хельга. Проклятье!

«А, к чертям собачьим!» — подумал сержант, прикрепил на крышу синюю мигалку и включил сирену. Словно по волшебству, плотный поток машин расступился, и Кински нажал на газ.

Большой «мерседес» слегка занесло на повороте, за которым показался высокий забор колледжа Святой Марии. У ворот все еще стоял школьный автобус. Возле него собралась шумная стайка смеющихся девочек в унылой серой форме и темно-синих пальто. Мамаши в дорогих нарядах подъезжали на «ягуарах» и «БМВ», чтобы забрать дочерей.

Взвизгнув тормозами, «мерседес» остановился, и Кински выключил сирену. Мамаши обернулись, недоуменно наблюдая, как полицейский вышел из машины и побежал к автобусу.

В толпе школьниц Клары не было.

— Клару никто не видел? — спросил сержант, узнав нескольких подружек дочери, — Клару Кински?

Девочки пожали плечами. Он заглянул в автобус — и тут ее нет.

Из ворот высыпали школьницы. Они шли вприпрыжку, с хохотом размахивая портфелями. Кински остановился, вглядываясь: футляр скрипки, светлые хвостики, торчащие из-под форменного синего берета... Сержант бросился вслед, окликая дочь по имени. Некоторые девочки обернулись, с удивлением глядя на крупного запыхавшегося мужчину с раскрасневшимся лицом. Кински протолкался сквозь стайку школьниц и положил руку на плечо девочки, оживленно болтавшей с подругой.

— Черт возьми, Клара, где ты...

Обернувшись, девочка испуганно попятилась.

— Извини, — пропыхтел он. — Я тебя с Кларой Кински перепутал. Вы ее не видели?

Подружки уставились на него широко раскрытыми глазами и молча покачали головой, потом пошли дальше, иногда нервно поглядывая через плечо. Одна покрутила пальцем у виска: «Спятил дяденька», остальные захихикали.

Кински ворвался в школьный двор и побежал по обсаженной деревьями дорожке. Опять начался снегопад. Крупные снежинки падали на ресницы, и сержант протер глаза. Навстречу шла знакомая учительница.

— Фрау Шмидт, вы не видели Клару? — спросил он.

— Разве она не села в автобус, герр Кински? — удивилась учительница. — Я видела, как она выходила на улицу.

Он покачал головой.

— Ее там нет, я проверял.

— Не волнуйтесь, герр Кински. Может, она пошла домой вместе с подругой?

— Клара бы этого никогда не сделала. — Он прикусил губу.

Из обвитой плющом арки над парадным входом в здание школы вышла девочка с кларнетом. Узнав полицейского, она широко распахнула большие карие глаза.

— Мартина, ты не видела Клару? — окликнула ее фрау Шмидт.

— Она ушла, — застенчиво ответила Мартина.

— Куда ушла? — спросил Кински.

Девочка смутилась под его пристальным взглядом.

— Ну же, Мартина, — мягко сказала учительница, погладив ее по голове. — Не бойся. Скажи нам, куда ушла Клара?

— Она села в машину. С дяденькой.

Лицо фрау Шмидт застыло.

— С каким дяденькой?

— Ну, с таким. С обыкновенным.

— Когда это было?

Мартина показала на ворота школы.

— Мы с ней вместе вышли. Потом я вспомнила, что оставила в классе кларнет, и вернулась. Тогда и подъехала машина. Из нее вышел дяденька, улыбнулся Кларе и сказал, что он друг герра Кински.

Мартина застенчиво глянула в его сторону. Сержант почувствовал, как сердце бешено заколотилось в груди.

— Как этот дяденька выглядел?

— Не знаю, — прошептала девочка. — Большой такой. В костюме.

— А машина была какая? Какого цвета?

— Черная. Не знаю, какой марки.

— Куда они поехали?

Она показала вниз по улице. Кински смотрел на пустую дорогу, на стоящие вдалеке дома. Дочь пропала. Ее могли увезти куда угодно.

ГЛАВА 17

Оксфордшир

Пришлось дважды менять такси и кататься на загородных автобусах, пока Бен не убедился, что погоня отстала. На закате они сели в красный двухэтажный автобус, который шел в город.

— А теперь что нам делать? — спросила Ли.

— Теперь нам обоим ясно, что Оливер погиб не случайно. — Бен заглянул Ли в глаза и тихонько стиснул ее руку. — Прости. Пожалуй, лучше бы это был несчастный случай.

Она грустно кивнула.

— И зачем его туда понесло? Он ведь собирал материалы для книги!

Бен потер виски, напряженно размышляя.

— Время смерти установили?

— Двадцать два часа тридцать четыре минуты. А что?

— Откуда такая точность? — удивился Бен.

— В память об отце Оливер носил его часы с пружинным заводом. Они остановились... когда Оливер упал в воду.

Ли шмыгнула носом и вытерла покотившуюся по щеке слезинку.

— Может, тебе не стоит пока об этом говорить? — спросил Бен.

— Не говорить не получается...

Бен решил поделиться своей версией событий.

— Я думаю, Оливер стал свидетелем ритуальной казни. Где это произошло и чем провинился тот несчастный, мы не знаем. Судя по всему, Оливера заметили и бросились в погоню, но настигли не сразу: прошло около часа между временем казни и смертью Оливера.

Ли молча кивнула, промокая глаза платочком.

— Оливер заснял казнь на камеру мобильного, — продолжал Бен. — Допустим, мобильник все еще был при нем, когда он попал в руки преследователей. Они обнаружили видеофайл и решили, что все улики уничтожены.

— А потом увидели мое интервью, — хмуро закончила Ли.

Бен кивнул.

— Прошло много месяцев, улики уничтожены, дело закрыто... и вдруг новая угроза. Ты заявила, что у тебя есть все материалы брата, включая то, что он послал тебе в день смерти, но ты их еще не разбирала. А если Оливер послал тебе копию видеофайла? Тогда они и решили...

Ли заплакала.

— Извини. Я понимаю, тебе сейчас нелегко. Может, хватит на сегодня?

— Я хочу выяснить, что случилось с братом, — ответила Ли сквозь слезы. — Но как? С чего начать? Мы даже в полицию пойти не можем.

Бен покачал головой.

— Никаких «мы». Это слишком опасно. Я отвезу тебя в какое-нибудь надежное местечко, а сам поеду в Европу, чтобы пройти по следам Оливера. Это единственный способ понять, что произошло.

— И куда ты собираешься меня отвезти?

— К себе.

— Куда именно?

— В Ирландию, в одно уединенное место на западном побережье. Там ты будешь в безопасности. Я возьму напрокат машину, и мы поедem в Шотландию. Потом на пароме из Странраера в Северную Ирландию и через границу в Голуэй. Тогда не придется проходить паспортный контроль. Никто не будет знать, где ты.

Слезы Ли высохли, на лице появилось выражение решимости.

— А ты тем временем сядешь на самолет и улетишь один?

— Что-то в этом роде.

Она покачала головой.

— Нет уж, Бен. Я ни за что не стану сидеть на каком-то дурацком пляже в Ирландии, пока ты в одиночестве раскатываешь по Европе в поисках следов Оливера. Не забывай, что он был

моим братом!

— Допустим, я возьму тебя с собой. Ты же видела, что произошло сегодня, — тебя узнают на улицах. Я буду связан по рукам и ногам.

— Ты не поверишь, чего можно добиться шарфиком и темными очками. Я буду вести себя тише воды, ниже травы и не стану называть свое имя.

— В любом случае тебя выдаст паспорт: если кто-то из наших преследователей имеет связи в полиции, то они смогут проследить твои передвижения и доберутся до нас, едва мы окажемся в Европе.

— Бен, а полиция-то как в этом замешана?

— Пока не знаю.

За окном мелькали голые деревья. Автобус потряхивало на ухабистой дороге.

Ли вдруг пришла в голову прекрасная идея.

— Есть один способ попасть во Францию незамеченными...

ГЛАВА 18

Два часа спустя

Саутгемптон

На востоке ярко горело созвездие Ориона, по воде пролегла лунная дорожка. По обеим сторонам длинного причала покачивались белые яхты.

Крис Андерсон стоял на палубе «Изольты», потягивая горячий кофе и вслушиваясь в плеск волн. Где-то хлопнула дверца машины. Через минуту из сумрака появилась знакомая фигура Ли.

Крис довольно улыбнулся. Кто бы мог подумать, что Ли вдруг позвонит! Столько времени прошло. Будет здорово снова ее повидать.

Улыбка сползла с лица Криса: рядом с Ли шел мужчина.

Это еще кто? Незнакомец был почти шести футов ростом — на пару дюймов выше Криса — и выглядел лет на пять младше. К тому же настоящий красавчик: густые светлые волосы, спортивная фигура, джинсы в обтяжку, кожаная куртка. Крис втянул брюшко. Черт, несколько недель не играл в сквош и уже животик отрос. Кого это Ли привела с собой? Она ничего не говорила о спутнике.

— Мне это по-прежнему не по душе, — сказал Бен по дороге к шестидесятифутовой «Изольте». В свете фонарей на причале ясно выделялся Крис: дородный мужчина в толстой белой куртке и бейсболке хмуро смотрел на приближающихся гостей, — По-моему, твой бывший муж тоже не в восторге.

— Расслабься, — ответила Ли. — Ничего с ним не сделается.

Она легко спрыгнула на палубу, широко улыбаясь Крису, который протянул руки, чтобы поддержать ее.

— Спасибо, что сразу согласился помочь. Я тебе очень благодарна.

Ли представила мужчин друг другу. Крис сухо кивнул Бену.

— Ты не говорила, что приведешь с собой спутника, — холодно заметил он.

Ли положила ладонь на плечо бывшего мужа и чмокнула его в щеку.

— Будь пайнкой, — тихо предупредила она и улыбнулась, заметив Майка, старого шкипера «Изольты». — Привет, Мик.

— Сколько лет, сколько зим! — отозвался Мик с мачты, где он проверял снасти. — Рад снова видеть тебя на борту. Совсем как в старые времена!

— Надеюсь, я вас не очень напрягла своей просьбой.

Мик спрыгнул на палубу, вытирая руки. Он был невысок, жилист, с карими глазами и седой бородкой.

— Да ну, ерунда. «Изольте» ничего не стоит смотаться через пролив — даже в декабре.

— Мик, я тебя обожаю! А это мой друг Бен. Он плывет с нами.

— Приятно познакомиться, Бен.

— Взаимно, — ответил Бен, восхищенно разглядывая яхту. — Долго нам плыть?

Мик пожал плечами.

— Из Хамбла в Сен-Ва-ла-Уг? Часов девять, пожалуй.

— Налегке путешествуете? — заметил Крис. — Без багажа?

— Зато с кредиткой, — улыбнулась Ли. — Во Франции пройдемся по магазинам.

— Дело хозяйское, — ответил Крис. — Ну а с коленкой-то у тебя что?

Ли нащупала дырку на джинсах.

— Да так, упала нечаянно.

— Ты поранилась!

— Пустяки, царапина.

Крис повернулся к Бену и, отдавая дань вежливости, произнес:

— Добро пожаловать на борт «Изольды». Я покажу вам ваши каюты.

Он подчеркнуто выделил множественное число.

Внутри яхта оказалась удивительно просторной и роскошной.

— Вишня, — гордо сказал Крис, заметив, как Бен погладил полированные деревянные панели коридора. — Ручная работа. У этой крошки все при ней. «Ойстер шестьдесят один», классическая модель. Сплошная автоматика, достаточно нажать кнопку. И по океанам поплавала — Ли может подтвердить. Мы на этой яхте везде побывали: Мадейра, Санта-Лючия, Гренада... Ли, помнишь ту виллу на Мюстике?

— А, ту самую, где тебя укусила за задницу обезьяна и ты загремел в больницу? — бесстрастно спросила Ли.

Крис поперхнулся, и Бен сдержал улыбку.

— Ли, тебе, наверно, будет непривычно спать в гостевой каюте вместо капитанской, — сказал Крис.

— Ничего, переживу как-нибудь.

Крис отвел Бена в самую маленькую из трех гостевых кают «Изольды».

— Можете оставить вещи здесь.

При свете лампочки в каюте Крис оглядел Бена с головы до ног: потертая кожаная куртка, старенький зеленый рюкзачок — похоже, тяжелый. Бен втиснул рюкзак на полку над койкой. Когда он поднял руки, из-под рукава куртки показалась дорогие часы для ныряльщиков.

Через двадцать минут Мик был готов поднять якорь. Ветер раздул паруса «Изольды», и яхта направилась в открытое море, оставив берег за кормой.

Ли чувствовала себя обязанной побыть с Крисом и взялась помогать ему с ужином. Бен, которому надоели слишком пристальные взгляды бывшего мужа, воспользовался моментом и улизнул в свою каюту. Там он уселся на койку и открыл коробку с материалами Оливера.

Читать заметки было трудновато. Бен долго рассматривал слова «орден Р...», пытаясь понять смысл. Ничего не надумав, он в раздражении отбросил листок.

На другом листке Оливер составил какой-то список исторических фактов и личностей. Написанное красными чернилами слово «АРНО» было трижды подчеркнуто. Рядом стояла дата — конец декабря, всего за две недели до его смерти. Дальше листок обгорел, и Бен не мог прочитать написанное.

И еще были орлы. Оливер любил машинально рисовать — поля страниц, нетронутые огнем, были изрисованы орлами. Под одной из птиц Оливер небрежно написал большими буквами «ОРЛЫ???» и многократно обводил написанное, пока ручка не продавала бумагу почти насквозь. Похоже, он размышлял над значением слова. Интересно, выяснил ли Оливер в конце концов, при чем тут орлы?

Бен уже отчаялся что-либо понять в заметках Оливера, когда в каюте появилась Ли, вручила ему чашку кофе и села рядом на узкую койку.

— Как успехи? — спросила она тихонько, опасаясь, что Крис услышит сквозь тонкие перегородки.

— Так себе, — покачал головой Бен и протянул ей тот самый листок. — Не пойму, что такое «орден Р...», Тут еще что-то про орлов и реки.

— Реки?

Ли взяла из рук Бена листок и с любопытством уставилась на него.

Бен показал на выделенное красным «АРНО».

— Во Флоренции есть река Арно. Оливер туда ездил?

Тут рядом дата стоит.

— Мне он ничего об этом не говорил.

— Постарайся вспомнить, — настаивал Бен, — Это важно. Только ты знаешь, куда ездил Оливер и что он там делал.

Ли положила подбородок на руки.

— Ничего я не знаю.

— Подумай!

— Нет, понятия не имею.

— В письме Моцарта что-нибудь говорилось про реку Арно? Что могло заставить Оливера поехать во Флоренцию?

— Да не помню я, — с легким раздражением ответила Ли. — Это ж сто лет назад было!

— Постарайся вспомнить, — терпеливо повторил Бен. — Если мы не разберемся в записях Оливера, то нам и начать-то будет не с чего.

— Если только... — Ли вдруг оживилась.

— Если только что?

— Мы все перепутали. Река ни при чем. Арно — это имя.

— Чье?

— Итальянца-коллекционера. — Теперь Ли ясно вспомнила подробности. — Того самого, который купил у отца письмо. Его звали профессор Арно.

Бен вспомнил снимки на компакт-диске: старик, на заднем плане — книжные полки с книгами по музыке.

— Значит, Оливер с ним встречался?

— Наверное. Выходит, Арно все еще жив.

— И где он живет?

— В Равенне! Помнишь могилу Данте? Оливер там был. Если я не ошибаюсь, Арно преподавал в музыкальном институте в Равенне.

Бен задумался.

— Скорее всего, Оливер поехал к профессору, чтобы поговорить о письме. Пожалуй, нам тоже следует навестить старика.

— Думаешь, письмо все еще у него? — спросила Ли.

— Профессор заплатил за письмо кругленькую сумму, хотя другие нос воротили. Вряд ли он выбросил такую ценную вещь.

— Интересно, что написано в письме?

— А вот это мы скоро узнаем.

ГЛАВА 19

На ужин Крис подал охлажденное вино, густую рыбную похлебку и салат.

— Ли говорила, вы пишете музыку для фильмов, — сказал Бен.

Крис кивнул.

— В основном — да. Вы любите кино?

Бен пожал плечами.

— Иногда смотрю.

Он попытался припомнить, какой фильм в последний раз смотрел. Это было полгода назад, в Лиссабоне, куда Бен приехал по работе. Потенциальный источник информации забрел в кинотеатр, и Бен уселся на пару рядов позади. Через час мужчина посмотрел на часы и вышел. Бен последовал за ним, а через пять минут, в тихом переулочке, тот человек стал трупом. Бен в упор не помнил, какой фильм шел тогда в кинотеатре.

— А для каких фильмов вы писали музыку? — поинтересовался он у Криса.

— Моя последняя работа — «Изгой», с Хэмптоном Бернли. Видели?

Бен покачал головой.

— Вы, наверное, больше оперой увлекаетесь, — заметил Крис, бросив взгляд на Ли.

— У Бена нет времени на увлечения, — ответила она.

— Так чем же вы занимаетесь, Бен?

— Я на пенсии.

— На пенсии? — удивился Крис. — А раньше чем занимались?

Бен осушил остатки вина в бокале.

— Служил.

Бутылка опустела. Крис посмотрел на нее, приподняв бровь, и достал из холодильника другую.

— На флоте?

— В армии.

— Военный, стало быть. В каком звании?

— Майор, — тихо ответил Бен.

Крис постарался скрыть удивление.

— В каких частях служили, господин майор?

Бен искоса глянул на него.

— Просто Бен. Давно уже не майор.

— Бен и Оливер — армейские друзья, — сказала Ли. — Так мы и познакомились.

— Значит, вы давненько друг друга знаете, — ледяным тоном заметил Крис, не сводя глаз с Бена.

— Да, хотя сто лет не виделись, — уточнила Ли.

Крис наконец перестал разглядывать Бена в упор, хмыкнул и уткнулся в свою тарелку. Остаток ужина прошел в молчании, под звуки ветра и волн, доносившиеся снаружи.

Бен вернулся к себе в каюту и посидел немного, размышляя. Он еще раз проверил пистолеты, разобрал их и почистил — руки двигались автоматически, выдавая многолетний навык. Сложив оружие в рюкзак, Бен положил его на полку. Потом он часик полежал, прислушиваясь к равномерным ударам волн в борта «Изольды». Ветер крепчал, качка усиливалась.

Ближе к полуночи Ли решила, что пора бы ложиться. Сидевший напротив Крис хмуро уставился в экран телевизора — после ужина он и пары слов не сказал.

— Крис, в чем дело?

Он помрачнел.

— Я ведь вижу, что ты сам не свой. Что случилось?

Крис ткнул кнопку на пульте и выключил телевизор.

— Это он и есть, верно?

— Кто он?

— Бен. Я вспомнил. Твоя первая любовь, да? Тот самый парень, по которому ты с ума сходила. За которого замуж хотела выйти.

— Крис, с тех пор пятнадцать лет прошло.

Он горько рассмеялся.

— Я так и понял, что дело нечисто.

— Ничего ты не понял.

— Я слышал, как вы перешептывались в каюте — точно школьники. — Он фыркнул. — Знал бы я, чего ты от меня на самом деле хочешь, не поддался бы на твои уговоры. Ты, наверное, думаешь, что я сентиментальный дурак. Догадалась же попросить старину Криса отвезти тебя с любовничком во Францию! Оттянуться на выходных захотелось? Боишься, что журналюги пронюхают про твой романчик? Пожалуй, мне стоит повернуть яхту обратно.

— Крис, все совсем не так, как ты думаешь!

— Как ты могла так со мной поступить?! Я ведь ничего не забыл. Прекрасно помню твои рассказы про парня, который разбил тебе сердце, оставив в нем незаживающую рану, а теперь ты с ним гуляешь у меня на глазах и хочешь, чтобы я тебе еще и помогал? Я-то тебе ничего плохого не делал — твое сердце не разбивал. Это ты, ты разбила мое!

Раскрасневшийся Крис ткнул себя пальцем в грудь.

— Разбила тебе сердце, ну конечно!.. Когда в собственный день рождения застучала тебя на той вертихвостке!

Крис закатил глаза.

— Один малюсенький проступок! И сколько раз я должен просить прощения?

— Ничего себе малюсенький проступок!

— Да ведь тебя вечно не было дома! Ты все время где-то разъезжала на гастролях!

— В тот вечер я была дома.

Они смотрели друг на друга со все увеличивающимся раздражением. Наконец Ли не выдержала и вздохнула.

— Крис, пожалуйста, давай не будем ругаться, ладно? Сколько раз можно говорить об одном и том же. Ты не хуже меня знаешь, что отношения у нас не сложились. Но мы все равно остаемся друзьями, верно?

— На пенсии он... — пробормотал Крис. — Да сколько ему лет? В его-то возрасте дома сидеть? Ты хоть знаешь, сколько платят армейским отставникам? Уверена, что он не на деньги твои позарился? — Подумав, Крис добавил: — Это ты ему часы купила?

— Господи боже мой! Хватит уже! Все совсем не так, как ты себе напридумывал.

— А как? Зачем он с тобой поехал?

— Я не могу объяснить тебе все прямо сейчас. Просто поверь мне, ладно? — Ли посмотрела ему в глаза. — Ей-богу, между мной и Беном ничего нет. И я благодарна тебе за то, что ты мой друг и согласился мне помочь. Честное слово.

Ли обняла Криси, и в ответ он стиснул ее в объятиях.

— Я по тебе скучаю, — пожаловался Крис и поцеловал ее в волосы. — Часто вспоминаю тебя.

Он слегка отстранился и попробовал поцеловать ее в губы. Ли оттолкнула его.

В дверях стоял Бен.

Ли резко вырвалась из объятий Криси, и все трое на мгновение замерли, глядя друг на друга.

— Извините, — тихо сказал Бен. — Я не хотел помешать.

Он повернулся и пошел к трапу, ведущему на палубу.

Ветер заметно усилился, и Бен застегнул куртку. С востока на нос «Изольды» обрушивались потоки холодного дождя, паруса громко хлопали, перекрывая вой ветра и ритмичные удары волн. Мик в оранжевом дождевике стоял у штурвала. Мужчины кивнули друг другу. Бен вытащил сигареты и предложил одну шкиперу. Прикрывая огонек зажигалки от ветра, Бен глубоко затянулся и, шурясь от брызг, посмотрел на темную пенистую воду.

Корму «Изольды» задрало гребнем большой волны, затем бросило вниз. Во все стороны полетели брызги. Палуба под ногами накренилась, державшийся за поручень Бен покачнулся.

— Погодка немного разыгралась, — сказал Мик, прерывая молчание.

Бен посмотрел на темное небо, по которому пробежали черные облака, закрывая луну. В тусклом свете виднелись пенистые гребни волн.

Бен долго стоял на палубе: все равно в каюте делать нечего. Спать не хотелось. Бессвязные мысли путались, перескакивая с одного на другое. Оливер. Письмо Моцарта. Видеозапись. Убийство. Лэнгтон-холл. Звонок из полиции.

Размышления не ограничивались загадкой убийства Оливера — мысли постоянно возвращались к его сестре. Перед глазами стояла сцена в кают-компании: Ли в объятиях Криси. Почему его так задело, что Ли до сих пор равнодушна к бывшему мужу?

«А сам-то я что чувствую? — спрашивал себя Бен. — Неужели ревную?»

Вот еще!

И все-таки он не мог перестать думать о Ли: после стольких лет она вновь была рядом.

Наверное, она уже уснула. Лежит на койке в каюте, черные волосы разметались по подушке...

Бен курил сигареты одну за другой и прихлебывал виски из фляжки, не обращая внимания на качку. Надвигающегося шторма он не замечал, пока паруса «Изольды» не потеряли ветер — яхту резко качнуло. Она вскарабкалась на очередную волну и с ее вершины рухнула носом вниз. Бена захлестнуло потоком воды и пены, несколько секунд он вслепую отчаянно цеплялся за поручень. Сигарета погасла, и он выбросил промокший окурок в море.

В каюте Ли ворочалась с боку на бок, безуспешно пытаясь уснуть. Мысли постоянно возвращались к Бену Хоупу.

Да что же это такое?!

Часы показывали почти четыре утра. Ли завернулась в одеяло и пошла готовить кофе. Яхту сильно качало, идти было трудно.

Услышав, что Ли встала, Крис вышел из капитанской каюты. Он выглядел бледным, глаза у него слипались. Пока Ли пила кофе, Крис посмотрел на компьютере последнюю сводку погоды.

— Шторм скоро кончится... А где твой друг майор?

— Крис, перестань. Наверное, у себя в каюте.

— Дверь каюты открыта — его там нет.

— Понятно. Ты решил, что он провел ночь у меня? Ты мне все-таки не доверяешь.

Крис неразборчиво заворчал и поднялся по трапу. Стоило открыть люк, как в лицо ударила холодная волна. Отплеываясь, Крис протер глаза: Бен и Мик, в поблескивающих от воды дождевиках, молча вцепились в штурвал.

«Похоже, майор знает, что делает», — подумал Крис, чертыхнулся себе под нос и, пригладив мокрые волосы, снова закрыл люк.

Спускаясь вниз по трапу, он понял, какой удачный шанс получил: майор-то на палубе!

Протыкнув мимо кают-компания, Крис бесшумно вошел в каюту майора, тихонько запер дверь и огляделся. Потом он достал с полки над койкой зеленый рюкзак и открыл его.

ГЛАВА 20

Тем же вечером

Вена

Кински беспокойно расхаживал по гостиной. Нервы были натянуты до предела, да и приступ мигрени на подходе. Руки тряслись, все внутри похолодело.

Где же она? Кто ее забрал? Может, кто-то из пойманных им преступников решил отомстить? Среди тех, кого он недавно упек за решетку, было несколько безжалостных мерзавцев.

Кински вспомнил каждого из них. Он знал, что они могут сделать с девочкой, видел, на что они способны.

Если они ее хоть пальцем тронут, он их убьет. Всех до единого.

Кински тяжело опустился в кресло и обхватил голову руками. Его била дрожь, из глаз текли слезы. Он снова вскочил, прошелся по комнате и ударил кулаком в стену — еще и еще раз, пока не ободрал костяшки до крови. Свернувшись на своем месте в углу, Макс испуганно наблюдал за хозяином.

Зазвонил телефон. Кински подскочил. Вот оно! Сейчас потребуют выкуп...

Трясущейся рукой он снял трубку.

Какой-то идиот стал предлагать теплоизоляцию для крыши.

— Да чтоб ты сдох!

Кински швырнул трубку на рычаг.

С улицы донесся шум — отъехала машина. И тут же в дверь позвонили.

Он метнулся к двери и рывком распахнул ее, едва успев заметить быстро удаляющуюся черную «ауди». Номера он не разглядел.

На ступеньках стояла улыбающаяся Клара.

— Привет, папа! Привет, Максик!

Пес подлетел к девочке и облизал ее с головы до ног, виляя обрубок хвоста. Клара со смехом увернулась от собачьих поцелуев и вошла в дом.

Кински оттолкнул Макса в сторону и крепко прижал к себе дочь.

— Ты меня раздавишь! — хихикнула она в ответ и недоуменно посмотрела на отца. — Что с тобой?

— Где ты была? — едва сумел выдать Кински.

Он усадил дочь в кресло и заставил все рассказать.

Клара не поняла, почему отец так расстроился. Что тут такого? Франц очень славный. Сказал, что он друг, тоже полицейский, что папа попросил его присмотреть за ней. Они ели мороженое в кафе. Франц смешной. Он всякие забавные истории рассказывал, чтобы ее рассмешить. Нет, он ее не трогал. Совсем нигде не трогал, только взял за руку, когда они шли в кафе. Нет, названия кафе она не помнит и улицу тоже. Обыкновенное кафе на какой-то улице. Да в чем дело, в конце-то концов?

Кински выслушал рассказ дочери и расстроился еще больше.

— Как выглядит Франц? — спросил он, стараясь сдержать ярость в голосе.

Клара покачала головой: что за глупые вопросы!

— Большой, вроде тебя, но не такой толстый, — хихикнула она.

— Клара, я серьезно спрашиваю.

Она откинула с лица прядку волос и преспокойно заявила:

— Он старый. Ему, наверное, уже сорок. Или даже больше.

— Понятно, что еще?

— У него ухо странное.

— Как это?

Она скорчила гримасу.

— Ну, такое... жуткое. Как будто его жевали.

— Покрытое шрамами?

— Я спросила у Франца, что случилось с его ухом. Он сказал, что большой старый попугай уселся ему на плечо и хотел оторвать ухо. И даже показал, как это было. Я так смеялась! Мне Франц понравился.

Кински захотелось ее отшлепать.

— Больше никогда так не делай! Клара, я не шучу. Не вздумай садиться ни в какие машины — кроме нашей и Хельги. Понятно?

Она опустила голову, хлюпнула носом и вытерла слезинку.

— Да, папа.

Опять зазвонил телефон. Кински поднял трубку на втором звонке.

— Герр Кински?

— Кто это?

— Слушайте внимательно.

— Я слушаю.

— Это было предупреждение. Держитесь подальше от дела Ллуэллина.

— Кто вы?

— В следующий раз ваша красавица дочка может и не вернуться.

Кински прикусил язык, во рту стало солоно от крови. В трубке послышались гудки отбоя.

ГЛАВА 21

Ив посмотрелась в зеркало, проверяя макияж, брызнула немного духов на запястья и за ушами. Сегодня она была длинноволосой блондинкой: он велел ей надеть парик. Ив слегка

подправила прическу. Замечательно.

Из ванной она появилась одетая только в шелковое белье и вошла в огромный стенной шкаф, где рядами висели дорогие наряды, сшитые на заказ.

Голос раздался из ниоткуда — Ив знала, что динамики расположены по всей комнате.

— Черное, — сказал он бесстрастно и ровно.

Ив сняла с вешалки великолепное бархатное платье от Шанель, которое терпеть не могла, как, впрочем, и все остальные наряды. Она приложила платье к стройному телу.

— Нет, — возразил голос. — Атласное.

Ив невозмутимо повесила бархатное платье на место и сняла с вешалки атласное, с низким вырезом — его недавний подарок.

— Надень, — все так же ровно велел голос.

Ив послушалась.

— Теперь жемчуг.

В глубине гигантского шкафа стоял застекленный антикварный шкафчик. На его обтянутых синим бархатом полочках были выставлены напоказ открытые футляры с драгоценностями, в которых поблескивали золотые цепочки и алмазные ожерелья.

Ив взяла длинную нитку жемчуга — ожерелье свисало в ложбинку между грудями и приятно холодило кожу.

— Нет. Сверни вдвое, — приказал голос. — И надень к нему сережки.

Она машинально повиновалась.

В другой части дома Вернер Кролл, как всегда в галстук, откинулся в мягком кресле и, не сводя взгляда с плоского экрана, сложил руки на коленях.

Ив повернулась кругом, зная, что ему нравится смотреть на нее.

Кролл одобрительно кивнул.

— Хорошо. Теперь иди в комнату.

Он медленно протянул руку к пульту управления и переключил монитор на другую камеру.

Ив вышла из спальни, миновала длинный коридор и поднялась по лестнице.

Она уже много раз проделывала этот путь — слишком много. Чего он хочет от нее сегодня? Каждый раз приказы изменялись. И с каждым разом становилось все хуже.

Подойдя к тяжелой двери, Ив повернула золотую ручку и вошла в комнату с высоким потолком. Мебели немного, зато вся шикарная. Мягко светились лампы, отбрасывая длинные тени на покрытые зеленым шелком стены. Ноги утопали в толстом пружинистом ковре.

Ив вышла на середину комнаты, настороженно оглядываясь. Заметив свое отражение в большом зеркале от пола до потолка, она поспешно отвела взгляд.

Из дальнего угла послышался стон. Повернувшись на звук, Ив увидела на широкой кровати симпатичную молодую женщину — в полубессознательном состоянии и почти обнаженную. Ее привязали к кровати за руки и за ноги.

Из скрытых динамиков в углах комнаты раздался голос — казалось, он шел со всех сторон сразу.

— Сними платье. Медленно.

Ив застыла в нерешительности, потом завела руки за спину и принялась расстегивать застёжки.

— Еще медленнее, — велел голос.

Она повиновалась. Бретельки соскользнули с плеч, платье упало на пол. Ив переступила через него, оставив на ковре скомканный атлас.

— Хорошо, — похвалил голос. — Теперь подойди к столу и открой футляр.

На непослушных ногах Ив приблизилась к полированному столику. Щелкнув застёжками, она подняла крышку мягкого кожаного футляра — и отшатнулась, увидев его содержимое.

— Пожалуйста, не надо, — покачала головой Ив, глядя в зеркало. — Я не могу, не заставляй меня это делать.

Ответом было молчание, но она вполне представляла себе выражение лица того, кто сидел

в кресле за стеклянной перегородкой.

— Это уже слишком!

Она решительно закрыла футляр.

Наблюдатель тихо заговорил. Он объяснил Ив, почему у нее нет выбора; рассказал, что сделает с ней в случае неповиновения. Ив слушала, склонив голову на грудь и закрыв глаза.

Когда он замолчал, она вновь открыла футляр, сглотнула и медленно протянула руку.

ГЛАВА 22

Перед рассветом

Пролив Ла-Мани

Побережье Франции поблескивало тусклыми огоньками на темно-синем горизонте. Буря наконец утихла, свинцово-серое море успокоилось. Над мачтой «Изольды» хрипло кричали чайки.

Бен стянул с себя дождевик и пошел вниз, попутно получив одобрителное похлопывание по плечу от Мика.

Шкипер выглядел осунувшимся — ночка выдалась та еще.

От доносившегося из кухни запаха жареной ветчины у Бена потекли слюнки. У трапа его встретила Ли.

— Я завтрак готовлю.

— А Крис где? — устало спросил Бен, спускаясь по ступенькам.

— Спит еще, кажется.

— Тоже мне капитан...

Она пропустила замечание мимо ушей и вручила Бену тарелку яичницы с ветчиной. Он уселся за стол, а Ли надела куртку и пошла на палубу, чтобы отнести завтрак Мику.

Едва Бен успел воткнуть вилку в яичницу, как дверь капитанской каюты распахнулась и из нее вышел Крис.

Спускавшаяся с палубы Ли увидела выражение его лица и замерла на ступеньках.

— Не двигаться! — предупредил Крис: в руке он держал «пара-орднанс», целясь прямо в Бена.

Бен уставился на пистолет.

— Не ожидал, майор? — Крис нервно хохотнул. — Ли, теперь ты видишь, каков твой дружок на самом деле? Посмотри-ка, что я нашел в его рюкзаке. Три пистолета и патроны. — По-прежнему держа Бена на прицеле, Крис вытащил из-за спины рюкзак Бена и бросил его на пол. — А также около пятнадцати тысяч евро наличными. В маленьких аккуратных пачках. Так чем ты занимаешься, майор? Контрабандой оружия? Или наркотиками приторговываешь? А может, и того и другого понемногу? — Крис победоносно усмехнулся, глядя на Ли. — В любом случае он вяпался по уши. Я сейчас вызову полицию и береговую охрану.

— Крис, не надо! — простонала Ли.

— Не волнуйся, твое имя я упоминать не стану. Ты ведь к этому отношения не имеешь, верно?

— Крис, не будь идиотом! Не делай этого. Я все тебе объясню — в другой раз. А сейчас просто поверь мне на слово, ладно?

Крис не обратил на нее внимания и слегка повел дулом пистолета из стороны в сторону.

— Что, майор, теперь ты уже не такой крутой?

— А ты, похоже, не слышал про три состояния, — заметил Бен, продолжая невозмутимо жевать.

Крис вспыхнул, победоносная улыбка несколько побледнела.

— Какие еще состояния?

— Три состояния готовности к стрельбе полуавтоматического пистолета.

Крис замялся в недоумении.

— Состояние первое — взведен и поставлен на предохранитель, — спокойно продолжал

Бен. — Тогда нужно всего лишь снять пистолет с предохранителя, нажать на спусковой крючок, и я стану трупом.

Он отодвинул тарелку и встал из-за стола.

— Осторожно, стрелять буду! — заикаясь, предупредил Крис.

— Состояние второе — в обойме есть патрон, но тогда нужно сначала взвести курок.

Бен сделал еще один шаг вперед.

— Я не шучу...

— Состояние третье — в обойме нет патронов, и пистолет годится разве что для забивания гвоздей. — Бен подошел вплотную к Крису, так что дуло сорок пятого калибра почти уперлось в лицо. — У тебя пистолет в третьем состоянии, придурок. А теперь отдай его мне, пока сам себе глаз не выбил.

Бен выхватил «пара-орднанс» и проверил магазин — одиннадцать патронов. А вот в рюкзаке, судя по весу, почти ничего нет: деньги остались, оружие исчезло.

— Что ты сделал с другими пистолетами?

— Выбросил, — тихо ответил побледневший Крис, потирая руку.

— За борт?

Тот кивнул.

— Идиот! — Бен заткнул «пара-орднанс» за пояс. — Ли, принеси-ка мне все карты французского побережья, все, какие найдутся. А ты, — он посмотрел на Крису, — возвращайся в свою каюту и не вздумай высунуть оттуда нос. Не то, ей-богу, я привяжу тебя к якорю и отправлю кормить рыбок.

Тот поспешно попятился к капитанской каюте.

— Кстати, знаешь что? — добавил Бен.

— Что? — обиженно спросил Крис.

— Я ведь смотрел «Изгоя». По-моему, музыка там дрянная.

Ложь попала в цель — именно туда, куда и метил Бен.

Крис захлопнул дверь своей каюты и больше не показывался.

— Зачем ты с ним так сурово? — сказала Ли, раскладывая на столе ворох карт. — Он всего лишь меня защищал.

Бен молча жевал кусок ветчины, изучая карту побережья.

ГЛАВА 23

«Изольда» плыла под ясным голубым небом. Бен и Ли вышли на палубу, собираясь покинуть судно. Мик завел яхту в безлюдную бухточку в миле от Сент-Вас-ла-Гуг и бросил якорь в двухстах ярдах от берега. На воду спустили лодку с заранее уложенными вещами. Пока Ли прощалась с Миком, Бен на минутку исчез во внутренних помещениях яхты.

— Не знаю уж, какая кошка пробежала между тобой и мистером Андерсоном, но в любом случае удачи тебе, детка, — сказал старый шкипер.

— Мик, мы еще увидимся! — пообещала Ли, чмокнув его в заросшую щетиной щеку.

Бен запустил мотор лодки, и вскоре яхта осталась позади. Ли сидела на корме, кутаясь в замшевое пальто — ветер дул холодный. Над головой с криками кружили чайки.

— Ты не боишься, что теперь Крис Позвонит в полицию? — с тревогой спросила Ли.

— Не позвонит, — ответил Бен, вглядываясь в приближающийся берег.

— Почему ты так уверен?

— Я сказал Крису, что если он позволит в полицию, то я вернусь и вышибу ему мозги.

Ли нахмурилась, но промолчала.

Через несколько минут Бен уже вытаскивал лодку на каменистый берег. За полоской пляжа, поверх песчаных холмов, виднелись крыши прибрежного поселка и шпиль церкви.

— Нам сюда, — сказал Бен и подхватил рюкзак.

Они прошли через холмы и заросший травой луг рядом с полем для гольфа. Извилистая дорожка привела в центр поселка. В маленькой автомастерской Бен купил дешевый

подержанный «ситроен», заплатив наличными; путь продолжили на машине.

Карта Бену не требовалась. Он часто бывал во Франции, расследуя похищения людей, и, хорошо зная местность, держался проселочных дорог. Крис, видимо, внял предупреждению: полиция их не преследовала.

Чтобы пересечь Францию, понадобилось тринадцать часов. Бен и Ли сменяли друг друга за рулем, останавливаясь только для того, чтобы заправиться, даже перекусывали на ходу. Оба устали и почти не разговаривали.

Итальянскую границу проехали в темноте, в сгущающемся тумане. Бен вел молча, сосредоточившись на туннеле, который прорезали впереди лучи фар. Погода стояла холодная, обогреватель в машине пришлось постоянно держать включенным. Ли думала о чем-то, слегка разомлев от тепла.

— Дай мне мой телефон, — вдруг попросила она, встрепенувшись.

— Он на дне Ла-Манша, — ответил Бен. — Я ведь говорил, что от него нужно избавиться.

— Тогда, может, дашь мне свой?

— Кому ты собралась звонить?

— Памеле.

— Твоему секретарю? Зачем?

— Я внезапно исчезла на несколько дней, она будет волноваться. Еще немного, и пойдут слухи, что со мной что-то произошло. Я хочу успокоить Памелу, сказать ей, что все в порядке.

Бен вытащил из кармана куртки мобильник и передал его Ли.

— Ладно, только не говори, где ты находишься, и поскорее заканчивай разговор.

Она кивнула, набирая номер.

Встревоженная отсутствием Ли, Памела обрадовалась звонку. «Тут все просто с ума походили. Где тебя черти носят?» Агент был в панике: Ли пропустила два интервью. Через пять недель назначена премьера «Волшебной флейты» в Италии, скоро должны начаться репетиции, а примадонны и след простыл.

— Да знаю, знаю, — ответила Ли. — Не переживай, я все успею.

— Кстати, в сегодняшних газетах только о тебе и пишут. Напечатали фотографию, на которой ты снята в Оксфорде с каким-то парнем. Вот, у меня тут есть экземпляр... Заголовок — «Кто главный герой в жизни Ли?»

— Глупости! — раздраженно отмахнулась Ли.

— А он красавчик, — не унималась Памела. — С таким я бы и сама не прочь закрутить. У тебя с ним серьезно?

— Памела, давай не будем!

— Спроси, все ли в порядке в Лэнгтон-холле, — подсказал Бен.

Ли прикрыла микрофон.

— Зачем?

— Спроси, говорю. И побыстрее.

В ответ на вопрос Ли Памела сказала, что все нормально, утром пришли строители, чтобы начать работу в зале для репетиций.

— В доме не было... ничего необычного? — поинтересовалась Ли.

— Да нет, — в недоумении ответила Памела. — А что там могло быть? Кстати, чуть не забыла. Тебе звонили.

— Кто? Только поскорее, я не могу долго разговаривать.

Памела замялась.

— Насчет Оливера, Ли замерла.

— Что насчет Оливера?

Бен отвел взгляд от тумана на дороге.

— Звонил какой-то следователь из Вены. Я тут записала... вот, Кински его фамилия. Маркус Кински. Хотел с тобой побеседовать. С чего бы это?

— Что он еще сказал?

— Со мной он не стал разговаривать, но, похоже, дело серьезное. Он оставил свой номер

телефона, попросил связаться с ним. Ли, ты ни во что не вляпалась?

— Памела, продиктуй мне номер.

Ли схватила ручку и записала номер Кински, снова заверила Памелу, что тревожиться не о чем, выключила телефон и задумалась.

— Вот ведь черт! — пробормотала она.

Бен посмотрел на нее.

— Так что тебе рассказала Памела?

— Мы попали в газеты. Видимо, кто-то из собравшихся возле театра послал сделанный снимок в газету, надеясь подзаработать.

— Издержки славы.

— Да уж, известность имеет свои недостатки.

— Именно поэтому я и не хотел, чтобы ты поехала со мной, — сказал Бен. — Лучше бы ты осталась в моем доме. — Он забарабанил пальцами по рулевому колесу. — Ладно, чего там, теперь уже поздно переживать. Памела говорила что-то про Оливера?

Ли рассказала про звонок следователя.

— Как ты думаешь, что ему от меня понадобилось?

— Не знаю.

— Может, стоит поехать не в Равенну, а к нему в Австрию? Вдруг у него есть какая-то важная информация.

— С другой стороны, не исключено, что это новая ловушка.

— Да ладно тебе, Бен. Не могу же я всю жизнь скрываться от полиции! Когда-то все равно придется к ним пойти. Если Оливера убили...

— Понимаю. Ты хочешь справедливости.

— Да. Я хочу, чтобы убийцу моего брата судили. А ты разве не хочешь?

— Я хочу, чтобы убийца моего друга поплатился.

— В каком смысле?

— Я не доверяю правосудию. Предпочитаю другие способы воздать по заслугам.

— Да уж, я заметила... — пробормотала Ли.

— Они дают результаты.

— Пуля в лоб — в этом для тебя состоит правосудие?

— Мне это тоже не особо нравится.

— Но ведь именно так ты и поступаешь, верно?

Бен промолчал.

Молчание затянулось. Ли смотрела на скрытую туманом дорогу, слушая ритмичное шуршание стеклоочистителей.

Поток странных событий захлестнул ее с головой. Ли казалось, что она выпала из реальности и бродит где-то без карты и компаса. Иногда ей не верилось, что все происходит на самом деле. Привычный мир остался где-то далеко-далеко, словно на другой планете. Несмотря на бесконечные репетиции и выступления, постоянные переезды из одного оперного театра в другой, из гостиницы в гостиницу, жизнь там была упорядоченной и безопасной, а теперь она перевернулась вверх дном. Интересно, когда-нибудь все вернется на свои места? Чем закончится эта история?

Ли обхватила голову руками.

Бен протянул ей фляжку.

— Хлебни немного.

— Давай, — согласилась Ли и сделала несколько глотков. Ей стало немного легче. — К этому быстро привыкаешь, — заметила она, возвращая фляжку.

— И не говори!

Он тоже отхлебнул.

— Так что насчет следователя Кински?

— Если хочешь с ним повидаться, то мы к нему съездим. Но сначала надо найти Арно. Надеюсь, он поможет нам понять, что к чему.

В Равенну они приехали после десяти вечера и нашли маленький пансион в пригороде. Бен записал их как мистер и миссис Коннорс — пусть думают, что они женаты. Документов хозяева не спросили и с радостью приняли оплату вперед наличными. Хозяйка проводила их в комнату, отперла дверь, вручила ключ и ушла.

Комната оказалась маленькой и просто обставленной. Большую ее часть занимала кровать.

— Кровать двуспальная, — заметила Ли.

— Откуда ж мне было знать? — ответил Бен. — Я просто попросил номер на двоих.

Бросив рюкзак на кресло, он открыл скрипучий платяной шкаф — там обнаружили дополнительные одеяла. Бен свалил их кучей на полу.

— Ли, придется нам ночевать в одной комнате — не могу же я всю ночь сидеть под дверью номера в коридоре.

— Тебе вовсе необязательно спать на полу, — запротестовала она. — Ложись в кровать. Если хочешь, конечно.

— Боюсь, что Крису это не понравится, — буркнул Бен и тут же пожалел о сказанном.

Ли нахмурилась.

— При чем тут Крис?

— Ни при чем. Не обращай внимания. Ничего, на полу посплю, не в первый раз.

— Нет уж, ты мне все-таки скажи, при чем тут Крис?

— Ли, давай не будем.

— Ты имеешь в виду то, что произошло на «Изольде»? И что это, по-твоему, было?

— Не мое дело совать нос в ваши с Крисом отношения.

— Нет у нас никаких отношений.

— Ну вот и хорошо.

— Между нами все давно кончилось. Много лет назад.

— На яхте мне показалось, что вы неплохо ладите друг с другом.

Бен понимал, что сказал больше, чем следовало: он ревнует Ли, как любовник, хотя сам себе в этом признаться не хочет.

Она покраснела.

— Это было совсем не то, что ты подумал.

— Не надо передо мной оправдываться. — Бен достал из рюкзака бутылку вина и вытащил пробку. — Будешь?

— Нет, — покачала головой Ли. — И вовсе я не оправдываюсь... Ладно, Крис действительно хотел бы восстановить отношения и вернуться ко мне, — со вздохом признала она. — Вот что ты увидел. Только с моей стороны никаких чувств не осталось, так что ничего между нами нет. — Она разулась и легла на кровать. — Что было, то прошло. — Она бросила взгляд на Бена.

Он сдул пыль со стакана на ночном столике и налил вина, залпом выпил и налил еще.

— Я думаю, ты права. Что было, то прошло.

ГЛАВА 24

Чуть раньше в тот же вечер

Франция, Бордо

Лекционный зал забили до отказа оживленные слушатели. Лекция проходила на факультете политики и экономики университета Бордо. Вход был свободный, люди толпились в проходах — организаторы встречи никогда не видели, чтобы речь начинающего политика вызвала такой интерес публики.

На улице, под ленивым снегопадом, стояли полицейские и охранники. Дорогу перегородили, пропустив только вереницу машин Филиппа Арагона. Собравшиеся вдоль дороги громадные толпы приветственно кричали и размахивали плакатами. Полиции удалось

оттеснить в сторону около двухсот бритоголовых неонацистов, которые пришли поорать и помахать свастиками в знак протеста. Один попытался поджечь чучело Арагона; полицейские заломили ему руки и запихали в фургон. Началась свалка, репортеры ринулись в гущу событий, стараясь заснять, как унесли троих окровавленных полицейских и арестовали с десятков избитых протестантов.

Теперь стражи порядка стояли в ряд, прикрываясь щитами, держа наготове дубинки и слезоточивый газ. Многочисленные телеоператоры и репортеры отошли подальше, надеясь, что снова прольется кровь.

Анри Жюст, ректор университета, улыбаясь в камера, вышел из-за плотного занавеса на сцену. Заднюю часть сцены занимал гигантский экран в пятнадцать футов высотой с лозунгом партии Арагона: «Зеленая Европа». Лозунг идеально выражал суть политики: вновь открытая Европа, экологически чистая, зеленая, полная надежд и радужных перспектив. Сцену также украшали флаги объединенных европейских государств. За кулисами и в центре управления над аудиторией вооруженные охранники напряженно всматривались в мониторы, разглядывая толпу.

Жюст подошел к трибуне и поднял руки. Возбужденный гул в переполненном зале стих.

— Дамы и господа, — начал ректор, — наш сегодняшний оратор в представлениях не нуждается. Никакой другой современный политик не становился знаменитым и не завоевывал столь широкой поддержки публики с такой легкостью и быстротой. Это человек, которого прозвали брюссельским Джоном Кеннеди. Первопроходец в области экологичной архитектуры. Филантроп, пожертвовавший миллионы на защиту интересов малообеспеченных слоев населения. Неутомимый борец за улучшение образования. В сорок один год он стал самым молодым кандидатом в вице-президенты Европейского комитета. Смелая политика и прогрессивное видение истинно объединенной Европы, а также взятый им курс на прекращение зависимости европейской энергетики от атомных станций выдвинули его на первый план среди европейских политиков. Дамы и господа, Филипп Арагон!

Ректор отступил в сторону, и на сцену уверенно вышел Филипп Арагон. Высокий, элегантный молодой политик был одет в отлично сшитый костюм, но без галстука. Подождав, пока стихнут аплодисменты, Арагон заговорил:

— Дамы и господа, спасибо, что пришли. Лозунг за спиной оратора исчез, и в зале послышался гул голосов. Бритые головы, свастика, искаженные лица заполнили большой экран — снимок ультраправых протестантов, сделанный возле здания. Арагон улыбнулся.

— Я бы также хотел поблагодарить наших друзей неонацистов. — Он выдержал секундную паузу и продолжил: — Само их присутствие здесь подтверждает мои заявления. Дамы и господа, нам говорят, что Европа уже объединилась. — Он замолчал, пережидая смех в зале. Арагон больше не улыбался и обвел лица слушателей внимательным взглядом. — Реальность доказывает обратное. Европа тонет под наплывом националистических страхов и жадности. Но мы можем ее спасти. Вместе мы построим объединенную Европу. Чистую Европу. Свободную Европу. Европу для людей!

Толпа одобрительно заревела. За спиной Арагона фотография неонацистов вновь сменилась лозунгом «Зеленая Европа». Аплодисменты стали громче.

Сидя за кулисами в уютной комнате для гостей, Колетт Арагон наблюдала происходящее на экране монитора, потягивая кофе из пластикового стаканчика и улыбаясь: муж мастерски управляет слушателями. Вокруг слонялись административные сотрудники партии и охранники в штатском. У дальней стены стоял Луи Моро, бывший глава антитеррористического отряда французской жандармерии — Колетт назначила его начальником частной службы безопасности мужа: правительственным подразделениям она не очень-то доверяла. Моро очень серьезно относился к работе. Сложив руки на груди, он разглядывал мониторы, которые под разными ракурсами показывали собравшихся в зале. Бритая макушка отражала свет ламп.

Колетт всегда поддерживала мужа, на публике, однако в душе предпочла бы, чтобы он бросил политику и вернулся в архитектуру. И дело не только в постоянной беготне, суматохе разездов и бесконечных интервью. Даже сам Филипп не ожидал, что его политическая карьера

так стремительно пойдет в гору. Колетт знала, что чем популярнее становился муж, тем большей опасности подвергался. На многочисленных собраниях вроде сегодняшнего никакое количество телохранителей не могло гарантировать полной безопасности: не станешь ведь обыскивать на входе всех подряд. Достаточно одного фанатика фашиста с пистолетом в кармане...

Колетт вздрогнула. Она не верила, что происшествие, случившееся в прошлом январе в Кортине, было случайностью.

ГЛАВА 25

Италия, окрестности Равенны

Когда Ли проснулась на следующее утро, Бен уже сделал восемь звонков и набирал девятый номер. В местном телефонном справочнике профессор Арно не значился, поэтому Бену пришлось звонить всем Арно подряд. Обзвонив половину списка, он наконец сдался и решил заехать в музыкальный институт, где преподавал профессор.

После торопливого завтрака поехали в Равенну. Бен поставил «ситроен» на парковку в центре города, и они пошли по вымощенным камнем улочкам пешеходной зоны. Туристический сезон закончился, прохожих почти не было.

За церковью Сан-Витале стоял институт Монтеверди — высокое узкое здание с колоннами и ступенями из белого камня. Стеклопанельная дверь открывалась в фойе. Звук шагов по мраморному полу эхом отдавался от высокого потолка. Где-то наверху играли на виолончели, женский голос пел под аккомпанемент рояля...

За конторкой консьержа на входе сидела седая женщина в черном.

— Что вы хотели? — неприветливо спросила она.

— Нам нужен профессор Арно, — сказал Бен по-итальянски.

Женщина покачала головой.

— Профессор Арно здесь больше не работает. Он вышел на пенсию.

— А вы не могли бы дать нам номер его телефона?

Задавая вопрос, Бен уже знал, что получит отказ.

— Мы не даем номера телефонов.

— Я понимаю, но у нас очень важное дело.

Женщина непреклонно скрестила руки на груди.

— Извините. Ничем не могу помочь.

Бен потянулся за бумажником. Всегда можно попробовать получить желаемое за взятку, хотя в данном случае это вряд ли сработает. Ли остановила его.

— Дай-ка я попробую, — сказала она по-английски.

Женщина смотрела на них враждебным взглядом.

Ли с улыбкой заговорила на хорошем итальянском:

— Синьора, позвоните, пожалуйста, директору института.

— Зачем? — опешила консьержка.

Ли подарила ей новую улыбку.

— Скажите, что пришла Ли Ллуэллин и хочет с ним поговорить.

Имя Ли Ллуэллин произвело мгновенное, почти магическое действие на консьержку. Враждебность исчезла, сменившись улыбкой и потоком извинений за то, что не узнала сразу знаменитое сопрано. Женщина провела их по каменной лестнице на второй этаж.

Ли поймала на себе взгляд Бена.

— В чем дело? — прошептала она.

— Я думал, что все понятно объяснил. Тебе полагается сидеть тихо и не высовываться.

— В таком случае как бы мы сюда попали?

— Я бы что-нибудь придумал.

— Пистолет ей к виску приставил?

— Может, и стоило бы, — пробормотал он.

Постучав в дверь, консьержка заглянула внутрь и выпалила что-то на итальянском так быстро, что Бен ничего не понял. Из комнаты ответил мужской голос:

— La Llewellyn? Qui?⁴

Из кабинета вылетел круглый коротышка в темном костюме. Директор с энтузиазмом потряс руки гостям и велел консьержке принести кофе и печенье.

— Меня зовут Альберто Фабиани, — представился он, широко улыбаясь и не сводя глаз с Ли. — Маэстро, вы оказали нам великую честь. Чем могу служить?

Ли повторила, что им нужно поговорить с профессором Арно.

Директор замаялся.

— Надеюсь, профессор не умер?

— Нет, нет, он жив-здоров, — поспешно заверил Фабиани, — Живет за городом, километрах в десяти отсюда. Я с удовольствием дам его адрес и телефон. Но должен вас предупредить... — Он помедлил. — Не могу сказать ничего плохого про Франческо Арно, когда-то его считали величайшим знатоком Моцарта. Однако с возрастом он... как бы помягче выразиться... стал несколько странным.

— В каком смысле «странным»? — поинтересовался Бен.

Фабиани пожал плечами.

— Убеждения у него странные. Мания, можно сказать. В последние годы профессор стал эксцентричным, часто ругался с коллегами... Честно говоря, в конце концов мой старый друг стал посмешищем всего института. Даже студенты его дразнили, обожали доводить до белого каления. Стоило профессору завестись, и он мог говорить часами, его лекции превратились в фарс... — Фабиани грустно улыбнулся. — Между нами говоря, я не очень-то расстроился, когда Арно объявил об уходе на пенсию.

— И в чем же стояли убеждения профессора? — спросил Бен.

Фабиани закатил глаза.

— Вы с ним сами поговорите, тогда узнаете.

ГЛАВА 26

Тем же утром

Австрия

В окнах закрытого бассейна виднелись заснеженные земли усадьбы и полоска соснового леса на горизонте.

Обнаженный мужчина подошел к краю trampлина и пару раз качнулся. Ростом он был почти шесть с половиной футов и весил двести шестьдесят фунтов — при этом на мощном теле не было ни грамма жира. Втянув воздух в легкие, здоровяк прыгнул вниз. Прыжок вышел безукоризненный, почти без всплеска. Нырять ушел в глубину, вынырнул на поверхность и поплыл. Почти не запыхавшись, он сделал тридцать кругов, вылез из воды и подошел к стулу, где лежала аккуратно сложенная одежда.

Мужчина смахнул с лица рыжеватые волосы и потянулся за полотенцем. Вытираясь, он любовался своим подтянутым телом. На мускулистых руках и груди виднелись шрамы от ранений; девять пулевых и три ножевых. У каждого шрама была своя история, и ни один из тех, кто их оставил, не прожил после этого и трех минут.

Сорокатрехлетнего уроженца Лондона и бывшего солдата британской армии звали Джек Гласс.

Напившись, он иногда хвастал своими подвигами в легендарном британском спецназе и любил показывать вытатуированную на правом плече эмблему — кинжал с крылышками.

Правда состояла в том, что много лет назад в спецназ его не взяли. Психологическое тестирование выявило определенные черты характера, которые отнюдь не привели в восторг

⁴ Госпожа Ллуэллин? Здесь? (ит.)

начальство. Непригодность подтвердилась, когда Джек попытался застрелить офицера, сообщившего ему эту новость. Гласса с позором отправили обратно в часть, судили и выгнали из армии.

Джек болтался без дела, деньги быстро закончились. Как и многие армейские отставники, он был вынужден перебиваться физическим трудом. Путь в охранные агентства был заказан из-за приговора военного трибунала.

Одним дождливым вечером в Лондоне Джек встретил в баре бывшего знакомого, который предложил полувоенную работу в Африке. Платили прекрасно, да и работенка была для Джека в самый раз. Он немедленно согласился и через три дня уже летел в Африку — чтобы никогда не вернуться в Британию.

Джек работал в Конго, Руанде и Либерии — на любого, кто платил больше остальных. Он подавлял антиправительственные восстания, сжигал школы, уничтожал деревни, убивал целые семьи, вовлеченные в кровавые межплеменные войны, — делал все, что говорили, брал наличные и не задавал вопросов.

Именно в Либерии ему изуродовали ухо: мочку оторвало пулей из АК-47. Стреляла чернокожая девчонка лет девяти-десяти, и это был последний патрон в магазине. Когда Джек схватился за ухо, девчонка бросила автомат и с воплями побежала в лес. Джек помчался следом, поймал, прижал коленом к земле, приставил штык к ребрам девчонки и медленно вогнал лезвие в грудь; детское тело перестало дергаться, и глаза постепенно потухли.

Он до сих пор помнил каждую деталь. Неплохо бы еще разок такое повторить.

После Африки Джек уехал в Боснию и занялся контрабандой оружия. Он больше не принимал участия в боевых действиях, стал носить деловой костюм и ходить с кейсом вместо автомата. Обычно кейс был наполнен деньгами. Оказывается, гораздо выгоднее заставить кого-то другого нажимать на спусковой крючок, чем стрелять самому. За два года Джек превратился в настоящего бизнесмена, завел множество связей и купался в деньгах. Тогда-то он и встретил на ярмарке оружия в Берлине австрийца Вернера Кролла.

Тридцатишестилетний Гласс стал личным секретарем и помощником Кролла. Джек уже привык к роскоши, но продажа «Калашниковых» воюющим племенам приносила гроши по сравнению с доходом Кролла. Лишь немногие избранные представляли, чем на самом деле занимается герр Кролл.

Гласс знал, что семейный бизнес Вернера Кролла имеет многолетнюю историю и начинался довольно скромно. Гласс также знал, что Кролл не раздумывая убьет любого предателя, включая личного секретаря. Низенький старичок австриец, хотя и имел несколько странные привычки, выглядел вполне безобидно — этаким директором школы. Однако более опасного человека Джек Гласс в жизни не встречал, а уж он-то повидал немало опасных людей.

Джек представил себе сморщенное бледное лицо с заостренными чертами. Когда-нибудь он убьет этого зажившегося мерзавца и отымеет его шлюшку любовницу.

Гласс надел белую рубашку, серые брюки и спортивный пиджак, завязал галстук свободным узлом и пошел себе в кабинет. Там его ждал факс из Лондона. С любопытной информацией.

Вернер Кролл молча завтракал вместе с Ив в оранжерее. Он сидел спиной к окну, за которым открывался вид на декоративный пруд и покрытые снегом горы. Шесть лет Кролл ел на завтрак одно и то же: яйца в мешочек с тостами, порезанными на совершенно одинаковые кусочки и разложенные на тарелке строго определенным образом. Без масла. Ел он аккуратно, почти изысканно.

В комнату вошел Гласс с папкой в руке. Кролл застыл, не донеся вилку до рта, вытер губы салфеткой и раздраженно сказал:

— Я ведь запретил беспокоить меня во время завтрака... Черт побери, ты опять жвачку жуешь?

Гласс улыбнулся про себя и вытащил изо рта жвачку. Он обожал доводить старика до белого каления.

— Прошу прощения, сэр. Я подумал, вас это заинтересует. Только что пришло по факсу.

Кролл надел очки и уставился на протянутый листок. Это была копия первой страницы вчерашнего номера «Ивнинг стандарт» с размытым снимком Ли Ллуэллин в окружении поклонников. Кролл узнал место — возле Шелдонского театра. Слева от певицы стоял незнакомый мужчина, держа ее за руку. Заголовок гласил: «Кто главный герой Ли?»

Кролл отложил факс и посмотрел на Джека поверх очков.

— Тот самый парень, который убил одного из наших лучших людей этим... чем он его убил?

— Сковородкой, сэр, — подсказал Джек.

Ив взяла листок и пристально взгляделась в незнакомца. Хорош. Высокий, спортивный. Гласс внимательно наблюдал за женщиной.

— Мне тоже интересно было бы узнать, кто главный герой Ли, — сказал Кролл.

Он бросил взгляд на Ив: что-то она слишком засмотрелась. Кролл выхватил у нее листок.

— Сэр, мне кажется, я знаю этого красавца, — заявил Гласс.

— Профессиональный охранник? — спросил Кролл.

— Боюсь, что еще хуже. Я проверю по своим каналам.

Кролл отпустил Джека и вернулся к прерванному завтраку. Яйца остыли. Он с отвращением оттолкнул тарелку.

Когда Ив возвращалась к себе после завтрака, Гласс стоял у дверей ее спальни, небрежно привалившись к стене, и упирался рукой в косяк, преграждая вход.

Ив остановилась.

— Освободил бы дорогу.

Он ухмыльнулся, смерив ее взглядом. Ив попыталась пройти мимо. Он схватил ее за руку и заставил обернуться.

— Убери лапы! — предупредила Ив.

Гласс стиснул ее грудь под блузкой.

— Милашка!

Она вырвалась и с размаху вlepила ему пощечину. Ладонь заныла от удара по каменной челюсти.

— Я за тобой наблюдаю, — улыбнулся Гласс. — Я знаю, чего тебе хочется.

— Неужели?

— Как была шлюхой, так и осталась. Хочешь для разнообразия потрахаться с настоящим мужиком?

— Где не его найдешь, настоящего-то...

— Один прямо перед тобой стоит.

— Закатай губу обратно.

Улыбка Гласса расползлась до ушей.

— Я еще доберусь до тебя, сучка. Недолго осталось.

ГЛАВА 27

Позднее в тот же день

Италия, Равенна

Опираясь на палочку, профессор Арно провел Бена и Ли в просторный, залитый солнцем кабинет, где стоял тяжелый сладкий запах ванили — в антикварном серебряном подсвечнике горели три большие церковные свечи. Сняв старый твидовый пиджак на два размера больше, чем требовалось, Арно повесил его на вешалку для шляп и пригласил гостей к заваленному бумагами письменному столу. За арочными окнами виднелся прелестный садик виллы.

Профессор предложил гостям граппы. Жилистый старик двигался медленно, иссохшие руки слегка дрожали.

Хозяин расположился в кожаном кресле, спиной к окну, гости уселись напротив. Бен выпил обжигающую жидкость и поставил пустой стакан на стол. Ли отхлебнула глоточек и

нервно крутила стакан в руках, обдумывая, что сказать Арно.

Откинувшись в кресле, профессор наблюдал за Ли. В его глазах поблескивали искорки.

— Я слышал, как вы пели в «Лючия ди Ламмермур» в крепости Рокка-Бранкалеоне. — По-английски профессор говорил с сильным акцентом, но бегло. — Вы были великолепны, это лучшая Лючия со времен Марии Каллас.

Ли скромно улыбнулась.

— Благодарю вас, профессор. Вряд ли я заслуживаю столь высокую похвалу. — Она помолчала. — К сожалению, мы пришли не для того, чтобы говорить о музыке.

— Так я и думал, — ответил старик.

— Если не ошибаюсь, к вам прошлой зимой приезжал мой брат Оливер. Вы не могли бы рассказать об этом?

— Очаровательный был юноша, — грустно произнес Арно. — Мы прекрасно поладили. Он не собирался задерживаться надолго, но в конце концов провел здесь почти два дня. Я был поражен его любовью к музыке и талантом пианиста. Он играл для меня вариации Гольдберга и некоторые сонаты Клементи. На мой взгляд, в его исполнении Клементи звучал ничуть не хуже, чем у Марии Типо.

— Оливер ведь приехал к вам, чтобы поговорить о своей книге? — сказала Ли.

— Да. Он попросил меня растолковать кое-какие неясности.

— В тексте письма Моцарта?

Профессор кивнул.

— Да, в том самом, которое я когда-то купил у вашего отца. Он тогда сделал с письма ксерокопию, и Оливер ее тщательно изучил, хотя многого не понял.

— Вы не знаете, куда поехал Оливер потом?

Арно вздохнул.

— В Вену.

— Где и погиб. Я думаю, это было убийство, — заявила Ли.

Профессор ничуть не удивился.

— Боюсь, что вы правы, — кивнул он.

— Почему вы так полагаете?

— Я получил от Оливера сообщение по электронной почте. Он написал, что ему срочно нужно поговорить со мной, он сделал какое-то открытие — опасное открытие.

— Когда вы получили это сообщение?

— По-моему, в ту самую ночь, когда он погиб. Меня очень расстроила весть о его смерти.

Старик печально покачал головой.

— Он не сказал, какая именно опасность ему грозила? — спросил Бен.

— Нет, не сказал. Похоже, писал он в спешке.

Бен бросил взгляд на стоявший на письменном столе компьютер.

— У вас сохранилось то сообщение?

— Я удалил его немедленно, как только прочитал.

— Вы понимаете, что эта информация очень пригодилась бы в расследовании смерти Оливера?

— Да, — тихо ответил Арно.

Бен вспыхнул.

— И тем не менее вы никому ни единым словом не обмолвились, что обстоятельства смерти подозрительны и несчастный случай может быть ни при чем?

Арно со вздохом взъерошил редкие седые волосы.

— У меня были подозрения, но никаких доказательств я предъявить не мог. Тем более говорили, что есть свидетельница несчастного случая. Кто бы поверил сумасшедшему старику с репутацией приверженца теорий заговора? — Он помедлил. — Кроме того, я испугался.

— Чего? — спросила Ли.

— Испугался, что мне тоже грозит опасность, — ответил Арно. — Вскоре после гибели Оливера у меня побывали незваные гости.

— Здесь?

— Да. Я лежал в больнице. У меня проблемы — с кровью. Вернувшись домой, я обнаружил, что здесь все перевернули вверх дном.

— Наверное, что-то искали? — предположил Бен.

— Письмо, скорее всего.

— Нашли?

— Нет, — ответил Арно. — Получив то сообщение от Оливера, я спрятал письмо в надежное место. Там его никто никогда не найдет.

— А нам скажете, где оно? — поинтересовался Бен.

Арно улыбнулся и тихо ответил;

— Письмо там, где ему и следует быть. Оно вернулось домой.

«Интересно, куда именно?» — подумал Бен.

— Долгое время я не чувствовал себя в безопасности, — продолжал Арно. — Много месяцев мне казалось, что за мной следят.

— Я думаю, что смерть Оливера как-то связана с этим письмом, — сказала Ли.

— Вполне вероятно, — хмуро согласился профессор.

— Вы не могли бы объяснить поподробнее?

Арно помолчал, собираясь с мыслями.

— Пожалуй, лучше начать сначала. Как вы знаете, Оливер писал книгу о том, что я изучаю много лет.

— О смерти Моцарта, — вставила Ли.

— Не только о самой смерти, но и о событиях, которые происходили в то время и, на мой взгляд, к ней привели. Давайте для начала вернемся в восемнадцатый век...

— При всем к вам уважении, профессор, — взмолился Бен, — мы сюда пришли не для того, чтобы прослушать лекцию о человеке, который умер больше двухсот лет назад. Мы хотим узнать, что случилось с Оливером.

— Если вы меня выслушаете, — сказал профессор, — то это поможет вам разобраться.

— Оливер говорил, что собрал много материалов связи Моцарта с масонами, — заметила Ли.

Арно кивнул.

— Не секрет, что Моцарт и сам был масоном. Он стал членом ложи в тысяча семьсот восемьдесят четвертом году и за семь лет, к моменту смерти, достиг третьей степени посвящения — степени мастера. Композитор был настолько предан масонской идее, что убедил своего отца Леопольда тоже стать членом ложи. Моцарт писал музыку для масонских собраний, многие его друзья были посвященными.

Бен нетерпеливо заерзал.

— Какое это имеет отношение...

Ли положила ладонь на его руку.

— Продолжайте, профессор, — попросила она.

— Сегодня мы не воспринимаем масонство всерьез, — сказал Арно, — В лучшем случае считаем его чем-то вроде клуба по интересам. Но в восемнадцатом веке оно было в Европе значительной культурной и политической силой. В восьмидесятые годы восемнадцатого века в масонство приходила интеллектуальная элита Австрии, которая объединялась во имя идей свободы, равенства и братства. В те времена членами масонских лож в Вене были многие влиятельные люди: дворяне, видные политики, дипломаты, высокопоставленные военные, банкиры и купцы, а также писатели, художники и музыканты.

— Я и представить себе не могла, что они имели такое влияние, — призналась Ли.

Арно кивнул.

— Это привело их к гибели. Другие, более мощные силы пристально следили за масонами. Кстати, большая часть того, что мы теперь знаем о венских масонах тех времен, стала известна из материалов, собранных австрийской тайной полицией. По приказу Папы Римского масонство официально осуждалось и существовало в Австрии лишь благодаря

терпимости императора Иосифа II. В тысяча семьсот восемьдесят пятом году терпение Иосифа лопнуло, он решил, что масоны стали слишком влиятельной и могучей силой. Император приказал сократить количество масонских лож и потребовал от тайной полиции составить списки активных масонов. Эти списки сохранились в дворцовом архиве.

— С чего он вдруг на них озлобился? — спросила Ли.

— Все дело в атмосфере тех времен, — терпеливо объяснил Арно. — Моцарт жил в бурную эпоху революций. Американцы только что получили независимость от колониального режима Британии и основали собственное государство. В воздухе витал дух свободомыслия. В тысяча семьсот восемьдесят девятом году, за два года до смерти Моцарта, Франция стояла на пороге ужасного кровопролития.

— И масоны были в этом замешаны?

— Масонство все больше превращалось в антимонархическое движение и благодаря его идеалам свободы, равенства и братства стало прекрасным символом зарождающейся эпохи. Некоторые революционные общества, например якобинцы Робеспьера, создали организацию, основанную на принципах масонских лож, а также использовали масонские символы в своей политической идеологии. Когда Джордж Вашингтон закладывал фундамент Капитолия, он с гордостью надел масонский фартук, сшитый для него Адриенной Лафайет, женой французского революционера. Томас Джефферсон, тоже масон, при написании Декларации независимости опирался на такие масонские идеалы, как свобода и равенство. Масонство было очень мощной силой, способно влиять на политические события во всем мире.

— А значит, их следовало остановить, — подвел итог Бен.

— Вот именно, — горько улыбнулся Арно. — В конце восьмидесятых годов восемнадцатого века австрийские масоны грозили свергнуть страну в ту же пучину революции, которая уже поглотила Францию и Америку. Смутные были времена. Многие аристократы, первоначально симпатизировавшие масонам, забеспокоились. Когда революционный сброд начал хозяйничать во Франции и дворянам стали рубить головы, Австрия решила, что пора прижать масонов по-настоящему. К тысяча семьсот девяносто первому году австрийское масонство практически перестало существовать. Для Моцарта и его братьев по духу это было время серьезных испытаний. — Профессор помолчал. — К власти пришел новый император, Леопольд II. Масоны не знали, как он поведет себя по отношению к ним, но оптимизма не испытывали. Тогда Моцарт и его близкий друг, театральный постановщик и собрат по ложе Эммануил Шиканедер, выступили с предложением.

— С каким? — поинтересовался Бен.

— Они решили, что если им удастся восстановить репутацию масонства, то это спасет их от преследования. В наши дни это назвали бы беспрецедентной рекламной акцией. Большая опера, написанная в популярном стиле, должна была привлечь внимание огромной аудитории и понравиться всем. Опера для народа, проповедующая масонские идеалы совершенствования человека через мудрость, любовь и добродетель. Опера, полная мистических символов, представляющая масонов и их философию в выгодном свете, а также возвещающая переход к новому общественному порядку.

— «Волшебная флейта»! — воскликнула Ли.

Арно кивнул.

— Премьера оперы состоялась в Вене в конце сентября тысяча семьсот девяносто первого года. Публика и критики приняли ее с восторгом, каждый вечер в театрах был аншлаг.

— «Волшебная флейта» — самая кассовая из всех написанных Моцартом опер, — вставила Ли.

— Верно, — согласился Арно. — И она должна была стать для композитора началом нового этапа в творчестве. Его собратья-масоны приветствовали оперу, увидев в ней надежду на улучшение ситуации. Однако «Волшебная флейта» стала последней оперой, которую написал Моцарт. Меньше чем через три месяца он умер.

— Погодите-ка! — вмешался Бен. — Ли, ты, кажется, говорила, что Моцарта убили масоны, потому что в этой самой «Волшебной флейте» он выдал их секреты?

— Ну, именно так я и думала...

— Тогда я ничего не понимаю, — пожал плечами Бен. — Если Моцарт дал масонам надежду, выступил в качестве их представителя по связям с общественностью, так сказать, то зачем же они убили его как раз в то время, когда больше всего в нем нуждались?

Арно улыбнулся.

— Вы правы. Эта гипотеза нелогична. Кстати, ей противоречит и тот факт, что после смерти Моцарта масоны поддерживали его жену Констанцу — как морально, так и финансово. — Арно обратился к Ли: — Ваш брат заметил эти противоречия еще в самом начале работы над книгой. Оливер знал, что внезапная и странная смерть Моцарта так и не получила удовлетворительного объяснения.

— А может, Моцарта и не убивали вовсе? — предположил Бен, — С чего мы вообще взяли, что это было убийство в результате заговора?

— По официальной версии, Моцарт умер от острой ревматической лихорадки, — ответил Арно. — Однако многие современники считали обстоятельства его смерти весьма подозрительными. Моцарт часто говорил о том, что его скоро отравят. Тем не менее ученые мужи так и не удосужились внимательнее изучить этот вопрос. Старший сын композитора, Карл Томас Моцарт, тоже подозревал, что смерть отца наступила не от естественных причин. На трупе обнаружили некоторые признаки, указывающие на отравление. — Арно пожал плечами. — На основе медицинских записей того времени невозможно доказать, что Моцарт был отравлен. Однако самой веской уликой является письмо.

— И что же в нем написано? — спросила Ли.

— А разве вы его не читали? — удивился Арно.

— У меня была ксерокопия Оливера, но она сгорела, — объяснила Ли. — Осталось лишь несколько фрагментов.

— Неужели ваш отец не показывал вам письмо?

— Профессор, мне было восемнадцать лет, и меня интересовали другие вещи.

Она бросила взгляд на Бена.

— Понятно... — Профессор задумчиво почесал подбородок. — Значит, вы ничего не знаете про орден Ра, о котором говорится в письме?

Бен вспомнил записи Оливера и спросил:

— «Ра» — в смысле египетский бог солнца Ра?

Ли в изумлении уставилась на него. Бен перехватил ее взгляд.

— Я изучал теологию, — объяснил он. — Когда учился в университете.

— Ты изучал теологию в университете?

— Так это когда еще было...

Арно улыбнулся.

— Вы правы. Многие традиции и обряды масонства восходят к Древнему Египту. Однако «Ра» означает также «король».

— Так что там насчет ордена Ра? — спросил Бен.

— Первоначально орден Ра был небольшой малоизвестной масонской ложей, — ответил Арно. — В него входили в основном дворяне и сторонники монархии, и название отражало их политические взгляды — «орден короля». По мере роста республиканских настроений в среде масонов члены ордена Ра все дальше отходили от своих собратьев, сближаясь с правительственными силами, которые видели в масонстве угрозу. Если масоны выступали за свободу, демократию и братство всех людей, то орден Ра стоял на позициях насилия и личного обогащения. Они поддерживали подавление народа правительством.

— То есть этакие злобные отщепенцы, — подвел итог Бен.

— Верно, — подтвердил Арно. — Причем обладающие огромным влиянием и связями. Орден Ра был замешан во многих политических интригах, в частности, они приложили руку к запрету масонства в Австрии — под страхом смертной казни.

— Погодите, — вмешалась Ли. — Если я правильно понимаю, вы полагаете, что орден Ра убил Моцарта за то, что в опере «Волшебная флейта» он воспел масонство?

В глазах профессора блеснули искорки.

— Действительно, именно так я и полагаю. А письмо является доказательством, что Моцарт представлял для них потенциальную угрозу. Если бы он смог повернуть общественное мнение в пользу масонства, то стал бы реально опасен. Композитор был восходящей звездой, его талант едва начинал сиять. Необычайный успех «Волшебной флейты» принес Моцарту огромную популярность. Он получил заметную должность при дворе и был вхож к императору. Однако враги не дремали. К тысяча семьсот девяносто первому году большая часть агентов секретной полиции принадлежала к ордену Ра. Великим мастером ордена Ра был не кто иной, как начальник австрийской тайной полиции — закоренелый убийца, поклявшийся уничтожить масонов.

Бен хотел было спросить, как его звали, но Арно продолжал:

— К тысяча семьсот девяносто четвертому году, в течение трех лет после смерти Моцарта, масонство в Австрии было практически уничтожено. Многих убили — открыто или тайно. Одним из самых распространенных способов убийства было отравление, и именно так было бы удобнее всего убрать человека вроде Моцарта: со знаменитостями приходилось осторожничать. С менее известными людьми церемонились куда меньше — с Густавом Лютце, например.

— Кто это? — спросила Ли.

— Тот самый человек, которому написал Моцарт, — объяснил Арно. — Его собрат по «Милосердию» — так называлась масонская ложа в Вене. Моцарт хотел предупредить Лютце об усиливающейся опасности. Письмо датировано шестнадцатым ноября тысяча семьсот девяносто первого года — возможно, это последнее письмо, написанное композитором. Разумеется, так называемые эксперты считают, что последним сохранившимся письмом является то, которое Моцарт написал четырнадцатого октября жене, отдохавшей на водах в Бадене. Идиоты! В любом случае до адресата послание не дошло — опоздало.

— Что случилось с Лютце? — спросил Бен.

— Его нашли мертвым двадцатого ноября, всего за две недели до смерти Моцарта. Лютце привязали к столбу и пытали. Выпустили кишки и отрезали язык. Тайная полиция обвинила в убийстве масонов.

— Профессор, я хотел бы вам кое-что показать. — Бен встал и вытащил из кармана пластиковый футляр с компакт-диском. — Не возражаете?

Он обошел стол и вставил диск в дисковод. Компьютер ожил.

— Что это? — спросил Арно.

— То, что видел Оливер в тот вечер, когда его убили, — ответил Бен. — Посмотрите.

Арно в недоумении уставился на экран. Ли осталась сидеть на месте: смотреть видеозапись еще раз ей не хотелось.

Бен наблюдал за профессором, не сводившим глаз с экрана. В зал вытащили жертву, начался жуткий спектакль. Глаза старика расширились, он побледнел и показал дрожащим пальцем на экран. Бен остановил запись до того, как жертве вырезали язык. На застывшей картинке лицо несчастного исказилось от ужаса. Лезвие повисло высоко в воздухе, поблескивая в свете свечей. Арно обмяк в кресле.

— Господи боже! — выдохнул он, вытирая платком пот со лба. — Так значит, это правда!

— Что именно, профессор? — спросила Ли.

Не успел тот ответить, как окно за его спиной взорвалось ливнем осколков и экран компьютера залила кровь.

ГЛАВА 28

В восьмидесяти ярдах от дома Арно снайпер, сидевший в развилке дерева, увидел сквозь оптический прицел, как профессор упал. Переведя винтовку с одиночных выстрелов на автоматический огонь, он дал очередь по окнам кабинета. Осколки стекла и камня брызнули во все стороны. Снайпер улыбнулся.

Успев вытащить диск, Бен перепрыгнул через стол, схватил Ли за руку и заставил лечь на пол. Новая очередь выбила остатки стекол в окне, проделала неровный ряд дырок в письменном столе, разнесла вдребезги компьютер и задела книжный шкаф у дальней стены. Серебряный подсвечник опрокинулся на осколки графина — граппа моментально вспыхнула, струя огня стекла на ковер, и тот загорелся.

Бен и Ли прижались к толстой стене под окном, на них со всех сторон сыпались осколки. Бен вытащил из-за пояса «пара-орданс» и наугад пальнул в разбитое окно.

Запахло паленым: черный дым наполнял комнату, пламя бежало вверх по дверному косяку.

Обмякший Арно скрючился под столом, по ковру расплывалась лужа крови. Ли подползла к старику, надеясь чем-нибудь помочь — остановить кровь или оттащить его от окна. У нее еще оставалось множество вопросов.

— Профессор, где письмо?

На секунду взгляд старика прояснился, губы беззвучно дрогнули, изо рта потекла кровавая струйка.

Автоматный огонь затих, и Бен осторожно выглянул из окна: никого. Послышались голоса, топот бегущих ног во дворе и потрескивание рации.

Половину комнаты охватило пламя. Пробитые пулями книги на полках загорелись. Дым быстро густел.

Арно закашлялся и хотел что-то сказать, однако издал лишь долгий вздох; голова профессора безвольно откинулась набок.

— Умер, — произнес Бен.

Ли трясла старика.

— Он пытался что-то сказать!

— Ему теперь ничем не поможешь. Пошли!

Сквозь звон в ушах Бен слышал шаги на первом этаже. Преследователи приближались. Он проверил пистолет — в обойме оставалось три патрона.

В дверях полыхал огонь — придется прорываться сквозь пламя. Бен схватил с вешалки пиджак профессора, поставил Ли на ноги и закутал ее в толстую ткань. Прикрывая глаза, он выскочил из кабинета и вытащил за собой девушку.

По лестнице гроыхали шаги, и он свернул направо. В конце коридора обнаружился короткий лестничный пролет и новая дверь. Бен примерно знал, где они очутились. По дороге к дому он заметил квадратную башню в центре здания: на каждой стороне были окна со ставнями, выходившие на покатую крышу. Так и есть: винтовая лестница вела наверх, к тяжелой дубовой двери. Они вбежали в башню, и Бен задвинул прочный деревянный засов.

Куда теперь бежать? В дверь уже колотили.

— Туда!

Он показал на закрытые ставнями окна на верхней площадке и помог Ли взобраться по шаткой лесенке. Грянул выстрел, из дубовой двери полетели щепки. Бен распахнул ставни — перед ним лежала крытая красной черепицей крыша. Начинало темнеть. На дрожащих ногах Ли выбралась наружу, и Бен повел ее по гребню. От высоты у девушки закружилась голова, и она избегала смотреть вниз, разглядывая лес на горизонте, за которым садилось солнце.

В окне башни появился мужчина в черной куртке. Из дула короткого автоматического пистолета полыхнуло пламя, пули с визгом ударили по черепице под ногами беглецов. Бен выстрелил в ответ, и мужчина отпрянул.

Сунув пистолет за пояс, Бен взял Ли за руку.

— Доверься мне! — попросил он, глядя ей в глаза, и прыгнул, потянув девушку за собой. Ли невольно вскрикнула.

Падение на полосатый навес выбило из нее дух. Хрупкий алюминиевый каркас, крепивший навес к стене, с треском сломался. Тугое полотнище окутало Бена и Ли и медленно рухнуло на площадку для пикников.

Бен ударился о выложенный из кирпичей очаг, Ли повезло больше: она упала на круглый

пластиковый столик, скатилась с него и лишь слегка ободрала руки и колени. Бен с трудом встал, держась за спину и морщась от боли.

Он снова взял Ли за руку, и они побежали через сад. Сзади доносились крики, слышались выстрелы. Продравшись сквозь густые кусты, беглецы очутились в рощице. Они побежали между деревьями, уворачиваясь от бьющих в лицо веток, и перелезли через осыпавшийся участок высокой каменной ограды, за которой обнаружилась старая ферма: поросший густой травой грязный двор, рассыпающиеся деревянные постройки, покрытые зеленым лишайником.

Бен оглянулся: шестеро вооруженных мужчин угрюмо и решительно бежали следом. Стрелять он не стал: в пистолете оставалось всего два патрона. В лучшем случае, удастся уложить двоих, а оказаться безоружным — смертельная ошибка.

Беглецы юркнули в ветхий сарай, заставленный полками и ящиками. Бен схватил грабли и попытался заклинить ими дверь, но было поздно — в щели застряла рука преследователя с зажатым в ней автоматическим пистолетом «скорпион». В сарае раздалась оглушительная очередь. Ли закричала.

Бен схватил с ближайшей полки ржавый пистолет для забивания гвоздей, придавил дулом дергающуюся руку бандита и нажал на спусковой крючок. Пистолет с грохотом выстрелил — руку прибило к косяку четырехдюймовым гвоздем. Брызнула кровь, раздалась вопли. Бен вогнал в руку еще три гвоздя. Пальцы разжались, и «скорпион» полетел на землю. Бен подхватил его — магазин пуст, толку от оружия никакого. Он отшвырнул пистолет.

Пули легко прошили тонкие деревянные стенки сарая. Груда ящиков рухнула, открывая дыру в стене, сквозь которую можно было протиснуться. Беглецы пересекли грязный двор и укрылись в амбаре напротив.

Преследователи заметили захлопнувшуюся дверь и осторожно приблизились, держа оружие наготове. Над фермой повисла тяжелая тишина, лишь издалека доносилось воронье карканье.

Внезапно заревел двигатель — звук раздался из амбара.

Стенка разлетелась в щепки, и во двор выехал древний грузовичок. Двое бандитов не успели отбежать и попали под колеса. Остальные бросились в укрытие и открыли огонь по удаляющемуся грузовику, но пули застревали в трех огромных тюках сена в кузове. Один из преследователей выругался и торопливо заговорил что-то в рацию.

Едва не опрокинувшись, грузовичок вылетел со двора фермы на извилистую проселочную дорогу, круто поднимавшуюся в гору. Темнело, фары древнего автомобиля тускло освещали неровную скалу с одной стороны узкой дороги и глубокую пропасть — с другой.

— Этот тарантас быстрее ездить умеет? — спросила Ли, перекрикивая надрывное завывание двигателя.

Бен и так выжал педаль газа до упора, но стрелка указателя на пыльном спидометре не поднималась выше шестидесяти километров в час. В зеркале он увидел именно то, чего и боялся: сзади быстро приближалось зарево от мощных фар — две машины ехали следом.

Ли заметила озабоченное выражение его лица и, открыв свое окно, обернулась. Холодный ветер разметал длинные волосы.

— Это за нами? — спросила она.

Ответом послужили выстрелы. Боковое зеркало разнесло вдребезги.

— По шинам бьют, — сказал Бен. — Подержи-ка руль.

— Ты куда?

— Жми на газ до упора, — велел он и открыл дверцу водителя.

Едва Ли перехватила управление, как Бен вылез из кабины. Ветер ревел в ушах и раздувал одежду. До скалы было рукой подать — фута два, не больше. От каменной поверхности отражался яркий свет фар настигающих машин.

Грузовичок бросало из стороны в сторону, порой заносило опасно близко к скале. Наконец Бен уцепился за край кузова и стал подтягиваться.

Три больших круглых тюка сена, восьми футов высотой, были затянуты в черный полиэтилен и удерживались прочными, туго натянутыми веревками. Бен повис на одной руке, а

другой выхватил из-за пояса пистолет.

Четыре веревки и всего два патрона. Грузовик качнуло в сторону от скалы, колеса едва не соскользнули в пропасть. На мгновение Бен повис в воздухе — на виду у преследователей. Его ослепили мощные фары. Грянул выстрел, и плечо обожгло болью: пуля прошла сквозь рукав и задела кожу. Бен прижал дуло «пара-орданса» к ближайшей веревке и, помолвившись про себя, спустил курок.

Пистолет дернулся в руке, веревка расползлась, и два дымящихся конца вяло повисли — вот и весь результат.

«Не та веревка!»

Над ухом провизжали пули и пробили железный борт. Бен прижал дуло к другой веревке. Последний патрон. Он выстрелил.

Веревка дернулась, чуть не выбив пистолет из руки. Тюки подпрыгнули, покатались назад и упали на дорогу, отражая красные габаритные огни грузовичка. Три тонны сена полетели навстречу преследователям. Водители в панике ударили по тормозам. Шины взвизгнули, автомобили занесло, но шансов избежать столкновения не оставалось: дорога была слишком узкая. Первая машина с треском врезалась в тюк — во все стороны полетели сено и осколки стекла. Тюк рассыпался, машину понесло боком, и она перевернулась. Вторая налетела на нее сзади, вытолкнув в пропасть. Бен успел заметить, как первая машина, кувыркаясь, летит вниз, а вторая отчаянно тормозит, врезается в скалу и, подпрыгнув, замирает.

Грузовичок мерно шел вперед, тарахтя древним мотором.

ГЛАВА 29

Австрия

Первой заботой Кински было найти безопасное место для Клары. Да где же еще, как не у Хильдегард, — там никто не доберется до его дочери. Теперь можно браться за дело. Если они надеялись его остановить, то им это не удалось.

Несмотря на солидное сложение, полицейский умел двигаться быстро. Когда он целеустремленно шел по коридору, встречные отступали в сторону, будто мелкая рыбешка перед акулой. Выражение его лица было красноречивее слов: когда у Кински такое лицо, с ним шутки плохи. Все уже видели сержанта в подобном состоянии, но сегодня он вообще был вне себя.

Не замедляя шага, Кински ударил плечом в дверь кабинета шефа и без стука ворвался внутрь.

Сотни раз он входил сюда без приглашения, и каждый раз видел одно и то же: сваленные в кучу бумаги и папки, запах вчерашнего кофе от тысячи недопитых чашек, оставленных где попало. И всегда за столом сидел, сгорбившись, поседевший, замотанный шеф. Начальник полиции Шиллер был настолько привычной деталью обстановки, как будто и сам уже стал частью здания. Он всегда здесь сидел и, казалось, будет сидеть вечно.

Ворвавшись в кабинет сегодня, Кински опешил.

За столом шефа сидел худощавый мужчина в половину младше Шиллера. Явный аккуратист: темные волосы гладко зачесаны назад; на носу — очки в тонкой золотой оправе; костюм отглажен; галстук идеально прямой — полная противоположность Гансу Шиллеру.

В кабинете царил порядок, пахло освежителем воздуха. На столе ни единого листочка, только маленький ноутбук тихонько жужжит в сторонке. На месте переполненного документами ржавого шкафа для бумаг — древнего ободранного чудовища — стоял новехонький шкафчик. Даже окна в кабинете помыли.

— Где Шиллер?

Мужчина поднял глаза и увидел направленный на него суровый взгляд Кински.

— Вы кто? — спросил он.

— Я-то Кински. А вот вы кто и какого черта здесь делаете?

— Меня зовут Гесслер. Для вас — господин начальник полиции Гесслер. В следующий

раз, прежде чем ворваться ко мне в кабинет, стучите. Ясно?

Кински промолчал.

— Так что вам от меня нужно?

— Где Шиллер? — вновь повторил Кински.

— Уехал, — ответил Гесслер.

— Куда?

Гесслер резким движением сорвал с переносицы очки и недовольно уставился на Кински.

— Я что, туристическое агентство? Почему я знаю, куда он уехал? Сидит себе где-нибудь на пляже к югу от экватора, потягивает коктейли и пялится на девок. Что еще делать человеку на пенсии?

— Он вышел на пенсию? Я с ним только вчера разговаривал! Он ни словом не обмолвился... Я знал, что он собирается, но...

Гесслер пожал плечами.

— Ему подвернулась возможность, и он ею воспользовался. А теперь, сержант, объясните мне, какого черта вы вломились в мой кабинет. Если сказать нечего, проваливайте отсюда и займитесь чем-нибудь полезным. — Гесслер улыбнулся. — Вопросы есть?

ГЛАВА 30

Где-то в Италии

Они подождали, пока из окон грузовичка не показалось пламя. Краска на дверях вздулась пузырями, над деревьями за клубился черный столб дыма. Тогда они повернулись и ушли с опушки.

Темнело, в воздухе висела холодная сырость. Забинтованная рука Бена сильно болела, хотя пуля всего лишь ободрала кожу — могло быть и хуже.

Они молча шли по безлюдной проселочной дороге. Внизу, в долине, светились окна какого-то здания; чуть дальше дорога уперлась в ворота.

Во время мертвого сезона центр проката лошадей Росси пустовал. Летом супруги Росси сдавали коттеджи в аренду любителям верховой езды, приехавшим отдохнуть в деревне. Появление двух незнакомцев, предложивших наличные за ночлег, стало приятной неожиданностью. Розальба Росси приготовила макароны с томатным соусом, от которого дом наполнился запахами базилика и чеснока. Джино Росси навел порядок в коттедже и включил отопление.

После ужина Бен купил у Джино две бутылки красного вина. Гости распрощались с хозяевами и ушли в свой коттедж — роскошью он не отличался, зато в нем было тепло и уютно. В комнате стояли две односпальные кровати, покрытые лоскутными одеялами, на побеленной стене висело распятие.

Бен заметил, что Ли почти ничего не ела за ужином. Она села на кровать, устало сгорбившись, измотанная и бледная. Бен уселся рядом и налил в стаканы вина. Они помолчали в ожидании расслабляющего действия алкоголя.

— Я больше не могу, — призналась Ли.

Бен мягко обнял ее и притянул к себе. Ли положила голову ему на плечо и придвинулась. Он чувствовал тепло ее тела, биение сердца, прижатое бедро... и внезапно осознал, что гладит Ли по голове, наслаждаясь шелковистостью волос.

Ему вдруг стало неловко.

— Все будет хорошо.

Он отодвинулся, взял бутылку и долил себе вина.

— Откуда они узнали, что мы там? — тихо спросила Ли.

Бен промолчал, но она, похоже, прочитала его мысли.

— Это я виновата, да? Они прослушивали телефон профессора...

— Ты не виновата. Я тоже пытался ему позвонить. Не переживай. Тебе надо отдохнуть.

— Я ведь назвала свое имя! Ты велел мне не высовываться, а я высунулась. Не послушала

тебя, и в результате бедного старика убили!

— Не ты же в него стреляла, — ответил Бен.

— Ну, разве что за меня нажали на спусковой крючок. — Ли вздохнула. — Кто эти люди? От них невозможно скрыться! — Она посмотрела на Бена испуганными глазами. — Нас они тоже убьют, да?

Бен успокаивал ее, а сам напряженно размышлял. До дома Арно километров двадцать. Погони не было, Пока они в безопасности. Вот только ненадолго. А что делать дальше? Письма Моцарта у них нет — похожа следы Оливера оборвались.

Интересно, что имел в виду Арно, когда сказал, что письмо вернулось домой? Профессор спрятал его в надежном месте... в каком именно? Где дом письма Моцарта? Может, там, где оно было написано, то есть в Австрии?

В конце концов Ли заснула, все еще сжимая в руках пустой бокал. Бен забрал его, укрыл Ли одеялом и долго смотрел, как вздымается и опадает ее грудь в такт мерному дыханию. Сидя на своей кровати, он допил вторую бутылку и выкурил последнюю сигарету из пачки, В голове царил неразбериха — сплошные вопросы.

Ближе к полуночи Бен вышел на свежий воздух, чтобы прийти в себя. Под ногами похрустывала заиндевевшая трава. Он по привычке посмотрел на небо и нашел Полярную звезду, чтобы определить стороны света.

Напротив стоявших в ряд коттеджей, на другой стороне залитого лунным светом дворика, возвышались хозяйственные постройки: конюшни и хлипкие сараи из гофрированного железа. Пыльное окно одного из сараев светилось, изнутри доносился лязг инструментов. Бен подошел и заглянул в щелку между ржавыми железными листами: в сарае была мастерская, полная сломанных сельскохозяйственных орудий. Курчавый юноша возился под капотом старенького «фиата». Бен вошел в открытую дверь.

— Привет, — сказал он по-итальянски. — Меня зовут Стив.

Юноша обернулся, оказавшись копией Джино Росси, только помоложе — лет девятнадцати-двадцати.

— Сломалась? — кивнул Бен на «фиат».

— Привет, Стив. Я Сандро, — улыбнулся юноша и помахал гаечным ключом. — Свечи зажигания меняю. Решил продать машину и хочу, чтобы проблем с ней не было.

Закрепив свечи, Сандро захлопнул крышку капота, подошел к открытой дверце и завел двигатель. Бен прислушался. Ничего не стучит, глушитель в порядке, сальники на месте, воздух не подсасывает, из выхлопной трубы синий дымок не вьется.

— Сколько ты за нее просишь?

Сандро вытер грязные руки о джинсы.

— Она у меня старушка, конечно, но в хорошей форме. Тысячи полторы, пожалуй.

Бен достал из кармана наличные.

— Прямо сейчас можно забрать?

Машина тихонько выбралась со двора по изрытой колеями подъездной дорожке и свернула на извилистый проселок. Желтый свет фар выхватывал из темноты покосившиеся дорожные знаки.

Идея навестить дом профессора еще раз — и к тому же без оружия — была чревата опасными последствиями. Однако выбора не оставалось. Бен очень жалел, что не выудил из профессора никаких подробностей о местонахождении письма, — вот и еще одна ошибка, не многовато ли их набралось? Стоило ли вообще искать это дурацкое письмо? Что поделаться, сейчас приходилось хвататься за любую соломинку...

До виллы Арно Бен добрался к половине первого ночи и притормозил перед аккуратным газончиком у ворот. Возле дома сверкали мигалки полицейских и стояли две пожарные машины.

Чертыхнувшись, Бен прибавил газу, разглядывая виллу. Собственно, от нее ничего не осталось: почерневшая груда щебня, обвалившаяся крыша, похожая на изломанный хребет

гигантской туши, разлетевшаяся в округ черепица, обгоревшие куски дерева, осколки стекла...

Пожар явно бушевал долго. Пожарные сворачивали свое имущество — спасти тут было нечего.

Бен проехал мимо, размышляя, что делать дальше. Либо пламя распространилось из кабинета по всему дому, либо кто-то намеренно сжег все дотла. Вторая версия более вероятна. Эти люди, кто бы они ни были, тщательно заметали следы. И огонь в таком деле лучший помощник.

Примерно через километр Бен свернул на ухабистую дорожку, которая вела к заброшенной ферме, где они взяли грузовик. Кроме разнесенной в щепки стены амбара, не осталось никаких следов того, что произошло здесь днем.

Бен заглушил двигатель, вышел из машины и немного постоял в темноте. Никого. Он посветил фонариком: с земли подобрали все до единой гильзы. Кровь с косяка сарая, к которому Бен прибил руку преследователя, вытерли, гвозди вытащили, оставив четыре аккуратные дырочки в дереве.

За спиной вдруг послышался шорох, что-то упало. Бен мгновенно обернулся, напрягшись всем телом.

Черная кошка прыгнула с верхней полки, уронила ржавую жестянку с гвоздями и выскочила сквозь дырку в стене.

Бен прошел через темный двор к обрушившейся каменной ограде, за которой начиналась территория виллы Арно. Он прятался за деревьями, наблюдая, как уезжают пожарные и как полицейские бродят вокруг разгромленного дома. Бен понимал, что напрасно теряет время — здесь ничего не найти.

Он пошел обратно к пролому в ограде, пробираясь между тонкими деревцами. Облако закрыло луну, погрузив лес в темноту.

В куче листьев, наполовину спрятанный за узловатыми корнями дерева, лежал на земле человек, раскидав руки в стороны. Головы не было.

Бен стоял не шелохнувшись, пока вновь не показалась луна. Подойдя поближе, он тронул находку носком ботинка — это был не труп. Избавляясь от улики, бандиты кое-что пропустили.

На земле валялся пиджак профессора Арно. Бен вспомнил, что Ли уронила его, когда они бежали.

Он поднял холодный, отсыревший пиджак и обнаружил в левом внутреннем кармане продолговатый предмет — бумажник.

— Кто здесь? — испуганно спросила она в темноте.

— Не бойся, это я.

Бен закрыл за собой дверь коттеджа.

— Где ты был?

Бен рассказал.

— Ты ездил туда?

— Виллу сожгли дотла. Там ничего не осталось. Но я кое-что нашел. — Он показал ей свою находку. — Бумажник профессора.

Ли села в кровати. Бен включил свет и сел рядом с ней. Она сонно смахнула с лица прядку черных волос.

— Где ты его нашел?

— Там, где ты бросила пиджак, — в лесу.

Он открыл тонкий бумажник из телячьей кожи.

— Здесь почти ничего нет. Библиотечный абонемент, просроченный. Старые билеты в кино. Пятнадцать евро наличными. И вот еще...

Ли взяла у него бумажку и озадаченно покрутила в руках.

— Что это?

— Квитанция.

— Музей Висконти в Милане, — прочитала она стершиеся буквы.

— Что еще за музей? — спросил Бен.

Ли покачала головой.

— Квитанция удостоверяет, что Арно подарил что-то музею, — сказал Бен. — Что именно, не сказано, но стоит дата — январь прошлого года, всего через несколько дней после смерти Оливера.

Ли посмотрела на Бена.

— Ты думаешь...

— Что письмо в Милане? Не знаю, — ответил он. — Скоро выясним. Поспи немного. В пять поедем.

ГЛАВА 31

Сандро не обманул с машиной: хоть и старушка, но надежная. До Милана они доехали за четыре часа. По дороге остановились на станции техобслуживания с магазинчиком, где Ли купила платок, огромные солнцезащитные очки, новые джинсы и теплую куртку.

Улицы Милана были забиты машинами, так что в музей Висконти, расположенный в пригороде, добрались только часам к десяти утра. Музей музыки оказался внушительным старинным зданием. Высокие портики выходили в огороженный сад, подальше от уличной суеты и шума.

В музее стоял характерный запах затхлости и политуры для дерева. Лишь несколько пожилых посетителей тихонько прохаживались по залам, вполголоса переговариваясь. Ноги скользили на отполированных до блеска паркетных полах. Негромко играла классическая музыка. На всех дверях висели плотные бархатные портьеры. Дежурному охраннику было на вид лет восемьдесят.

Под внимательным взглядом камер видеонаблюдения Бен и Ли переходили из зала в зала, мимо витрин с духовыми инструментами и коллекции великолепных резных арф. Бен заглянул в большой зал с портретами знаменитых композиторов.

— Тут ничего нет. Не считая давно усопших господ в напудренных париках.

— Варвар ты все-таки! — шепотом упрекнула его Ли.

Из главного зала изогнутая полукругом деревянная лестница вела на следующий этаж, в длинную комнату, где вдоль стен стояли стеклянные витрины с оперными костюмами и другими экспонатами. Ли задержалась возле одной и прочитала медную табличку:

— «Костюм Карузо во время первого публичного выступления в тысяча восемьсот девяносто четвертом году». — Ли подошла к другой витрине. — Ого! Смотри, в этом платье пела Мария Каллас в опере «Норма» в Милане в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом. С ума сойти! Почему я раньше не знала об этом музее?

— Ли, мы здесь не для того, чтобы пялиться на дурацкие костюмы. Ты про письмо не забыла?

Они вернулись в фойе. Охранник покачал головой.

— У нас нет ни писем, ни других документов.

— Может, есть еще один Музей Висконти? — спросил Бен, заранее зная ответ.

Старик снова грустно покачал головой.

— Я здесь уже пятьдесят лет. Музей всего один.

Бен и Ли отошли в сторонку.

— Я так и думала, что толку от этого не будет, — заявила Ли.

— Но ведь Арно отдал что-то в музей! Квитанция-то осталась!

Они прошли по длинному коридору, с обеих сторон уставленному витринами с антикварными скрипками, альтами и виолончелями.

— Профессор был коллекционером, — возразила Ли, — и мог отдать в музей все, что угодно. Картину какую-нибудь или инструмент. — Она показала на скрипки под стеклом. — Откуда мы знаем, может, он одну из этих скрипок подарил.

Бен застыл на месте.

— Какие же мы идиоты!

— Почему это?

— Оно вернулось домой...

Ли недоуменно уставилась на него.

— Оно вернулось домой, — повторил Бен. — Арно сказал, что письмо вернулось домой. Туда, откуда пришло. Он вовсе не имел в виду музей — в музее-то оно никогда не бывало.

— То есть мы зря сюда пришли?

— Может, и не зря. — Бен оглядел витрины. — Надо найти зал, где собраны фортепьяно.

Лицо Ли озарилось пониманием.

— Черт возьми! По-моему, ты прав!

— Ты узнаешь то старое фортепьяно, которое нашел твой отец?

— Наверное.

Их торопливые шаги застучали по паркету — Бен и Ли вернулись в коридор в поисках секции клавишных инструментов. За сводчатым проходом с красными портьерами обнаружился большой зал, заставленный старыми фортепьяно, спинетами и клавесинами. Все инструменты были отреставрированы, блестели от лака и стояли на огороженных возвышениях с табличками «Руками не трогать».

Бен прошелся по залу.

— Ты его видишь?

— Вот! — Ли указала на старое фортепьяно у окна — большое и богато украшенное резьбой. Дерево тускло поблескивало в свете ламп. Ли подбежала к инструменту. — Черт возьми, последний раз я его видела отреставрированным всего наполовину и частично разобранным, но я уверена, что это оно и есть!

— Абсолютно уверена?

— Да я бы его где угодно узнала!

Бен внимательно осмотрел фортепьяно: тяжелый инструмент, футов двенадцать в длину, покрытая толстым слоем лака поверхность, вставки из перламутра, поблескивающие клавиши из слоновой кости и черного дерева. Над клавиатурой надпись золотыми буквами: «Йозеф Бом, Вена». Инструмент стоял на трех покрытых искусной резьбой ножках: две спереди и одна сзади.

— Так которая ножка оказалась полой? — спросил Бен.

Ли задумалась.

— Одна из передних.

— Правая или левая?

— Правая, кажется. Нет, левая.

Бен перегнулся через ограждение, но толком ничего не увидел: слишком далеко. Он огляделся: вокруг никого. Откуда-то из соседнего зала доносились шаги старого охранника.

— Правая, — сказала Ли. — Точно правая.

— Ты уверена?

— Уверена.

Из угла под потолком смотрел черный зрачок видеокамеры. Бен отвернулся от фортепьяно, со скучающим видом вышел из поля зрения камеры и, подбравшись к ней вдоль стены, внимательно осмотрел ее. Затем он подошел обратно к фортепьяно и спокойно перелез через ограждение.

— От этой камеры толку никакого, — с улыбкой сказал он Ли. — Она почти одного возраста с фортепьяно, и половина проводов отсоединены.

— Итальянцы, — вздохнула Ли. — Что с них взять!

— В нашем случае грех жаловаться!

Бен присел на корточки возле фортепьяно, приглядываясь к правой ножке. Тщательно отреставрированный инструмент был в прекрасном состоянии, ни за что не скажешь, что ему двести лет. Сначала Бен ничего не увидел, потом глаз зацепился за трещинку в лакировке в верхней четверти ножки. Он поскреб дерево ногтем — чешуйки лака осыпались, открывая

тонкую линию. Бен поскреб еще немного. Едва заметная линия шла по всей окружности ножки. Похоже, после реставрации кто-то снял полую ножку, поставил ее на место и закрасил трещину бесцветным лаком.

Существовал один-единственный способ убедиться в этом.

ГЛАВА 32

В тот же день

Бельгия

Филипп Арагон все утро читал документы и подписывал письма — на его письменном столе громоздилась кipa бумаг в фут высотой. Если была возможность, Арагон предпочитал работать дома. Этот дом он сам спроектировал и построил еще в те времена, когда работал архитектором. С точки зрения отца-миллиардера, дом Арагонов возле Брюсселя был простым и скромным — совсем не похожим на роскошную виллу, в которой Филипп провел детство. От роскоши Филипп устал: роскошь мог позволить себе любой, были бы деньги. Смысла в ней никакого.

Работая, Филипп время от времени посматривал на стоящие на столе фотографии в рамках: родители, жена, сын Винсент на велосипеде, который ему подарили на десять лет, четырехлетняя красавица дочурка Дельфина, смеющаяся на качелях, и Роже.

Старина Роже. Подумав о нем, Филипп снова загрустил. Он отложил ручку и взял в руки фотографию. Старый друг и наставник... Какие добрые глаза! До сих пор невозможно примириться с тем, что случилось. И понять тоже невозможно.

Роже Базен был известен как бывший швейцарский политик и уважаемый государственный деятель. Для Филиппа, знавшего Роже с детства, он был практически членом семьи и многому его научил, хотя их политические взгляды расходились все дальше по мере того, как Филипп вырос. Роже не нравился уклон Арагона в социализм и экологию, и они провели в спорах не один вечер. Несмотря на растущие разногласия, интеллектуальные схватки со старым политиком за бутылкой коньяка стали прекрасной тренировкой для политика молодого, подготовив его к предстоящим баталиям. Филипп всегда считал Роже чем-то вечным и неизменным, неперменной частью своей жизни, как старый дуб за окном кабинета.

Боль утраты не утихла и становилась лишь острее от того, что Роже мог быть каким-то образом замешан в том, что произошло той ночью.

События прошлой зимы в Кортине никогда не изгладятся из памяти Филиппа Арагона. Он помнил их так хорошо, словно это было вчера.

Суматошная жизнь начинающего политика редко позволяла Арагону выкроить целых шесть дней для семьи. Дети очень радовались предстоящей поездке, он собирался научить их кататься на лыжах. Больше всего Филиппу хотелось провести время с женой, как раньше, в более спокойные времена.

Старинное шале, похожее на сказочный домик, стояло в безлюдном месте, среди гор и лесов. Полная тишина и чистый воздух — для отдыха лучше не придумаешь.

На второй день Арагону позвонили. Номер этого мобильного телефона знали очень немногие: жена, личный секретарь, немногочисленные члены семьи и близкие друзья.

Звонил Роже Базен — впервые за долгое время. Он говорил как-то странно, с трудом ворочая языком, будто пьяный. Еще удивительнее была нотка страха в его голосе — такого Филипп никогда не слышал. Что могло случиться?

— Филипп, ты где?

— В отпуске. Разве вы забыли?

— Помню, но где именно ты сейчас находишься?

Филипп озадаченно нахмурился.

— В шале. Мы как раз ужинать собираемся. Роже, что стряслось?

Базен помолчал, в трубке слышалось тяжелое дыхание.

— Убирайтесь оттуда!

— Что?

— Уходите немедленно! Все. Бегите. Как можно дальше.

Филипп с раскрытым ртом уставился на замолкший телефон в руке. В соседней комнате Колетт открывала бутылку вина на ужин и смеялась — должно быть, дочка сказала что-то смешное.

Арагон помешкал. Что за бред, в самом деле? Потом он все же бросился к жене и схватил ее за плечи. Бутылка вина полетела на пол. Филипп громко позвал Винсента, сгреб дочку в охапку, и вся семья выбежала в сад. Колетт ошарашено повторяла: «Что случилось?»

Они бежали со всех ног, как сумасшедшие. В дальнем конце сада, на границе соснового бора, они остановились и посмотрели на дом. По лицу отца дети поняли, что это вовсе не игра. Колетт уже кричала на него: «Да что случилось? Ты с ума сошел?»

Филипп стоял на морозе, по колено в снегу, с мобильником в руке.

Может, он и вправду с ума сошел? Или это Роже спятил? Может, у Роже шуточки такие дурацкие? Не похоже на него вообще-то.

— Здесь до костей пробирает, — сказала Колетт. — Дети...

Недовольный собой, Филипп выдохнул.

— Я, должно быть, совсем спятил. Вот черт, твои туфли...

Замшевые мокасины Колетт промокли насквозь, снег облепил ее ноги до колен.

— Что тебе померещилось? — спросила она.

— Не знаю. Стресс, наверно, подействовал. Прости. Идем домой.

— Папа спятил! — принялся распевать Винсент. — Папа спятил!

Дельфина, заплакала. Колетт подхватила дочь на руки, бросив на мужа яростный взгляд.

Арагон примирительно взял жену за руку, и они пошли обратно.

Их отбросило прочь взрывной волной. На глазах Арагона шале взлетело на воздух. В ночное небо взвился столб огня, обломки раскидало далеко в стороны. Крыша приподнялась, стены выдавило наружу. Кирпичи, куски дерева, осколки стекла посыпались на снег. Филипп попытался прикрыть жену и детей своим телом. Громыкнул второй взрыв, и разрушенное здание сровняло с землей. Ничего не осталось ни от шале, ни от стоявших рядом хозяйственных построек, гаража и машины — только обломки дымились.

Укрывшись в уцелевшем садовом сарае, Арагоны вызвали помощь. Вот тогда и начался настоящий сумасшедший дом. Полиция, служба безопасности, пожарные, телевизионщики, журналисты — все примчались в уединенное горное ущелье. Как только удалось поднять в воздух частный самолет, Арагон спешно вывез семью из Кортины.

Про телефонный звонок Арагон ничего никому не сказал. Время шло. Он ждал результатов расследования, но оно ни к чему не привело: обнаружили лишь следы утечки газа.

Не зная, что и думать, Филипп не оставлял попыток связаться с Роже Базеном: хотел поговорить, выяснить, откуда тот узнал о взрыве.

Однако старый друг словно сквозь землю провалился. Дни шли за днями, а он все не брал трубку и не отвечал на оставленные сообщения. Филипп уже собрался лично съездить к Роже в Женеву, когда ему позвонили.

«Альфа-ромео спайдер» потеряла управление в пустом туннеле и врезалась в бетонную опору на скорости ста двадцати километров в час. Старая машина разлетелась вдребезги, горящие обломки надолго заблокировали движение. Когда пожарные сумели добраться до салона, от Роже Базена почти ничего не осталось. Свидетелей аварии не было, только папарацци нащелкали жутких фотографий, которые поспешно опубликовали в бульварной прессе.

Убитые горем родственники показали, что старик Роже несколько недель до аварии находился в состоянии стресса, выглядел подавленным, беспокойным и чем-то испуганным. Никто не знал, в чем дело. Врач прописал антидепрессанты, которые Роже принимал, запивая бренди. Хотя провести анализы останков не представлялось возможным, медицинские эксперты согласились, что причина очевидна. Коронер вынес заключение: смерть в результате несчастного случая.

За шесть месяцев, прошедших со дня гибели Роже, частное агентство, нанятое Филиппом, потратило тысячи человеко-часов на расследование. Арагон предложил награду в миллион евро тому, кто предоставит информацию, проливающую свет на происшествие. Ничего подозрительного найти не удалось.

Автомобильные аварии иногда случаются — как и взрывы газа.

ГЛАВА 33

Италия, Милан

В час дня Музей Висконти закрывался на обед, и посетители бесшумно вышли. Охранник Доменико Турки трясущейся рукой снял связку ключей с пояса, запер дверь на замок и на тяжелую стальную задвижку. Вешая форменную куртку и фуражку на крючок за конторкой, старик перекинулся шуткой с кассиром синьорой Беллавистой, и они пошли к служебному выходу. Доменик открыл панель на стене, набрал код, включая сигнализацию, и, все еще смеясь, вышел на улицу вместе с синьорой Беллавистой. Люка и Бепе из мастерской уже наверняка сидят с кружкой пива в соседнем кафе, где каждый день обедают сотрудники музея.

В музее стало безлюдно и тихо. В подвале, в лабиринте полутемных проходов, скрипнула открывающаяся дверь.

Бен огляделся и беззвучно выскользнул из заброшенной кладовой. За ним последовала Ли, разминая затекшие после долгого ожидания ноги. Бен и Ли пошли наверх тем же путем, каким попали в подвал. Бен узнал мастерскую: здесь работали двое рабочих, мимо которых удалось проскользнуть незамеченными. Рабочие ушли, оставив инструменты разбросанными на верстаке. Там же лежала старинная скрипка со снятой верхней декой. Две картины маслом, без рамы, стояли у стены, ожидая реставрации. Сильно пахло клеем, политурой и лаком.

Бен взял ножовку, проверил остроту зубцов и одобрительно кивнул. Ли недоуменно наблюдала за ним. Ей даже думать не хотелось, что он собирается делать ножовкой.

Бен тихонько вошел в следующую дверь и обнаружил то, что искал: электрический щиток, совсем древний, с большими неуклюжими выключателями. Бен щелкнул каждым по очереди, затем нажал на основной выключатель. Вытащив все пробки, он спрятал их в ящике под грудой упаковочного материала.

Через служебный вход Бен и Ли прошли в зал музея. В окна лился тусклый солнечный свет. Электрическое освещение погасло, красные огоньки на видеокамерах не горели.

Зал клавишных инструментов располагался в конце длинного коридора, где были выставлены скрипки.

Джемма Бьянки чистила рамы в портретной галерее, слушая радио. Вдруг свет погас, и пылесос замолк. Полная и неповоротливая Джемма не сразу сообразила, в чем дело. Протянув пухлую руку, она несколько раз щелкнула выключателем пылесоса.

— Ну что за черт!

Как-то раз свет уже отключался. Тогда она тоже оставалась в музее одна, занимаясь уборкой в обеденный перерыв. Пробки вылетели, и ей пришлось спускаться в подвал к щитку. Вниз идти далековато, да и неприятно быть одной в пустом закрытом здании.

Джемма занялась бутербродом, надеясь, что свет сам скоро включится. Не включился. Она со вздохом взяла радиоприемник и пошла вниз по лестнице.

Бен осмотрел фортепьяно, обдумывая план действий. Правую переднюю ножку нужно снять быстро. Времени мало: в любой момент может вернуться кто-то из сотрудников музея. Если бы приподнять правую часть фортепьяно на дюйм или два и подложить что-то под клавиатуру, чтобы отпилить висящую в воздухе ножку... Он перевернул табурет, поставив его на торец, — нет, чересчур высоко.

Бен попробовал приподнять фортепьяно. Слишком тяжелое, не выйдет, даже с помощью Ли. Он посмотрел на ножовку, потом на ножку. Чтобы перепилить ее, понадобится минут

пятнадцать.

«Ну же, придумай что-нибудь!» — приказал он сам себе.

Ли насторожилась.

— Бен, в музее кто-то есть!

Раздались медленные тяжелые шаги, заскрипели ступеньки лестницы, ведущей в главный зал. В безмолвном здании тихое эхо звучало совершенно отчетливо. Еще слышалась музыка, которая постепенно становилась громче: по лестнице спускался человек с радиоприемником.

Медлить нельзя — сейчас или никогда. Бен в отчаянии оглянулся.

Веревочное ограждение вокруг фортепьяно висело на шести латунных стойках — фута три высотой, на широких круглых основаниях. Да, ничего лучше не придумаешь. Бен ножовкой перепилил веревку и поднял одну стойку — тяжелая. Металл охлаждал пальцы. Перевернув стойку основанием вверх, он ухватился за нее, как за топор.

— Ну и черт с ним! — пробормотал Бен.

Ли с ужасом наблюдала, как он размахнулся стойкой и изо всех сил ударил по ножке фортепьяно.

Тишину разорвал оглушительный хруст ломающегося дерева. Фортепьяно со стоном вздрогнуло, завибрировав струнами. Ножка немного поддалась, и передняя часть инструмента просела, но не упала.

Спускаясь по лестнице, запыхавшаяся Джемма услышала какой-то звук.

Это еще что?

Она выключила радио, прислушиваясь. Сердце подпрыгнуло. Джемма схватилась за перила и ускорила шаг.

Бен снова замахнулся, стойка свистнула в воздухе, опять раздался оглушительный треск. Ножка подогнулась, передняя часть фортепьяно провисла, и Бен отскочил в сторону.

Тонна железа и дерева перевернулась и пробила возвышение, на котором стояла. Во все стороны полетели щепки. От удара струны завибрировали, наполнив зал какофонией.

Джемма голову потеряла от страха. В музее вору!

Спустившись по лестнице, она торопливо проковыляла через зал в женский туалет, вошла в кабинку и закрыла дверь. Сердце бешено колотилось, воздуха не хватало. В кармане Джемма нащупала мобильник.

Надо позвонить в полицию!

Ли с открытым ртом стояла над изувеченным инструментом. Отец вложил сотни часов работы в его реставрацию. Бесценный экспонат, кусочек прошлого, безвозвратно утерян. Какой ужас!

Струны еще вибрировали, а Бен уже вытащил из груды обломков ножку, надеясь, что его ожидания оправдаются.

— Ничего не вижу... — пробормотал Бен.

Он схватил ножовку и принялся лихорадочно пилить. Острое лезвие скользнуло по дереву и впилося в ладонь. Из раны брызнула кровь. Бен выругался, не переставая пилить. Ли с вытаращенными глазами стояла у него за спиной. Бен смахнул опилки и стер с деревяшки кровь — ничего.

— Ножка сплошная, — сказал он. — Здесь нет полости.

Джемма, захлебываясь, рассказала полиции, что в Музей Висконти проникли грабители. Мужской голос успокоил ее, заверив, что полицейские скоро приедут. Она облегченно вздохнула.

— Ты ведь говорила, что наверняка правая! — Бен хмуро посмотрел на Ли.

— Ну... тогда левая.

— Вот ведь черт! — пробормотал Бен и, глянув на часы, вскочил на ноги.

— Я не хотела, — прошептала Ли.

— Я бы тоже не хотел, чтобы кто-нибудь нас здесь застал!

Он опять замахнулся стойкой. Изуродованный инструмент лежал, точно кит, выброшенный на берег. Оставшаяся ножка торчала под углом. Бен с силой опустил стойку. Снова раздался оглушительный треск. Ли заткнула уши.

Он отступил назад — ножка ровно отломилась. Звякнула об пол выроненная стойка, и Бен опустился на колени.

Ножка оказалась полой! Сердце Бена подпрыгнуло. Нашупав что-то внутри гладкой полости, Бен перевернул ножку и вытряс содержимое — на пол, усеянный обломками фортепьяно, выпала свернутая в трубочку пожелтевшая бумага, аккуратно перевязанная ленточкой.

Наклонившись, Ли подхватила находку, дернула за ленточку и развернула листок, прикасаясь к нему с такой осторожностью, будто он грозил рассыпаться от малейшего прикосновения.

— О господи! Это оно! — воскликнула Ли, не сводя глаз с письма.

Чернила выцвели, но почерк и подпись ни с чем не перепутаешь.

Она держала в руках заветную находку отца — письмо Моцарта.

Услышав вой сирен, Джемма Бьянки осмелилась выбраться из кабинки и впустила полицейских через парадный вход. Без умолку тараторя, она провела их в зал клавишных инструментов, где побывала целая банда вооруженных безжалостных грабителей. Джемме очень повезло остаться в живых.

Полицейские вошли в пустой зал и в немом изумлении уставились на изуродованное фортепьяно. Кому понадобилось совершать такой бессмысленный акт вандализма?

К этому времени грабители были уже далеко, старенький «фиат» затерялся в потоках транспорта на улицах Милана.

ГЛАВА 34

Бен быстро вел машину на северо-восток, стараясь отъехать подальше от Милана, и каждые несколько минут проверял, нет ли погони. Их никто не преследовал. По дороге к австрийской границе град и дождь со снегом два часа били в ветровое стекла «фиата». Мимо мелькали вывески автозаправок. Сидевшая рядом с Беном Ли задумчиво склонилась над старым письмом.

В придорожном кафе было малоллюдно. Они взяли два кофе и выбрали угловой столик, подальше от остальных посетителей и поближе к аварийному выходу. Бен сел лицом к залу и держал в поле зрения входную дверь. Ли аккуратно разложила листок на пластиковом столике, прижав края солонкой и перочницей, чтобы бумага не сворачивалась.

— Это невероятно ценная вещь! — сказала она, погладив старую, выцветшую бумагу.

— Подлинное оно или поддельное, для нас письмо имеет ценность, только если в нем есть полезная информация. — Бен вытащил из рюкзака коробку с материалами Оливера и открыл блокнот. — Давай посмотрим, что тут. Как у тебя с немецким?

— Пою я на нем лучше, чем разговариваю. А у тебя как?

— А я разговариваю лучше, чем пишу.

Он пробежал письмо глазами. Неужели это действительно почерк Моцарта? На подделку не похоже, но кто его знает? Бен взгляделся пристальнее. Местами буквы плясали, словно их писали в подпрыгивающей на ухабах карете.

Он решил начать с первого предложения.

— «Mein liebster Freund Gustav». «Мой дорогой друг Густав».

— Неплохо для начала, — похвалила Ли.

Они работали целый час, нетронутый кофе на столе остыл. Работа продвигалась медленно, слово за словом. Каждые несколько секунд Бен оглядывал зал, проверяя, нет ли непрошенных гостей.

— Что такое «Die Zauberflöte»? — спросил он.

— Ну, это просто. «Волшебная флейта». А вот это что? — Ли показала на слово, задумчиво покусывая ручку. — Не могу прочитать.

— Adler.

— И что такое Adler?

— Орел, — ответил Бен, закусив губу в недоумении.

При чем здесь орел? Он все-таки записал слово в черновик перевода. Раздумывать можно потом, сначала надо все записать.

Потребовалось еще три чашки кофе и несколько исчерканных заметками страниц, прежде чем перевод был готов. Бен развернул блокнот боком, чтобы Ли тоже видела текст.

«16 ноября 1791

Вена

Дорогой Густав! Пишу тебе в большой спешке, всем сердцем надеюсь, что письмо дойдет вовремя. Мне бы очень хотелось сообщить лишь хорошие новости об успехе „Волшебной флейты“, но, к сожалению, есть более важные вести.

Ничто не сравнится с возможностью жить мирно непокойно — как жаль, что нашим братьям не суждена такая доля. Должно быть, так угодно Господу.

Вчера я, как обычно, прогуливался возле оперного театра и встретил там нашего друга и брата Н. Он выглядел очень расстроенным и возбужденным. Когда я спросил о причине, он рассказал мне кое-какие новости. Как тебе известно, Н. вхож в определенные круги и знает, о чем говорят на собраниях ордена Ра. С каждым днем наши враги становятся все сильнее и влиятельнее; я уверен, что в немалой степени этому способствует благосклонность нашего императора к Орлу. Боюсь, что успех моей оперы немало их разозлил и теперь мы в еще большей опасности. Наш друг посоветовал соблюдать величайшую осторожность во всем. Дорогой Густав, умоляю, будь осмотрителен. Не доверяй посторонним. Агенты ордена Ра кишат повсюду, не только в Австрии.

Извини, что пишу так коротко, но мне пора заканчивать. Очень надеюсь, что мое предостережение дойдет до тебя вовремя, прежде чем силы, поклявшиеся уничтожить нас, нанесут удар. Береги себя, будь здоров. Передавай привет Катарине.

Твой брат,

В. А. Моцарт».

— Что ты об этом думаешь? — спросила Ли.

— Давай сначала поедим, — ответил Бен. — Я с голоду умираю.

Спрятав письмо в рюкзак Бена, они ели горячую вкусную лазанью и разговаривали. Раскрытый блокнот Бен положил рядом со своей тарелкой.

Ли выглядела разочарованной.

— Ничего нового мы не узнали, профессор Арно уже обо всем рассказал. Моцарт предупреждает своего друга об опасности, орден Ра охотится на масонов. Вот и все. Зря только время потеряли.

— Adler, — сказал Бен с полным ртом лазаньи. — Орел.

— И что орел?

Бен показал на блокнот.

— Из письма, похоже, следует, что орел имеет большое значение и как-то связан с орденом Ра.

— Как именно?

— Понятия не имею, — признался Бен. — Но в заметках Оливера часто упоминаются орлы.

— Может, это обозначение? Кодовое слово?

— Не исключено, — кивнул Бен. — Орел может быть символом.

— Имперский орел?

— Не похоже. Прочитай внимательно. Орел — это кто-то или что-то, к чему император питает благосклонность.

— Если бы мы знали, что это значит...

— Увы, мы не знаем. — Бен еще раз перечитал письмо. — Больше отсюда ничего не выжать.

— В общем, вернулись к тому, с чего начали, — вздохнула Ли. — Мы так и не поняли, что случилось с Оливером. — Она разжала пальцы, и вилка со звоном упала на стол. — Может, мы вообще ерундой занимаемся. А вдруг письмо ни при чем? Или оно действительно подделка?

Бен покачал головой.

— Я бы с тобой согласился, если бы не одно странное обстоятельство. Помнишь зал, в котором убили человека? Баранью голову помнишь?

Ли предпочла бы забыть ту видеозапись.

— Разве там была баранья голова?

— Висела на стене, над возвышением вроде алтаря. Позолоченная голова барана с длинными рогами.

Ли задумалась.

— Бараны... Козлы... Рога... Идолы... Ты про сатанистов, что ли?

— Нет, я про нечто гораздо более древнее. Помнишь, я упомянул, что изучал теологию?

— Да уж, никогда бы не подумала!

Об этом периоде жизни Бен говорить не любил, поэтому особо распространяться не стал.

— Ра был богом солнца древних египтян. Арно подтвердил это.

Ли озадаченно промолчала.

— Его не всегда называли по имени, — продолжал Бен. — Ра также изображали в виде символа — обычно как солнечный диск, но иногда в виде барана: баранья голова на человеческом теле или просто голова сама по себе.

— Ты уверен? При чем тут баран?

— Рога символизировали лучи, исходящие от солнца. Символ очень древний, за долгие века он распространился во многих культурах. В иврите есть слово «каран» — «лучи», очень похожее на «керен» — «рога».

Ли на мгновение задумалась.

— Продолжай, — кивнула она.

— Эта позолоченная баранья голова чем-то поразила меня, когда я впервые увидел ее в видеозаписи, — признался Бен. — Я никак не мог понять, в чем дело, а теперь понял. Только ты скажешь, что я сошел с ума.

— Честное слово, я уже готова поверить во что угодно.

— Тогда как насчет этого: орден Ра существует до сих пор.

— Вот уж действительно бредовая идея!

— А ты сама подумай. Оливер стал свидетелем того, как кому-то отрезали язык и вспороли живот. Арно рассказал нам, что с Лютце сделали то же самое. Совпадение? Вряд ли.

Ли скорчила гримасу.

— Что дальше?

— Теперь вспомни слова Арно перед тем, как его застрелили. Он сказал: «Так значит, это правда!»

— Да, помню. Что он имел в виду?

— Ему не удалось закончить рассказ, но, произнося эти слова, профессор показал на баранью голову. Я думаю, он что-то знал. У него наверняка были какие-то подозрения,

связанные со смертью Оливера. Арно настолько испугался этого письма, что решил спрятать его подальше.

Ли задумалась, рассеянно тыкая вилкой в лазанью.

— Если письмо представляет такую опасность, то почему они не нападали на отца, когда оно было у него?

— Во-первых, твоего отца прежде всего интересовали авторство и историческая ценность письма, — ответил Бен. — Оливер копнул глубже. Во-вторых, пока Оливер не начал копать и не нашел что-то (что именно, мы не знаем), до письма никому и дела не было. Оно ценно тем, что привело Оливера к ним.

— Каким образом?

— Пока не знаю, — признался Бен.

Ли замолчала.

— Допустим, ты прав и орден до сих пор существует. Кто эти люди? Где их искать?

Бен покачал головой.

— Найти их очень сложно. Не забывай, они не просто дурачки с секретными рукопожатиями. У них были связи с тайной полицией. Они обладали серьезным политическим влиянием — и не только в Австрии. Времена тогда были смутные. Правители боялись, что революция распространится на всю Европу, и охотно поощряли таких людей. Представь себе, чего они сумели достичь за два прошедших века. Теперь у них не только широкие связи, они внедрились глубоко в систему.

— Но ведь мы говорим о современной, демократической Европе! Разве в ней может существовать такая жуткая организация?

— Ли, не будь наивной. Новый порядок построен на основе старого. Ничего не изменилось.

— Я думала, что Арно — сумасшедший старик, который верит в теории заговора.

— Возможно, он был прав, — сказал Бен.

— Ты серьезно?

Бен кивнул и задумался.

— Я мало рассказывал тебе о том, чем занимался в спецназе. Не люблю об этом говорить. Тем не менее есть множество вещей, о которых обычные люди никогда в жизни не догадаются. В истории бывали целые войны, ни словом не упомянутые в учебниках. Мы воевали далеко от основного поля битвы и выполняли задания, смысла которых сами не понимали. Мы понятия не имели, что именно делаем. Нам указывали цель и давали приказ. Мы уничтожали селения, не зная, как они называются. Мы были пешками в игре. Идиотами. Оливер давно это понял, но я его тогда не послушал. Настоящие игроки, те, кто действительно принимает решения, никому не известны. Этих людей почти никто не знает.

— В таком случае с кем мы имеем дело? Бен пожал плечами.

— Трудно сказать. Это люди внутри системы, спрятанные за многими фальшивыми слоями. Люди со связями. Те, кто пойдет по твоему следу, если ты покажешь лицо, воспользуешься паспортом или кредиткой или попытаешься обратиться в полицию. Корни уходят очень глубоко. Мы должны быть исключительно осторожны, если хотим выбраться из этой переделки живыми. И поступать мы будем так, как я сочту нужным.

Ли долго молчала.

— Хорошо, — наконец согласилась она. — И что нам теперь делать?

ГЛАВА 35

Позднее в тот же вечер

Вена

Мобильник заверещал над самым ухом. Маркус Кински, моргая, сел в кровати и спустил ноги на пол. Часы на ночном столике показывали девять минут второго ночи. Может, это Клара звонит ему так поздно? Но ведь он отобрал у дочери мобильник... Кински охватила паника.

Неужели что-то стряслось?

Звонила вовсе не Клара. Женщина представилась как Ли Ллуэллин. Кински слушал, быстро приходя в себя.

— Так где мы можем встретиться? — спросил он.

Ли прикрыла микрофон рукой и вопросительно посмотрела на Бена. Они уже обсуждали этот вопрос. Ли хотела встретиться в каком-нибудь оживленном месте в центре Вены, где толпы людей обеспечат безопасность, но у Бена была идея получше: он хотел проверить Кински. Для этого первая встреча должна была стать ловушкой. Он кивнул, и Ли указала Кински место, на котором они с Беном в конце концов остановились.

— На озере, — сказала она.

Кински не надо было переспрашивать, какое именно озеро имелось в виду.

— Хорошо, — согласился он. — Когда?

— Завтра утром в девять часов.

Кински приехал на встречу на пятнадцать минут раньше. «Мерседес» свернул с дороги к озеру, под колесами хрустел тонкий слой снега. Кински вышел, посмотрел на часы и побродил немного вдоль берега. Время шло. Дыхание вырывалось облачком пара. Кински помахал руками, чтобы согреться. Из кармана серого пальто он вытащил термос с черным кофе и торопливо выпил три чашки обжигающей жидкости. Зима выдалась холодная, даже холоднее, чем в прошлом году, и озеро уже совсем замерзло.

Услышав вдалеке шум мотора, Кински насторожился и прикрыл глаза от низкого солнца. Ярдах в трехстах, сквозь редкую полосу сосен, виднелась дорога, по которой ехала ярко-желтая машина. Кински не отрывал от нее глаз. Машина проехала мимо. Он снова посмотрел на часы: десятый час. Где же она?

Кински постучал каблуками об землю и прошелся вокруг «мерседеса». Глупо. Она не придет. Он помахал руками, покидал камушки на лед и выпил еще кофе. Потом пришлось отойти в кусты, чтобы отлить. К половине десятого он продрог до костей, кофе закончился. В десять Кински собрался уезжать.

Он пошел к «мерседесу», бормоча на ходу:

— Черт возьми, куда она запропастилась? Ладно, если ее не интересует моя информация, то, ей-богу, мне есть чем заняться, вместо того чтобы торчать здесь как последний дурак...

Когда он повернул ключ в замке зажигания, из обогревателя вырвался мощный поток холодного воздуха. Кински чертыхнулся, убавил обороты вентилятора и замер — в основание черепа уперлась ледяная сталь. Щелкнул спускаемый предохранитель.

— Не дергайся, — раздался голос сзади. Прятавшийся на заднем сиденье Бен свободной рукой вытащил из кобуры Кински табельный «ЗИГ-зауэр». Теперь, по крайней мере, у Бена появилось заряженное оружие.

Он внимательно рассмотрел Кински: плотный сильный мужчина за сорок, выдавший виды, похож на боксера, нос явно не один раз сломан. С таким опасно связываться: одним ударом уложит — если попадет. Силы в нем больше, чем ловкости, и Бен полагался на свое проворство.

— Какого черта тебе от меня надо? — угрожающе спросил Кински.

Бен промолчал.

Сержанту очень хотелось резко обернуться и оторвать мерзавцу голову.

— Если ты тот самый сукин сын, который увез мою дочь, то могу тебя обрадовать: на этот раз она в безопасности. Теперь ты до нее не доберешься.

— На что мне сдалась твоя дочь? — спросил Бен.

Кински помедлил. Станный вопрос. По-немецки незнакомец говорит неплохо, но с акцентом. Интересно, кто он? Американец? Британец?

Сержант попытался посмотреть назад, не поворачивая головы: взглянуть бы на ухо этого парня. Однако тот старательно прятался. Кто же это?

— Потому что я знаю, что ты убил Ллуэллина, — ответил Кински, проверяя реакцию, и

нагло соврал: — И не только я это знаю. Так что можешь убить меня, если хочешь, толку все равно не будет.

— Оливер Ллуэллин был моим другом, — сказал Бен. — Кто-то убил его, но уж точно не я. Я приехал, чтобы найти того, кто это сделал, и поквитаться с ним.

Бен сунул незаряженный «пара-орднанс» за пояс. Хорошо ухоженный полицейский «зауэр» был полностью заряжен, но вряд ли он понадобится.

Бен приехал на озеро за полчаса до того, как там появился Кински, и спрятался в лесу. Судя по поведению, полицейский вовсе не был подставной уткой с дружками, сидящими в засаде. Никто не станет бросать камни, хлопать руками и бегать в кусты, зная, что за ним наблюдают. Напротив, он бы постоянно оглядывался на спрятанных дружков и нервничал, отчаянно пытаясь выглядеть спокойным. Реакция Кински на приставленный к затылку пистолет тоже убедила Бена в искренности полицейского.

Убедила, но не до конца. Бен всегда отличался осторожностью.

— Кофе не осталось? — спросил он.

Кински почувствовал, что дуло убрали, и медленно повернулся, хмуро разглядывая незнакомца. Тот держал в руке табельный пистолет полицейского, хотя на Кински оружие не направлял.

— Извините, что так с вами обошелся. Я должен был вас проверить. — Бен показал на термос. — От кофе я бы не отказался.

Печка постепенно нагревала салон, но от долгого ожидания в снегу Бен продрог до костей.

— Кофе кончился.

— Тогда придется глотнуть отсюда.

Не выпуская «зауэр», Бен одной рукой достал фляжку и открыл ее. Глотнув виски, он протянул фляжку полицейскому.

Тот покачал головой.

— Я в завязке...

— Похвально.

Бен убрал фляжку.

Кински немного успокоился. По крайней мере, пуля в голову ему больше не грозила — во всяком случае, сегодня.

— Ли Ллуэллин вам кем приходится? — поинтересовался он. — Подругой? Или женой?

— Не подругой и не женой. Я друг семьи.

— И часто у оперных певиц друзья с пистолетами?

Бен улыбнулся.

— Мы с Оливером вместе служили в армии.

Кински кивнул. Значит, бывший военный. Теперь понятно, как он сумел подкрасться так незаметно.

— Как вас зовут? — поколебавшись, спросил полицейский.

— Зовите меня Бен.

— А я Маркус Кински.

— Приятно познакомиться, Маркус. Не покатайтесь ли нам немного? Заодно расскажете все, что знаете о смерти Оливера. Когда я буду уверен, что вам можно доверять, то отвезу туда, где ждет Ли.

ГЛАВА 36

Кински оставил «мерседес» на тихой улочке в центре Вены, и они с Беном вошли в отель «Захер» на Филармоникерштрассе, напротив внушительного здания Венского оперного театра. Для разговора с полицейским Бену требовалось оживленное место, а в центре Вены оживленнее не найти. Даже если кто-то узнает Ли, здесь к ней вряд ли побегут за автографом: музыкальными звездами жителей Вены не удивишь.

В кафе отеля собралось множество людей, чтобы передохнуть от предрождественской беготни по магазинам и выпить чашечку кофе со знаменитым шоколадным пирожным «захер». Бен подвел Кински к угловому столику.

— Где же она? — спросил сержант, ожидавший увидеть Ли. Он терпеть не мог все эти дурацкие кафешки.

— Посидите здесь часик, и я вернусь вместе с ней, — ответил Бен.

— Обалдеть! — хмыкнул Кински.

— За вами будут следить, — соврал Бен. — Если вы позвоните по телефону или вступите с кем-то в контакт, я об этом узнаю и тогда вернусь только для того, чтобы свернуть вам шею. Я понятно изложил?

— Понятнее некуда, благодарю вас.

Бен улыбнулся.

— Ничего личного, Маркус.

Оставшись один, Кински принялся хмуро изучать меню. Появившемуся неприветливому официанту он заказал столько кофе и пирожных, чтобы хватило на час ожидания. Потом сержант сидел и ждал, напряженно размышляя о новом знакомом.

Бен пересек оживленную Филармоникерштрассе, пошел в сторону галереи Альбертина, на остановке сел на трамвай. Ли ждала его в дешевой гостинице на другой стороне Дунайского канала.

После ухода Бена прошло уже больше часа. Кински пил четвертую чашку кофе, когда в дверях кафе появились Бен и Ли. Сержант встал и вежливо поздоровался с подошедшей Ли.

— Я уж думал, вы не придете, — сказал он Бену.

— Еще кофе?

— Нет, с меня хватит, — ответил Кински.

Сняв солнцезащитные очки, Ли положила их на столик. Собранные в хвостик волосы прикрывала шерстяная шапочка. Бен сел рядом.

— Вы, кажется, хотели рассказать мне о моем брате. — Ли пристально уставилась на полицейского.

— Расскажите ей то, что мне говорили, — кивнул Бен.

Кински понадобилось несколько минут, чтобы изложить все подробности. Ли его внимательно выслушала. Он описал, как случайно встретил Мадлен Лоран, которая оказалась Эрикой Манн — имя почти наверняка фальшивое. Вся эта история с Лоран была тщательно сработанной фальшивкой. Кински вытащил из кармана пакетики с гильзами и положил на стол.

— Я нашел их на берегу озера.

Ли вгляделась и поняла, что это такое.

— Откуда гильзы? — удивилась она. — Моего брата не застрелили, он утонул.

— Стреляли не в него, а в лед, — объяснил Кински.

Ли на мгновение закрыла глаза, и он потрепал ее по руке.

Кински рассказал, как попытался снова открыть дело о смерти Оливера, как кто-то забрал Клару из школы и пригрозил ему, как старого начальника полиции внезапно отправили на пенсию, а с его уходом исчезли и шансы возобновить расследование.

— Где сейчас Клара? — озабоченно спросила Ли.

— В надежном месте. С ней все в порядке.

— Расскажите Ли то, что говорили мне про ухо того парня, — попросил Бен.

Кински повторил слова Клары про ее похитителя. Ли посмотрела на Бена широко открытыми глазами.

— Ухо! — воскликнула она. — Тот человек на видео Оливера, у него было изувеченное ухо!

— На каком еще видео? — поинтересовался Кински.

— Нам нужно укромное местечко, где есть компьютер, — ответил Бен.

— Сейчас найдем!

Кински подошел к стойке, спросил управляющего и предъявил удостоверение

полицейского. Через пять минут их провели в конференц-зал в задней части отеля. Они уселись за длинный стол, и Бен вставил компакт-диск в компьютер.

Кински молча смотрел на экран. В конце он нахмурился, но не отвел взгляд, когда жертве отрезали язык и вспороли живот. Ли отвернулась и встала у окна, наблюдая за улицей.

Когда видеозапись подошла к концу, сержант откинулся в кресле и резко выдохнул:

— Вы думаете, это произошло где-то в Вене?

— Посмотрите на время записи, — ответил Бен. — Съемка сделана незадолго до смерти Оливера, значит, это должно быть поблизости. Похоже на большой старый дом, в котором есть подвал или какое-то потайное место.

— Лицо жертвы показалось мне знакомым, — пробормотал Кински. — Где-то я его видел, вот только не помню где...

— А как насчет того парня на переднем плане? Того, с ухом?

Кински кивнул.

— Судя по описанию Клары, скорее всего, тот самый.

— Еще один вопрос, — сказал Бен. — Вам ничего не говорит слово Adler?

— Довольно распространенная фамилия... А что?

— Да нет, я так, просто спросил, — ответил Бен.

— На диске есть еще что-нибудь интересное?

— Только фотографии.

— Покажите.

Бен показал. Кински качал головой, разглядывая каждый снимок по очереди.

— Погодите-ка!.. Вернитесь к предыдущему снимку.

При виде Оливера, играющего в четыре руки на вечеринке, Кински прищурился и ткнул толстым пальцем в сидевшего рядом с Оливером пианиста.

— Я его знаю. Это Фред Майер.

Майера сержант видел всего один раз — когда тот висел в петле. Тем не менее сомневаться не приходилось.

— Что еще вы о нем знаете?

— Он изучал музыку. Вот уж не думал, что они с Оливером были друзьями.

— С ним можно поговорить? — спросила Ли.

— Вряд ли, — ответил Кински. — До него не дозвонишься.

— Он мертв? — догадался Бен.

Кински кивнул.

— Что интересно, Майер умер девятого января.

— В один день с Оливером, — пробормотала Ли, тяжело опускаясь в кресло.

Кински видел ее горе, но ей следует знать правду.

— Предположительно покончил жизнь самоубийством, — объяснил он. — Меня такое объяснение никогда не удовлетворяло. Концы с концами не сходятся — очень подозрительная смерть.

— В каком смысле подозрительная? — спросил Бен.

— Повидал я на своем веку самоубийц, — ответил Кински. — Для такого решения всегда есть какая-то причина. В случае Фреда Майера не нашлось ни единой: в его жизни все складывалось совсем неплохо. Кроме того, я не люблю совпадения. Два музыканта умирают примерно в одно и то же время всего в нескольких километрах друг от друга. Один погиб в результате очень странного несчастного случая. Другой наложил на себя руки по никому не известной причине. Вы бы в это поверили?

— А теперь выясняется, что они были знакомы, — добавил Бен.

Кински кивнул.

— Что только усиливает мои подозрения. Есть и еще одно обстоятельство. У Майера нашли билеты в оперу. На премьеру «Макбета» в прошлом январе, где должны были петь вы. — Он кивнул на Ли.

— Та самая опера, от которой я отказалась, — подтвердила Ли. — Я собралась прилететь

в Вену на репетиции, и тут мне сообщили о смерти брата.

— Билеты в ложу стоят целое состояние, я проверил, — продолжал Кински. — Студенту Майеру такие не по карману, да и семья у него небогатая, так что вряд ли ему их подарили. Откуда он мог взять билеты?

— Никакой загадки тут нет: Оливеру ничего не стоило их достать, — ответила Ли. — Он мой брат и мог запросто получить бесплатные билеты на любую оперу с моим участием.

— В таком случае Оливер и Майер хорошо знали друг друга, — заметил Кински.

— Олли никогда о нем не упоминал, — нахмурилась Ли. — Что следует из факта их близкого знакомства?

— Если Оливер погиб, потому что узнал нечто опасное, то почему умер Майер? — спросил Бен.

— Может, они вместе там были? — предположила Ли.

Бен покачал головой.

— Явно видно, что Оливер был один, иначе бы мы слышали, как они разговаривают, и видели второго, когда Оливер бежал.

— В таком случае что мог знать Майер и откуда? — спросила Ли. — Может, Оливер показал ему видеозапись или рассказал о том, что видел?

— Или они планировали какие-то совместные действия.

Бен задумался.

— Нужно это выяснить поподробнее. Поговорить бы с родственниками Майера.

— Ничего нового вы от них не узнаете: они уже все рассказали полиции, — заметил Кински.

— Тем не менее я бы хотел с ними встретиться. — Бен помедлил, размышляя. — Теперь насчет того места, где вы спрятали Клару. Где оно?

Кински улыбнулся.

— Значит, мы уже доверяем друг другу?

— Если бы я вам не доверял, то оставил бы ваш труп в машине.

— Ну, спасибо, — буркнул Кински. — Ладно. Она в монастыре. Мать-настоятельница — моя старая знакомая.

— Это рядом с Веной?

— Нет, монастырь не в Австрии, — ответил сержант. — Он в Словении, часах в пяти-шести езды на машине. В горах.

— Надежное место?

— Абсолютно. Никто никогда ее там не найдет, никто о нем не знает — включая тех немногочисленных полицейских, которым я еще доверяю.

Бен посмотрел Кински в глаза.

— А можно отправить туда Ли?

Ли вспыхнула.

— Что?!

Кински подумал и кивнул:

— Да, я мог бы это устроить.

— Хорошо, — ответил Бен и повернулся к Ли. — Ситуация стала слишком опасной. Я хочу, чтобы ты оставалась в надежном месте, пока все не утрясется.

— Мы уже говорили об этом! — раздраженно заявила она. — Я никуда не поеду!

Бен пристально посмотрел на нее.

— Я хотел, чтобы ты поехала в Ирландию. Ты не согласилась. Я сдался — и посмотри, к чему это привело.

— Ты от меня так просто не отделаешься! — запротестовала Ли. — Я намерена принимать участие в расследовании, а не сидеть сиднем в ожидании твоего звонка.

— Решай сама, — пожал плечами Бен. — Или мы делаем по-моему, или я умываю руки. Можешь нанять новую банду цирковых клоунов на стероидах в качестве телохранителей. Через неделю тебя уже в живых не будет.

Кински бросил взгляд на Бена: опасный ход, но он сработал. Ли закрыла лицо ладонями и вздохнула.

— Я же с ума сойду! Буду все время дергаться и переживать.

— Зато ты будешь в безопасности, — ответил Бен. — А мне будет спокойнее работать, когда тебе ничего не грозит.

— Он прав, — подтвердил Кински.

Ли снова вздохнула.

— Ладно, — неохотно сказала она. — Твоя взяла.

Бен кивнул.

— Объясните мне, как добраться до монастыря, — попросил он Кински.

Тот улыбнулся.

— Сделаем еще лучше.

ГЛАВА 37

Кински быстро вел «мерседес» по автобану. Они ехали на юг, мимо Граца, Вольфсберга, Клагенfurта и наконец пересекли границу со Словенией. Полицейское удостоверение Кински позволило избежать проверки документов.

К озеру Блед они подъехали уже в сумерках, под сильным снегопадом. Лес густо засыпало, то и дело путь преграждали сломанные весом снега ветки. Дорога все чаще петляла и сужалась, Кински приходилось внимательно вглядываться в нее. Стеклоочистители торопливо метались туда-сюда, выстукивая завораживающий ритм. Ли заснула на заднем сиденье.

Пока Кински вел машину, Бен подробно и без лишних эмоций рассказал все, что знал.

— Орден Ра! — фыркнул Кински. — Скажешь тоже!

— Я знавал одного африканского диктатора, — начал Бен. — Он напялил на голову жестяную корону и провозгласил себя богом. Это тоже звучало очень забавно, но люди быстро перестали смеяться, когда им стали отрезать руки и ноги и заставляли есть отрезанные конечности на глазах у новоявленного бога.

— Ни черта себе! — не удержался Кински.

— Мне наплевать, как эти ублюдки себя называют. Они существуют, и они опасны.

Кински помолчал.

— А что случилось с тем диктатором?

— Его съели, — улыбнулся Бен.

Конечная цель путешествия лежала в вытянутой долине между покрытых снегом гор, в самом сердце Юлийских Альп. Сюда вела единственная грунтовая дорога, сильно заваленная снегом. Пришлось остановиться и надеть на колеса цепи.

Кински вскоре показал на крохотный огонек вдалеке.

— Нам туда.

Старый монастырь стоял почти в полной темноте. «Мерседес» проехал под осыпающейся аркой, осветив фарами неровные стены, и остановился в маленьком дворике. Разбросанные на территории монастыря постройки росли будто прямо из-под земли и вряд ли изменились за последние несколько веков. Парадная дверь из обитого железом дуба почернела от времени и утопала в плюще.

При приближении «мерседеса» арочное окно засветилось теплым светом. Старая дверь скрипнула, и на снег выскочила Клара Кински. За ней вышла высокая женщина в монашеской одежде, с фонарем в руках. На вид ей было за семьдесят, но держалась она прямо и уверенно.

Кински заглушил мотор. Все вылезли из машины, потягиваясь после долгого путешествия. Клара с восторгом бросилась в объятия отца. Ротвейлер Макс тоже выскочил на улицу и налетел на хозяина, подпрыгивая и облизывая ему руки.

Когда подошла монахиня с фонарем, Кински по-дружески с ней поздоровался и представил Бену и Ли:

— Мой старый друг матушка Хильдегард.

Мать-настоятельница приветствовала гостей и провела их через двор, освещая дорогу фонарем. Ли и Бен шли следом, за ними — Кински, державший за руку Клару, и в самом конце трусил счастливый Макс. В стойле мычала корова, в холодном воздухе висели деревенские запахи свежего сена и навоза. За монастырскими зданиями расположилась маленькая ферма с каменными постройками. Матушка Хильдегард прошла через ворота к непритязательному коттеджу.

— Можешь пожить здесь, дитя мое, — сказала она Ли.

Ли поблагодарила монахиню.

— Вы уверены, что я никому не помешаю?

— Садовник Карл жил здесь много лет, — улыбнулась мать Хильдегард, — а потом уехал в дом для престарелых в Бледе. Вряд ли коттедж кому-то понадобится в ближайшее время. Немногим по вкусу наш образ жизни.

— Ну, если я не буду вам в тягость...

Монахиня положила руку ей на плечо.

— Здесь всегда рады всем друзьям Маркуса.

Матушка Хильдегард показала им скромное жилище: внутри было тепло и уютно, в печке потрескивали поленья.

— Я развела для вас огонь, но утром мужчинам придется наколоть дров. — Она кивнула на шкафчик у входа. — Там вы найдете резиновые сапоги и теплые куртки.

На печке стоял чугунок с бараньей похлебкой, от которой шел восхитительный запах. На деревянном столе были приготовлены фаянсовые тарелки и чашки.

Старая монахиня внимательно наблюдала за гостями и прекрасно поняла, что у них что-то стряслось, но задавать вопросы не стала.

— Теперь я вас оставлю. Клара, можешь побыть здесь часок, а потом возвращайся и сразу в постель.

Все устали, и за ужином говорила в основном Клара. Чугунок с похлебкой передавали из рук в руки, пока он не опустел. Бен выпил бутылочку монастырского вина из одуванчиков. Клара взяла фонарь и помчала обратно в монастырь. Макс остался с хозяином, не желая отходить от него ни на шаг.

— Ничего, если он будет спать в нашей с тобой комнате, Бен? — спросил Кински.

Бен уставился на огромную слюнявую псину.

— Лишь бы не в моей кровати.

— Ладно, я окончательно выдохся.

Кински зевнул и пошел по деревянной лестнице на второй этаж. Макс следовал за ним по пятам. Бен и Ли остались наедине.

— Я бы не прочь прогуляться, — сказала она. — Пойдешь со мной?

Они нашли подходящие по размеру резиновые сапоги и вышли в темноту.

Лунный свет отражался от снега, и было светло, почти как днем. Стояла полная тишина. Даже в полумраке от открывающегося вида захватывало дух. Под ногами похрустывал ледяной наст. Ли давно не чувствовала такого спокойствия.

— Я не хотела сюда приезжать... А теперь рада, что ты настоял на своем. Здесь я в безопасности.

Бен кивнул. Кински выбрал прекрасное место, которое никто никогда не найдет. И Ли довольна. Завтра утром можно будет спокойно вернуться в Вену, зная, что ей ничего не грозит.

Они шли довольно долго. Ли хлопала руками.

— Жалко, перчаток нет. Руки совсем замерзли.

— Давай вернемся.

— Нет, здесь очень красиво. И приятно погулять, не боясь попасть под очередь из автомата.

Бен взял ее руки и сжал их в ладонях.

— Надо же, какие теплые! — воскликнула Ли. — Как ты умудряешься не замерзнуть?

Их глаза встретились, и Ли вдруг поняла, что Бен стоит рядом с ней в снегу, держит ее за руки и улыбается. Она отпрянула, спрятав руки в карманы.

— Спасибо, — пробормотала Ли. — Пожалуй, и действительно лучше вернуться.

Утром монахини встали часов в шесть, чтобы накормить скотину и закончить хозяйственные дела до молитвы и завтрака. Одетая в теплую куртку и толстые шерстяные штаны, Клара примчалась к коттеджу и постучала в дверь.

Бен поднялся рано и уже растапливал печку.

— Твой папа спит, — сказал он, впуская девочку.

— Папа всегда любит поспать подольше, если можно! — весело заявила Клара, вешая куртку на спинку стула.

— Поэтому ты решила прийти и разбудить его до рассвета?

Она хихикнула.

— Я хотела показать ему, как сестра Агнесса кормит поросят. Они такие хорошенькие!

— Поросята подождут. Папе надо выспаться.

— А можно мне с вами посидеть?

— Можно. Завтракать будешь?

— Матушка Хильдегард оставила в буфете яйца, — сказала Клара. — В монастыре столько кур, что яйца девать некуда.

— Значит, на завтрак будут яйца.

— Я люблю вареные, чуть-чуть всмятку, чтобы макать в них ржаной хлеб. Пожалуйста, — добавила она.

— Откуда ты так хорошо знаешь английский? — поинтересовался Бен, наполняя кастрюлю водой.

— Я ведь хожу в колледж Святой Марии.

— А там что, на двух языках учат?

Клара кивнула.

— В основном на английском. Папа говорит, что в наше время это самый важный язык.

— К тому времени, как тебе исполнится двадцать, все школьники будут учить китайский.

Клара уперлась локотками в стол.

— Почему?

— Потому что мир все время меняется, — объяснил Бен. — Это взрослые проблемы, тебе о них думать рановато.

— А ваша подруга Ли поет на китайском? У них ведь, тоже есть опера, верно? Я видела по телевизору.

Бен засмеялся.

— Я думаю, у них немного другая опера.

— Я и Ли по телевизору видела. Она пела на итальянском, французском и немецком.

— Да, она умница.

— В прошлом году папа купил мне ее рождественский альбом, — сказала Клара. — Он называется «Классическое Рождество с Ли Лью... Лу...» — Она улыбнулась. — Не могу выговорить.

— Это валлийская фамилия. В Уэльсе говорят так, что язык сломаешь.

— Уэльс в Англии, верно?

— Не вздумай сказать такое при Ли, — улыбнулся Бен.

— Ли — ваша девушка? — хихикнула Клара.

На ее щеках появились ямочки.

Бен обернулся и посмотрел на девочку.

— Ты очень любишь задавать вопросы.

— Надо же мне учиться!

— Таким вещам тебе учиться рановато.

— Она должна быть вашей девушкой, — с серьезным видом заявила Клара, играя

деревянной ложкой. — По-моему, она этого хочет.

— С чего ты взяла?

— Вчера вечером за ужином она смотрела на вас. Вот таким взглядом.

Бен засмеялся.

— Неужели она на меня так смотрела? И как это я не заметил?

— А когда она с вами разговаривает, то делает так. — Клара откинулась на спинку стула, приподняла подбородок и откинула волосы назад. — Значит, вы ей нравитесь.

Бен чуть не подавился.

— Похоже, ты еще меня самого научишь. И откуда ты такие вещи знаешь?

— Прочитала.

— Надеюсь, не в тех книжках, которые тебе дает матушка Хильдегард?

Клара засмеялась.

— Нет, я в журнале у Хельги прочитала.

— Кто такая Хельга?

— Моя няня. По-моему, папе она нравится. Яйца сварились.

Бен вытащил одно и положил на деревянную тарелку перед Кларой.

— А по-моему, барышня, вы слишком много думаете. — Он улыбнулся. — Хватит болтать, ешь.

— Папа тоже так говорит, — пожала плечами Клара и стукнула по яйцу ложкой.

ГЛАВА 38

Через полчаса Ли вышла из своей комнаты. Пахло кофе, тостами и вареными яйцами. Снизу доносился оживленный разговор и смех: Бен и Клара сидели за столом и строили карточный домик. Бен осторожно положил наверх последнюю карту и потихоньку убрал руку. Домик покачнулся, но устоял. Клара замороженно наблюдала, потом набрала воздуха и дунула. Карты разлетелись по столу.

— Так нечестно! — запротестовал Бен.

Клара хихикнула и покачалась на стуле.

Ли тихонько стояла наверху, глядя, как Бен играет с девочкой. Для человека, который не обзавелся семьей и вряд ли сам когда-нибудь станет отцом, он прекрасно ладил с детьми. Клара его явно обожает. Жесткость, которую Ли заметила в Бене, сейчас исчезла: перед ней был тот самый Бен, каким она знала его много лет назад.

«Что было, то прошло», — напомнила себе Ли.

Клара заметила спускающуюся по лестнице девушку и застенчиво улыбнулась.

— По-моему, папа тоже проснулся, — заметила она, склонив голову и прислушиваясь к тяжелым шагам наверху. — Ли, вам лучше уйти с лестницы.

— Почему?

— Потому что раз папа встал, то и Макс тоже. Он помчится вниз, сломя голову и не разбирая дороги, и собьет вас с ног. Он всегда так делает. — Глаза Клары восхищенно округлились при виде пса, вылетевшего из спальни, как пушечное ядро. — Вот, я же говорила!

Ли проворно отступила в сторону, чтобы не быть растоптанной. Клара спрыгнула со стула и выбежала из комнаты вместе с собакой.

— Пойдем, Максик! Я попрошу сестру Агнессу накормить тебя завтраком.

Хлопнула дверь, и в коттедже внезапно стало гораздо тише.

— Славная девочка, — заметила Ли.

— Просто прелесть.

— Ты ей понравился.

— А она мне.

— Бен, тебе никогда не хотелось иметь детей?

— С моей-то работой?

Вчерашняя напряженность исчезла, Ли безмятежно улыбалась. Они сидели и пили

горячий кофе, В спальне наверху слышались тяжелые шаги Кински.

— Вы сегодня уезжаете? — спросила Ли.

Бен кивнул.

— Позже. Скорее всего, вечером.

— Я уже привыкла, что ты все время рядом.

— Так будет лучше.

Ли отпила из чашки.

— Что ты собираешься делать?

— Прежде всего поеду к Майерам.

— Думаешь, они станут с тобой разговаривать?

— Попытка не пытка. — Бен глянул вверх и вдруг воскликнул: — Посмотри-ка! Как я ее раньше не заметил?

На деревянной полочке над низкой притолокой лежала двустволка. Бен взял ружье в руки.

— Чудесная штучка, — сказал он.

— Только древняя.

— Ей лет сто. Тем не менее сохранилась неплохо.

Он осмотрел изящные линии ствола и приклада. Современное оружие жестоко и функционально. Оно эффективно выполняет то, что ему положено, но изяществом не отличается. А вот двустволку сделали с любовью, и мастерством: ручная резьба по дереву и гравированная сталь, а не жесткая резина и пластик.

— Интересно, она еще стреляет? — спросила Ли.

— Такие вещи делали на века, — ответил Бен. — Старый садовник, наверное, охотился с ней на зайцев.

Он попробовал взвести курки: раздалось три громких щелчка, словно заводили старые часы. Курки намертво встали на место. Спусковых крючка было два, один чуть позади другого. Бен по очереди нажал на каждый — они поддались легко и мягко. Механизм был хорошо смазан.

Бен покачал двустволку в руках.

— Не могу удержаться, хочу пострелять.

Поискав, он нашел в одном из ящиков патроны.

На улице снег искрился под ярким солнцем, сиявшим с безоблачного голубого неба. Пахло морозной свежестью.

— Можно и мне с тобой? — спросила Ли.

— Почему бы нет?

Когда монастырь скрылся из виду за склоном заснеженной горы, Бен оглянулся.

— Пожалуй, мы отошли достаточно далеко — не хотелось бы перепугать монахинь. — Он посмотрел на горы в отдалении. — Надеюсь, лавины мы тоже не вызовем. — Он поставил двустволку возле сосны. — Помоги-ка мне.

— Что ты собираешься делать? — спросила Ли.

— Снеговика лепить.

Присев, Бен начал собирать снег в кучу. Ли присоединилась, добавляя пригоршни снега.

— Сто лет снеговиков не лепила! — засмеялась она. — В детстве мы с Олли часто возились в снегу. Дело всегда кончалось тем, что он высыпал снег мне за шиворот, а я изо всех сил лупила его лопатой.

Бен улыбнулся, продолжая сгребать снег. Заметив, что Ли смотрит на него задумчивым взглядом, он спросил:

— Ты чего?

— Все еще не могу поверить...

— Во что?

— В то, что ты изучал теологию.

Бен помолчал, отряхивая снег с рук.

— Что ж тут удивительного?

- Где ты ее изучал?
- В Оксфорде.
- Ничего себе. А зачем?

Бен перестал сгребать снег и посмотрел Ли в глаза.

— Тебя интересует, хотел ли я стать священником? — Он улыбнулся. — Может быть. Тогда я об этом подумывал.

- Неужели ты всерьез собирался стать священником?
- Он добавил пригоршню снега к растущему снеговiku.
- Ли, это было давным-давно. До того, как мы с тобой познакомились.
- Почему ты мне об этом никогда не говорил?
- Потому что это уже был пройденный этап. Что о нем рассказывать?
- И Оливеру тоже не говорил?
- Зачем?

Ли покачала головой.

— Подумать только! Преподобный Бен Хоуп в белом воротничке жил бы в уютном плющом домике где-нибудь на юге Англии и заботился о своей пастве... Почему ты передумал?

- Жизнь — штука сложная. Как-то отошел я от этого.
- Ангел! — вдруг воскликнула Ли.

Бен засмеялся.

— Ты о чем?

— Не так уж далеко ты и отошел. Просто выбрал Другой путь к той же самой цели. Стал ангелом — тем, кто спускается с небес и спасает людей, помогает слабым.

Бен промолчал.

Когда снеговик подрос до четырех футов, Бен скатал шар для головы и прилепил его сверху.

- Нужна морковка для носа, шерстяная шапка и старая трубка, — сказала Ли.
- Бен проделал пальцами две дырки для глаз.
- И так сойдет. Теперь отойди от него.
- Я поняла! — заявила Ли, когда они пошли обратно к сосне, где осталась двустволка.
- Что ты поняла?
- Ты в него стрелять собираешься, верно?
- Ясное дело.
- Ох уж эти мужчины!

Бен переломил ружье и зарядил правый ствол. Приложив старую двустволку к плечу, он навел ее на снеговика. Ли заткнула уши пальцами. Бен взвел правый курок, прицелился с тридцати шагов и выстрелил. Приклад ударил в плечо, по склонам загрохотало эхо.

— Ангел-разрушитель, — сказала Ли.

Бен посмотрел на мишень.

— Какой там разрушитель! Снеговик еще жив.

Выстрел пробил дыру в голове. Бен хмуро посмотрел на ружье.

— Берет вправо...

— Дай мне попробовать! — попросила Ли.

— А я думал, только зеленые мальчишки стрелялки любят, — ответил Бен, передавая ей ружье.

- Зеленые девчонки тоже! Как этой штукой пользоваться?
- Вот так.

Он показал, как переломить ствол, и вытащил дымящуюся гильзу. Ли зарядила ружье, и Бен помог ей правильно взять его, чтобы приклад упирался в плечо.

- Отдача сильная?
- Не очень. Давай.

Ли щелкнула курком, прицелилась и, задержав дыхание, потянула спусковой крючок.

Голова снеговика взорвалась облаком снега.

— Отличный выстрел, — похвалил Бен.

— Я попала!

Ли резко обернулась, выронила ружье и обняла Бена. Все получилось так естественно и непринужденно, что она даже не успела понять, что делает.

Застигнутый врасплох Бен не устоял на ногах, и они вместе повалились в снег. Ли смеялась. На мгновение они вернулись на пятнадцать лет назад. Ли откинула волосы с лица. Щеки у нее разругались, на ресницах застряли снежинки.

Бен и Ли застыли, глядя друг другу в глаза.

— Что мы делаем? — тихонько спросила Ли.

— Сам не знаю, — ответил Бен и погладил ее по щеке. Их лица медленно сблизилось. Вначале поцелуи были легкими и неуверенными, потом Бен обхватил Ли за плечи и притянул к себе. Они долго лежали, обнявшись. Ли ерошила ему пальцами волосы, крепко прижимаясь губами к губам. На мгновение они забыли все на свете — словно и не расставались никогда.

Ли вдруг вырвалась и торопливо встала, Бен тоже поднялся. Они отряхнулись от снега.

— Бен, между нами ничего не может быть, — сказала Ли. — Ты ведь знаешь, прошлое не вернуть.

На секунду повисло смущенное молчание. Бен разозлился на себя. Подняв упавшее в снег ружье, он вытер его насухо и тронул Ли за руку.

— Пойдем-ка обратно.

Поцелуй оставил тень неловкости. Остаток дня чувствовали себя напряженно, не зная, что сказать, пересекли невидимую границу, и пути назад не было. Да и вперед тоже. Бен во всем винил себя: не сдержался. Натворил глупостей.

Чтобы отвлечься, он решил поиграть с Кларой и Максом. Громадный пес был умен, и Бен научил его ждать, пока девочка спрячется, а потом искать ее. Из Макса могла бы получиться отличная полицейская собака, будь он на несколько лет младше. Команду «жди» он освоил за три раза. Пес сидел на задних лапах, дрожа от нетерпения, внимательно всматриваясь и прислушиваясь. Бен ждал две, а потом целых три минуты, чтобы увеличить интервал внимания пса. Потом он тихо командовал: «Найди Клару», и Макс вихрем летел по снегу. Где бы ни пряталась девочка, пес ее находил — и обожал игру не меньше своей юной хозяйки.

Наступил вечер. Бен надевал рюкзак, когда почувствовал за спиной чье-то присутствие. Резко обернувшись, он увидел Ли: она грустно улыбалась, и глаза у нее влажно блестели.

— Береги себя, — сказала она и обняла его, закрыв глаза.

Бен хотел погладить ее по голове, но сдержался и потрепал по плечу.

— Скоро увидимся, — пообещал он.

— Как можно скорее, ладно? — попросила она.

Кински вел машину по заснеженным дорогам. Бену нравилось, что сержант не из тех, кто все время треплет языком. Военные и полицейские, которым часто приходилось подолгу ждать чего-нибудь вместе, обычно не отличались разговорчивостью. Тишина лучше. За час они едва перекинулись парой слов. Бен выдувал сигаретный дым в окно, напряженно размышляя. К фляжке с виски он не прикасался.

— Что тебя связывает с матушкой Хильдегард? — спросил Бен, когда они пересекли австрийскую границу.

— Я знал ее задолго до того, как она стала монахиней, — ответил Кински. — Людям как-то не приходит в голову, что монахини когда-то были обыкновенными женщинами. В то время ее звали Ильзе Кнехт. Она была писателем в Восточном Берлине.

— Как полицейский умудрился познакомиться с писательницей?

— Случайно вышло. Через друзей, на вечеринке. Ильзе пришла мне по душе: умница, любого за пояс заткнет. Мне нравятся такие женщины. За интеллект она и пострадала.

— Как это?

— Чересчур умная оказалась и слишком громко рот раскрывала, — ответил Кински. —

Она писала статьи на тему христианства для газет и журналов. Коммунистам это не нравилось. Потом она написала книгу, которую власти сочли подрывной. За Ильзе стали следить. Обнаружилось, что она общается с людьми, которые уже проходят по их картотеке, — с диссидентами, активистами и прочими маргиналами. Сам понимаешь, чем ей это грозило.

— Нет, — ответил Бен. — Я в армию пришел после падения стены.

Кински кивнул.

— Тебе повезло. В общем, власти получили предлог избавиться от Ильзе. Я узнал по своим каналам, что за ней собираются прийти, и решил, что они не имеют права посылать человека к чертям собачьим куда-нибудь в Маньчжурию только за то, что она написала книгу.

— Значит, ты ей помог.

— Я знал нужных людей, мы сумели ее вытащить. Она приехала в Австрию, стала монахиней. После объединения Германии ей предложили пост настоятельницы в монастыре. Она все еще пишет, хотя и под другим именем. Закаленный ветеран, так сказать.

— Ты спас ей жизнь.

Кински отмахнулся.

— Ерунда, всего лишь подтянул кого надо. Правда, это было нелегко. Никогда не знаешь, кому можно доверять.

— Да, я тебя прекрасно понимаю. А сейчас ты кому доверяешь?

— Ты имеешь в виду, в полиции? — Кински и сам уже давно размышлял над этим. — Есть три надежных парня — мои собственные ребята. Насчет остальных не уверен.

— А начальство?

— Своего шефа я знал почти восемь лет. Вряд ли он был в этом замешан. Кто-то нашел способ его убрать. А может, просто предложили ему побыстрее выйти на пенсию и он согласился. На этой работе шеф совсем из сил выбился.

Они помолчали; колеса наматывали милю за милей.

— Мне понадобится новое снаряжение, — сказал Бен.

— Что именно?

— Патроны для «пара-орданса». Сорок пятый калибр, автоматические. Медные гильзы, без маркировки. Штук двести хотя бы. Не излишки с армейских складов, а что-нибудь качественное, марки «Федерал» или «ремингтон». Можешь достать?

— Попытаюсь, — ответил Кински.

— Или другой пистолет. Самый обычный, никаких наворотов. Калибром не меньше девяти миллиметров.

— Я знаю одного парня...

Снова воцарилось молчание.

— Так что там у тебя с Ли? — вдруг спросил Кински.

Бен замялся.

— Ничего.

— Я же не слепой.

Бен пожал плечами.

— Мы давно знакомы. Когда-то были близки, вот и все.

— Ладно, не стану совать нос куда не следует, — отступил Кински. — Это не мое дело. Просто я хотел сказать...

— Что?

— Если между вами что-то есть, то не разбрасывайся этим.

Бен посмотрел на Кински: лицо полицейского окаменело.

— Не потеряй это, Бен, — повторил Кински. — Такими вещами разбрасываться нельзя. Их нужно ценить. — Он помолчал, крепко стиснув руль, и тихонько добавил: — Я-то свою жену потерял.

*На следующее утро
Австрия, Амштеттен*

Бен долго искал нужный адрес под ледяным дождем. Наконец он оказался перед невзрачным зданием, ничем не выделявшимся среди других таких же домов на извилистой улочке, в десяти минутах ходьбы от железнодорожной станции Амштеттен.

В ответ на стук в дверь в доме залаяли собаки. Подождав немного, Бен снова постучал. Послышались шаги, и за рифленным стеклом дверей показался силуэт. На крыльцо вышел мужчина: полный, с усталыми глазами, пухлыми щеками и растрепанной седой шевелюрой. Из коридора потянуло запахами кухни и мокрой собачьей шерсти.

— Герр Майер?

— Да. А вы кто? — Майер подозрительно прищурился.

Прикрыв большую часть документа пальцами, Бен помахал полицейским удостоверением, которое стянул из кармана Кински, и торопливо убрал его, как только Майер увидел слово «полиция».

— Следователь Гюнтер Фишбаум, — представился Бен, стараясь принять максимально официальный вид.

Майер медленно кивнул и вдруг насторожился.

— Вы не австриец.

— Долго жил за границей, — соврал Бен.

— Что вы хотели?

— Я насчет вашего сына, Фридриха.

— Фред умер, — мрачно ответил Майер.

— Я знаю. Простите, но я хотел бы задать пару вопросов.

— Фред умер почти год назад. Покончил жизнь самоубийством. Какие еще могут быть вопросы?

— Я не отниму у вас много времени. Позвольте войти?

Майер промолчал. Где-то в доме открылась дверь, к Майеру подошла тощая женщина.

— Was ist los?⁵ — встревоженно спросила она.

— Polizei,⁶ — ответил Майер, не оглядываясь.

— Могу я войти? — повторил Бен.

— Это что, уголовное расследование? — спросил Майер. — Мой сын что-то натворил?

— Нет, ничего он не натворил.

— Тогда я не обязан впускать вас в дом.

— Верно, тем не менее я был бы вам благодарен, если впустите.

— Хватит с нас допросов! — закричала женщина. — Мы и так уже пострадали!

— Уходите, — тихо сказал Майер. — Мы больше не хотим говорить о Фреде. Наш сын умер. Оставьте нас в покое.

Бен кивнул.

— Я понимаю. Извините, что побеспокоил.

Он повернулся, чтобы уйти. Тяжелые капли дождя падали с неба и холодили кожу.

Билеты! Два билета в оперу. Один для Фреда, а второй? Для Оливера? Сомнительно. Зачем бы Оливер отдал Фреду оба билета? Он бы свой себе оставил. К тому же не в характере Оливера ходить в оперный театр с женщиной. Оливер везде ходил с девушками, желательно хорошенькими. Да и Фред вряд ли пошел бы с другом. Тогда кому предназначался второй билет?

Остановившись на последней ступеньке крыльца, Бен обернулся. Майер настороженно наблюдал за ним из-за полузакрытой двери.

⁵ Что случилось? (нем.)

⁶ Полиция (нем.)

— Еще один вопрос. Всего один вопрос, и я уйду.

— Какой? — Майер чуть приоткрыл дверь.

— У Фреда ведь была девушка, верно?

— Что случилось? Ей грозят неприятности?

Бен задумался на мгновение.

— Возможно, но я мог бы ей помочь.

Это был последний шанс: если сейчас Майер захлопнет дверь, то след оборвется. Бен невольно занервничал.

Майер молча смотрел на него. Бен ждал, не обращая внимания на холодный дождь, льющий за шиворот.

— В последнее время она нам не звонит, — наконец сказал Майер.

— Где ее найти?

До интернет-кафе Бен доехал на такси. Внутри было тихо, чистенько и почти безлюдно. На длинной стойке из нержавеющей стали стояли кассовый аппарат и эспрессо-машина. В стеклянной витрине лежали пирожные и пончики. На стенах висели в рамках рекламные плакаты фильмов: «Тринадцать друзей Оушена», «Ультиматум Борна», «Лабиринт Фавна» и «Изгой». Заметив последний, Бен ухмыльнулся. В дальнем конце парочка подростков, хихикая, печатала что-то на клавиатуре. Играла негромкая музыка — современная классика.

За стойкой, уткнувшись в книгу, сидела на высоком табурете девушка: симпатичная, пухленькая, на вид лет двадцати. Рыжеватые волосы были аккуратно собраны под белой шапочкой на макушке.

Когда Бен подошел, девушка отложила книгу и, улыбнувшись, затараторила по-немецки.

На этот раз Бен не стал показывать удостоверение полицейского, а просто сказал:

— Я ищу Кристу Флейг.

— Это я, — удивленно ответила девушка. — Чем могу помочь?

— Я друг Оливера Ллуэллина.

Он внимательно наблюдал за ее реакцией.

Кристе слегка передернуло. Она опустила взгляд, лицо исказила болезненная гримаса. Бену стало неловко, что он напоминает ей о таких неприятных вещах.

— Это имеет отношение к Фреду?

Бен кивнул.

— Боюсь, что да. Мы можем поговорить?

— Конечно. Правда, я не знаю, о чем тут говорить.

— Чашечку кофе можно?

Криста подала Бену кофе и заодно налила себе.

— Так о чем вы хотите поговорить? — спросила она. — Как вас зовут, кстати?

— Бен.

— Что вы хотите узнать, Бен?

— Фред и Оливер дружили?

— Вам кажется, что в этой истории что-то не так, верно?

Бен посмотрел на нее. Умная девочка. Он решил ей довериться.

— Верно.

Она вздохнула — с грустью и облегчением. На ее лице отразился беспомощный гнев.

— Я тоже думаю, что дело нечисто. Хотя, похоже, все остальные считают иначе.

— Не все, но сейчас я пока не могу говорить об этом, — ответил Бен. — Мне нужна ваша помощь. Я отниму вас не больше десяти минут.

Криста кивнула.

— Конечно, я расскажу, что знаю. Их нельзя назвать друзьями... так, знакомые. Встретились на какой-то студенческой вечеринке. Меня там не было. Фред сказал, что познакомился с одним веселым англичанином, пианистом. Фред тоже был пианистом.

— Я знаю, — сказал Бен.

— Музыканты всегда болтают друг с другом, — продолжала Криста. — Фред обожал музыку. Для него это был язык самовыражения. Он говорил, что Оливер тоже любил музыку.

— Это верно.

— Они мгновенно поладили и разговаривали часами.

— Вы с Фредом не жили вместе?

Она покачала головой.

— Нет, я здесь менеджер, работаю целыми сутками. Фред снимал дешевую квартиру в Вене. Мы откладывали деньги, чтобы пожениться, когда он закончит консерваторию.

— Простите, что заставляю вас вспоминать...

Криста всхлипнула и вытерла слезинку.

— Да нет, ничего. Если дело было нечисто, то люди должны об этом знать. Я должна об этом знать.

— Вам известно что-нибудь о билетах в оперу? — спросил Бен. — У Фреда нашли два билета на «Макбет». Вы собирались пойти вдвоем?

— Да. Он очень радовался. Фреду никогда не хватило бы денег такие билеты купить. Он обожал Верди и не мог дожидаться премьеры. — Лицо Кристи потемнело, она смотрела перед собой невидящим взглядом. Разве он мог наложить на себя руки? Что за бред! Я всегда говорила, что это чушь собачья, но меня никто не слушал. Думали, что я истеричка с заскоками, не могу посмотреть правде в глаза и смириться с тем, что мой парень повесился, не желаю видеть то, что есть на самом деле. Посоветовали к психиатру сходить. А родители Фреда просто смирились. Не понимаю, ну как они могли?

— Люди обычно выбирают путь наименьшего сопротивления, — пожал плечами Бен. — Куда легче поверить, что человек наложил на себя руки, чем искать убийцу.

— А вы ищете убийцу?

— Да.

— И что вы с ним сделаете, когда найдете?

Вместо ответа Бен спросил:

— Билеты Фреду дал Оливер?

Криста кивнула.

— Расскажите поподробнее.

— Подробностей я не знаю. Фред время от времени подрабатывал в разных местах. В основном в барах, ресторанах — везде, где есть пианино. Выступал с небольшими концертами классической музыки — в узком кругу. Он очень хорошо играл и имел прекрасную репутацию. Однажды ему предложили сыграть на вечеринке на какой-то загородной вилле. Там собиралось изысканное общество — все только в смокингах. С Оливером Фред познакомился за неделю до того выступления. Услышав о нем, Оливер поначалу не проявил особого интереса, просто позддравил, молодец, мол, и все такое — как музыканты обычно говорят друг другу, если не завидуют. — Криста помолчала. — А потом, ночью, Оливер вдруг позвонил Фреду. Сказал, что подумал над его словами и кое-что выяснил. Его внезапно очень заинтересовало предстоящее выступление.

Бен внимательно слушал.

— Оливер принялся расспрашивать все в подробностях, — продолжала Криста. — Хотел пойти вместе с Фредом.

— Зачем?

— Не знаю. Фред объяснил ему, что не сможет достать приглашение: вечер только для своих. Политики там всякие и прочие большие шишки. Везде будет охрана.

— Не пойму, зачем Оливер туда рвался, — заметил Бен. — Такие люди не в его вкусе.

— Со слов Фреда я поняла, что Оливера интересовали не столько гости, сколько сам дом. Он в основном про виллу расспрашивал.

— А дом-то ему зачем понадобился?

— Не знаю, — повторила Криста. — Оливер говорил, что какие-то материалы собирает.

— Больше он ничего не сказал?

— Если и сказал, то Фред мне об этом не говорил.

— Ладно, не важно, продолжайте.

— Когда Оливер позвонил среди ночи, он сделал Фреду странное предложение. Сказал, что может достать билеты в ложу на двоих в Венском оперном театре — на премьеру «Макбета», где будет выступать его сестра. Последняя ложа, последние билеты. Стоят целое состояние. Но Оливер поставил условие.

— Предложил Фреду поменяться? — догадался Бен. — Играть вместо него на вечеринке? Криста кивнула.

— Фред согласился?

— Ему очень не хотелось отказываться от возможности подзаработать, да и сама идея была сумасшедшая. Но Оливер не шутил, даже оплату за выступление предлагал отдать, а Фреду очень хотелось получить билеты. Оливер был хороший пианист: Фред знал, что выступление пройдет прекрасно и его репутация не пострадает. Вот он и согласился.

— И Оливер выступил на вечеринке?

— А про это вам лучше знать, — ответила Криста. — Судя по тому, что писали в газетах, Оливер в тот вечер развлекался где-то в другом месте. Напился вдребезги с какой-то дамой и утонул в озере.

— Значит, Оливер и Фред оба умерли в ту самую ночь, когда состоялась вечеринка?

Криста вздохнула.

— Да, в ту самую ночь.

— Где именно предложили выступить Фреду?

— Не знаю точно. Очень роскошная вилла, настоящий дворец, недалеко от Вены. Принадлежит какому-то аристократу из старинного венского рода.

— Вы не знаете, как его зовут?

Она кивнула.

— Знаю. Фон Адлер. Граф фон Адлер.

ГЛАВА 40

В тот же день

Словения

Клара аккуратно написала правильный ответ на вопрос номер десять и вложила тетрадку в учебник математики. Калькулятора у мамы Хильдегард не было, но девочка и без него хорошо считала.

Оставив учебник на столе, она слезла с жесткого стула и прошлась по кабинету настоятельницы в поисках какого-нибудь занятия. На полках стояли книги в кожаных переплетах. Большинство из них были религиозные и Клару не слишком привлекали. В шкафу валялась парочка потрепанных головоломок, но их она уже собирала. И вообще, головоломки для малышни, а Клара не маленькая. К тому же у Папы Римского все равно левый глаз потерялся.

Девочка посмотрела в окно, на высившиеся в отдалении горы. В монастыре жить здорово, замечательные каникулы получились, вот только бы еще папа приезжал почаще. Монахини Клару не обижали, и с Ли тоже весело было, но девочка скучала по подружкам, по школе, а больше всего по своей няне Хельге, которая буквально стала ей старшей сестрой. Если бы папа женился на Хельге, то у них была бы настоящая семья.

На столе матери Хильдегард стоял старый телефон — единственный на весь монастырь. Клара в жизни не видела такого аппарата: тяжелый, черный, со смешной трубкой наверху, от которой шел витой шнур. Самым странным был диск с дырочками. Из старых фильмов Клара знала, что нужно просунуть палец в дырочку и повернуть диск, чтобы набрать номер. Тонкие пальчики легко вошли в дырки. Интересно, смог бы отец набрать номер? У него такие большие и толстые пальцы...

Невозможно себе представить, что люди когда-то пользовались подобными штуками

постоянно. Клара набрала 1-2-3-4-5, зачарованно наблюдая, как каждый раз диск с тихим шуршанием возвращался на место.

Внезапно девочку осенило. Ей захотелось поговорить с Хельгой, рассказать о своей новой подруге Ли — знаменитой певице, которая выпускает компакт-диски и поет по телевизору.

Клара оглянулась. Из церкви доносилось пение. Она ведь всего на минутку позвонит, никто не станет из-за этого ругаться.

Девочка подняла тяжелую трубку и набрала код Австрии, затем номер телефона. Услышав голос подруги, Клара обрадовалась.

— Хельга, это я!

Ли потягивала кофе, глядя в огонь и наслаждаясь уютом. Бен уехал меньше восемнадцати часов назад. Расставаясь, они едва парой слов перекинулись, а Ли так много хотелось ему сказать. Она обманывала себя, Думая, что разлюбила его. В последние дни ей стало казаться, что она никогда не переставала его любить. Вот только раньше она вела себя как эгоистка и теперь очень об этом жалела. Сама ведь начала целоваться, а потом оттолкнула. Нечестно играть на его чувствах.

Раздался скрип открывающейся двери — на пороге стояла Клара.

— Привет, можно зайти?

Девочка села на стул и принялась болтать ногами.

— Чем ты сегодня занималась? — спросила Ли.

— Да так, всякой всячиной. Матушка Хильдегард дала мне задание по математике. — Клара решила не упоминать о пятнадцатиминутном телефонном разговоре с Хельгой. — Потом я помогала сестре Агнесе кормить поросят и собирать яйца. Теперь я тоже одного хочу.

— Кого?

— Поросят. Правда, в Вене вряд ли можно держать поросят.

— Знаешь, они не всегда такие маленькие и забавные. Очень скоро у тебя в доме будет жить огромный грязный свинтус.

Клара усмехнулась.

— У меня уже живет один — мой папочка.

— Клара, нехорошо так говорить! — упрекнула Ли, не удержавшись от смеха.

— Ли?

— Что?

— Можно посмотреть медальон?

— Конечно.

Ли сняла с шеи тонкую золотую цепочку и передала Кларе сверкающий медальон.

— Красивый!

Девочка повернула украшение, с восхищением разглядывая выгравированные на нем инициалы Ли. Увидев застежку сбоку, Клара нажала на нее, и медальон открылся с легким щелчком. Внутри обнаружили две крохотные фотографии.

— Кто это? — спросила Клара.

Ли наклонилась к ней и показала:

— Двое на этой стороне — мои родители.

— Ваша мама красивая, — сказала девочка и перевела взгляд на вторую фотографию. —

А этот мужчина похож на вас.

Ли кивнула.

— Это мой брат Оливер.

— Где они живут?

— На небесах, — ответила Ли после паузы.

Клара поняла, что имелось в виду.

— Они все на небесах?

— Да. Из моей семьи осталась я одна.

— Моя мама тоже на небесах. Как вы думаете, она знает вашего брата и родителей?

Ли грустно улыбнулась детскому представлению о смерти.

— Они там все друг друга хорошо знают.

— А что они делают на небесах?

— Наверное, играют и веселятся.

— Здорово. Я тоже люблю играть.

— Тогда поиграем?

Клара с восторгом согласилась.

— Давайте пойдем на улицу и будем играть в игру, которой Бен научил меня и Макса.

Ли обрадовалась возможности отвлечься от грустных мыслей и выбраться из домика. Она надела сапоги и теплую куртку и пошла с девочкой на улицу. На чистейшем голубом небе сияло солнце, отражаясь от покрытых снегом гор. Ли и Клара пошли через двор к главному зданию монастыря. Макс обожал снег и кувырчался в нем, взбивая снежные вихри. Из маленькой каменной церкви доносилось пение монахинь — Ли узнала одно из произведений Палестрино.

— Сначала ваша очередь прятаться, — сказала Клара. — Посмотрим, помнит ли Макс, как играть.

Ли забежала за угол дровяного сарая и спряталась за декоративным кустиком. Она слышала, как Клара досчитала до десяти и приказала Максусу:

— Макс, найди Ли! Где Ли?

Макс мгновенно понял команду и, примчавшись к Ли, лизнул ее в лицо. Она потрепала мохнатую голову.

Мелодичные звуки хорового пения вдруг заглушил громкий рокот. Ли посмотрела вверх, прикрывая глаза от солнца: над монастырем зависли два вертолета.

— Наверное, кто-то попал в беду в горах, — сказала Ли.

Рокот двигателей становился все громче — вертолеты надвигались, причем на спасательные они не походили: покрашены в черный цвет и без опознавательных знаков. Что им здесь понадобилось?

Клара тоже посмотрела на вертолеты, потом пожала плечами.

— Моя очередь прятаться! Держите Макса за ошейник и считайте до двадцати.

Девочка убежала. Ли не спускала глаз с черных машин в воздухе, считая про себя: «Восемь, девять, десять, одиннадцать...»

Вертолеты кружили над монастырем, постепенно снижаясь, заглушая хоровое пение монахинь.

Они уже совсем близко.

Ли вздрогнула от нехорошего предчувствия. «Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать... Хватит!»

— Клара — закричала она. — Иди сюда!

Девочка не услышала и продолжала бежать. Макс изо всех сил рвался из рук Ли. Грохот стал оглушительным — вертолеты снизились до высоты в сто футов, исчезнув за крышей монастыря. Они приземлялись.

Что-то не так. Происходило нечто ужасное. Ли отпустила Макса, и тот кинулся вслед за Кларой, которая скрылась за одной из монастырских построек.

Клара бежала, считая на ходу. Вот-вот появится летящий со всех ног Макс. Она оглянулась — и ахнула, ударившись обо что-то твердое. Отлетев, девочка упала в снег.

На нее смотрел сверху вниз высокий незнакомец — холодным взглядом и без улыбки.

ГЛАВА 41

Вена

По небу неслись черные тучи, дул ледяной ветер. Бен купил в киоске газету и принялся читать ее, привалившись к стене на углу Банкгассе и Левелштрассе, напротив Бургтеатра. В

потоке машин появился «мерседес» и притормозил на секунду. Бен сел, и Кински тут же прибавил скорость.

— Забери обратно, пригодится.

Бен кинул на колени полицейского его удостоверение.

— Ах ты мерзавец! Я его обыскался!

— Нашел, что требуется? — спросил Бен.

Кински кивнул.

— Синяя сумка на заднем сиденье.

Бен обернулся и увидел черную «ауди-куаттро» — на три машины позади «мерседеса».

— За нами хвост!

— А ты глазастый. Все в порядке, это мои ребята.

— Что ты им рассказал?

— Не более того, что необходимо, — заверил Кински.

Бен кивнул и забрал с заднего сиденья маленькую сумку. Внутри лежали пять одинаковых картонных коробочек шести дюймов в длину и четырех в ширину. На верхней крышке стояла марка «Федерал», на боковой стороне — надпись: «Патроны центрального боя для автоматического пистолета, 45-й калибр, пуля с цельнометаллической оболочкой, вес 230 гран».

Открыв одну, Бен увидел красную пластиковую упаковку с полудюймовыми дырочками — по пять штук в десять рядов, в каждой — блестящий патрон. Пятьдесят патронов в коробке, всего двести пятьдесят штук. Неплохо.

— Сколько с меня?

— Нисколько. Расскажи лучше, как съездил. Бен достал из рюкзака «пара-орднанс» и, вытащив из него пустую обойму, положил пистолет на колени.

— Прекрасно съездил.

— Выяснил что-нибудь? — поинтересовался Кински.

— Абсолютно все.

Бен быстро пересказал свой разговор с Кристой. Полицейский внимательно слушал, сосредоточенно хмурясь и лавируя в бешеном потоке транспорта.

— Зачем Оливеру понадобилось проникать в дом?

— Сейчас объясню. Криста работает в интернет-кафе. После разговора с ней я полазил в Интернете, перепроверил факты и кое-что нашел. Все сходится. Помнишь, я спрашивал тебя, что такое Адлер?

Кински кивнул.

— Это и есть ключ: не код, как мы подумали, а имя — фон Адлер. Граф фон Адлер.

— Да, слышал о таком.

— А как насчет Кролла?

Кински покачал головой.

— Тот же самый человек, — сказал Бен. — Я выяснил, что Виктор Кролл возглавлял австрийскую тайную полицию с тысяча семьсот восемьдесят восьмого по тысяча семьсот девяносто шестой. За услуги короне император Иосиф II наградил его поместьем и титулом. Кролл стал графом Адлером и получил огромную виллу и земли в окрестностях Вены.

— Это та самая вилла?

— Та самая. Фон Адлеры с тех пор так и живут в ней. Нынешний граф фон Адлер — прапраправнук Виктора Кролла. Есть и еще кое-что, о чем официальная история умалчивает.

— То есть?

— Некоторые обстоятельства не описаны в учебниках истории, потому что письмо, найденное Ричардом Ллуэллином, так и не дошло до историков. Фон Адлер и есть тот самый орел, упомянутый в письме. Профессор Арно говорил, что начальник тайной полиции был одновременно магистром ордена Ра и так называемые «услуги короне» большей частью состояли в уничтожении масонов. А свою виллу фон Адлер использовал в качестве штаба.

— И что дальше?

— А дальше то, что они все еще здесь, Маркус. Оливер их обнаружил.

Кински задумался.

— Значит, Оливер знал об этом?

— Оливер знал половину правды — понял, что налицо связь с обстоятельствами смерти Моцарта, которые он исследовал. Понятия не имею, что именно он ожидал найти на этой вилле. Возможно, надеялся открыть нечто неизвестное историкам. Он и не догадывался, куда попал на самом деле, и случайно стал свидетелем убийства.

— Тогда понятно, почему Майер умер в ту же ночь, — заметил Кински.

Бен кивнул.

— Именно он должен был играть на вечеринке. Когда Оливер сбежал, нашли адрес студенческой квартиры Майера, отправились туда и сразу поняли, что взяли не того, кого нужно. Под дулом пистолета тот наверняка мгновенно выдал Оливера — вероятно, Майеру пообещали оставить его в живых, если он признается.

Кински помрачнел.

— Эти ублюдки все равно убили его, чтобы не болтал. А потом поехали за Оливером.

— Людей у них хватает — скорее всего, за Оливером послали других, чтобы ускорить дело.

Кински нахмурился.

— Погоди. Откуда они узнали...

— Где найти Оливера? Через банк данных полиции. Не забывай, что у них все схвачено. Оливер иностранец, ему пришлось показать паспорт, чтобы получить номер в гостинице. Его нетрудно было вычислить: вряд ли в Вене нашлось много Оливеров Ллуэллинов.

Кински неразборчиво проворчал, соглашаясь.

— Оливеру едва хватило времени, чтобы переписать видеофайл на компакт-диск и отправить посылку единственному человеку, которому он мог доверять, — продолжал Бен. — Потом его настигли. Отвезли на берег озера и, скорее всего, заставили выйти на лед, который разбили выстрелами. У Оливера не было ни единого шанса на спасение.

Бен взял толстый блестящий патрон из коробки и вложил в обойму. С легким щелчком патрон встал на место.

— И что нам делать? — спросил Кински.

Бен вложил второй патрон.

— Я знаю, где находится вилла, и все сделаю сам. Теперь наши пути расходятся.

— Где эта вилла?

— Не важно, я сам разберусь. Потом в газетах обо всем прочитаешь.

— Тебе понадобится моя помощь.

Бен вложил третий патрон.

— Не понадобится. Маркус, я работаю в одиночку.

— Ты и в самом деле чокнутый.

— Нет, сейчас я вполне нормальный, по-настоящему чокнутым ты меня еще не видел.

Бен вставил в магазин четвертый патрон. Движение на дороге было оживленное. На перекрестке Кински включил индикатор поворота и все время поглядывал то в зеркало, то на дорогу, сосредоточившись на вождении.

— Я тебе верю, — сказал он.

Бен молча взял пятый патрон из коробки и вложил его в магазин.

Ни один из них не заметил темный-синий фургон — массивный, бронированный, без опознавательных знаков. Когда «мерседес» повернул, фургон вылетел на красный свет. Загудели сигналы машин. Кински увидел опасность на полсекунды позже Бена и ударил по тормозам, но опоздал.

На скорости пятидесяти миль в час фургон ударил «мерседес» в бок, разломив его пополам.

Словения

Лежа в снегу, Клара видела два черных вертолета, стоящих на поле возле монастыря. Из вертолетов выходили люди в белых комбинезонах с черными штуковинами в руках и быстро разбежались по монастырю. Клара вытаращила глаза: черные штуковины оказались автоматами. Стоявший над ней человек направил такой же прямо на нее.

Мужчина схватил девочку за волосы и рывком поставил на ноги. Клара вскрикнула от боли и страха, и он зажал ей рот ладонью.

Из-за угла вылетела большая черная тень. Заметив, что незнакомец схватил Клару, Макс зарычал и бросился на него. Вцепившись в руку, ротвейлер оттащил мужчину от девочки, бросил на землю и принялся трепать, как тряпичную куклу. Клара завопила. Появились еще двое и выстрелили в Макса. Пес завыл и забился на окровавленном снегу.

Подбегая к монастырю, Ли увидела, что происходит: люди с автоматами перепрыгивали через стену, пинками распахивали двери монастырских строений. Хоровое пение стихло; теперь из церкви раздавались испуганные вопли, которые оборвались после приглушенных выстрелов.

Ли наблюдала за происходящим с бешено колотящимся сердцем.

Один из налетчиков грубо подхватил Клару и понес отчаянно отбивающуюся девочку к вертолетам, не обращая внимания на ее крики. Из церкви выскочила монахиня с искаженным от ужаса лицом — и тут же рухнула навзничь, срезанная автоматной очередью. Убитую схватили за ноги и потащили к церкви, оставляя на снегу кровавый след. Через открытую дверь Ли видела, как окровавленные тела монахинь бросают в кучу перед алтарем.

Ли затрясло. Она была готова на что угодно, лишь бы помочь Кларе, но сделать ничего не могла. Никем не замеченная, она бросилась обратно к домику.

Ружье лежало на полочке над дверью. Помедлив мгновение, Ли схватила его дрожащими руками и принялась копаться в ящиках комода в поисках патронов. Сунув пригоршню патронов в карман, она переломила двустволку, как показывал Бен, и зарядила оба ствола.

С ружьем в руках Ли выскочила из домика, понимая, что нужно бежать со всех ног.

Вылетев в галерею, ведущую к ферме, девушка наткнулась на автоматчика и вскрикнула.

— Брось ружье, — приказал тот и поднял автомат. Времени на раздумья не оставалось. Ли захватила пальцами оба спусковых крючка и потянула. Отдача с силой ударила в плечо.

Выстрел дробью в упор из двух стволов превратил лицо бандита в кровавое месиво. Кровь брызнула на стены галереи. Ли почувствовала соленый привкус на собственных губах. Сплюнув, она перепрыгнула через труп и снова бросилась бежать прочь из монастыря, спотыкаясь в снегу и на ходу заряжая ружье.

Ее заметил другой бандит и погнался следом. Добравшись до монастырской ограды, Ли перемахнула через низкую стену и побежала в лес, под прикрытием зарослей.

У бандита был приказ не убивать женщину без необходимости. Он дал предупредительный выстрел под ноги. Пробегая мимо снеговика, которого они с Беном построили позавчера, Ли обернулась и выстрелила из одного ствола. По долине прокатилось эхо.

Бедро обожгло — бандит хлопнул себя по ноге и увидел на пальцах кровь: несколько дробинок его все же задели. Разозлившись, он прицелился по-настоящему, решив стрелять на поражение. Плевать на приказ, он видел, что эта сучка сделала с Гансом!

Ли бежала зигзагами, чтобы в нее труднее было попасть. Автоматная очередь взбила снежные вихри и сорвала кору с ближайшего дерева.

Магазин автомата опустел. Бандит закинул оружие на плечо и вытащил боевой нож из ножен на поясе.

Ветки цеплялись за одежду и хлестали по лицу, мешая бежать по густому лесу. Дуло двустволки зацепилось, и ружье вылетело из рук. Ли хотела повернуть назад и подобрать его, но преследователь настигал. Она судорожно вздохнула и, пошатываясь, побежала дальше.

Вот только куда бежать? Впереди крутой обрыв, внизу речка — Ли оказалась в ловушке.

Преследователь увидел обрonnenную двустволку и поднял ее. Один курок взведен — в одном стволе еще есть патрон. Бандит улыбнулся. Беглянка была всего в двадцати шагах, на фоне деревьев ее куртка выделялась цветным пятном.

Он прицелился и выстрелил.

Двустволка с грохотом ударила в плечо, отдача дернула дуло вверх. Сквозь облачко дыма бандит увидел, как женщина пошатнулась, упала на колени и попыталась встать, схватившись за молодое деревце, а потом кубарем покатила вниз по крутому склону под треск ломающихся веток.

Преследователь хладнокровно подошел к краю обрыва — высоко. Снизу доносился шум реки. На снегу, там, где упала беглянка, остались пятна крови.

Он вытянул шею, разглядывая дно обрыва. Женщина лежала внизу, в зарослях тростника у реки: рука откинута в сторону, черные волосы разметались по лицу, на губах и горле видна кровь, куртка на груди тоже залита кровью, открытые глаза смотрят в небо.

Он наблюдал за ней десять, пятнадцать, двадцать секунд — она не шевельнулась, не вздохнула, ресницы не дрогнули. Бандит вытащил из кармана маленький фотоаппарат и увеличил изображение, чтобы тело заполнило весь экранчик. Сделав три снимка, он положил камеру обратно в карман.

Сбоку что-то блеснуло: на голой веточке болтался, зацепившись, золотой медальон; металл покрывали капли крови.

Монастырь уже горел, крики монахинь затихли. Первый вертолет взлетал сквозь столб черного дыма. Бандит повернулся и пошел обратно.

ГЛАВА 43

Вена

От удара массивного фургона «мерседес» разлетелся на куски. Машины на оживленном перекрестке пытались затормозить, их заносило, они сталкивались друг с другом... Задняя часть «мерседеса» перевернулась и лежала вверх колесами, а передняя врезалась в тротуар — из-под проехавшего по асфальту днища взметнулись искры.

По дороге рассыпались осколки стекла, растекалась охлаждающая жидкость из разбитого двигателя. Гудели клаксоны, кричали прохожие на тротуаре. Перекресток внезапно превратился в автомобильный хаос, а перепуганные люди в панике разбежались кто куда. Полил ледяной дождь и тут же перешел в град.

Бен потряс головой, вытряхивая из волос осколки стекла. «Мерседес» превратился в кучу измятого железа, сломанного пластика и разбитого стекла. На месте заднего сиденья зияла пустота. У Бена звенело в ушах, перед глазами плыло. Одна картонная коробка открылась от удара, и патроны раскатились. Пахло горелым. Пассажирская дверца слетела с петель.

Слева от Бена стонал оглушенный Кински с окровавленным лицом. С улицы доносились истошные вопли. По крыше «мерседеса» оглушительно бил град.

С трудом обернувшись, Бен увидел, как, взвизгнув тормозами, шагах в пятнадцати от разбитого «мерседеса» остановился бронированный фургон. Задние дверцы открылись, оттуда выпрыгнули пятеро в бронежилетах: лица закрыты черными масками, в руках штурмовые винтовки «хеклер-кох» — с вместительными обоймами и скоростными пулями, способными пробить кирпичную стену или стальной лист. Не обращая внимания на град, вооруженные люди решительным шагом приближались к «мерседесу», направив на него оружие. Оглушительно загремели выстрелы. Пули пробили дверцу и, едва не задев Бена, ударили в приборную доску — посыпались искры от поврежденной проводки.

Затуманенным взглядом Бен посмотрел на свою руку: он все еще сжимал в ладони наполовину заряженный пистолет. Происходящее напоминало кадры замедленной съемки: Бен видел, как приближаются налетчики, но ничего не предпринимал.

«Ну же, соберись!» — приказал он себе, воткнул обойму на место и снял пистолет с предохранителя.

Едва первый патрон попал в ствол, как Бен уже выстрелил — нападающий пошатнулся, но не упал, продолжая стрелять: бронежилет оказался прочным.

Черная «ауди-куаттро» пробилась сквозь хаос на дороге, задевая попадавшие на пути машины. Из машины выскочили трое и выхватили пистолеты — полицейские Кински пришли на помощь. Прячась за дверцами «ауди», они стали стрелять в бандитов. По сравнению с грохотом автоматического огня выстрелы из пистолетов казались тихими хлопками. Автоматы ударили по «ауди», летящие со сверхзвуковой скоростью пули легко пронзили металл насквозь — один из людей Кински выронил пистолет и упал на асфальт. Прохожие с воплями разбежались кто куда, на тротуарах царил паника. Вдалеке завывали сирены.

Перед глазами слишком сильно плыло, чтобы разглядеть прицел, поэтому Бен полагался на инстинкт.

На этот раз пуля попала высоко: налетчик схватился за горло, поскользнувшись на обледенелой дороге. Пуля из винтовки пробила дверцу «мерседеса», пролетев на волосок от головы Бена. Он снова выстрелил наугад два раза. От «ауди» тоже стреляли. Четверо нападавших стали отходить. Сирены завывали все громче, легко перекрывая крики и гомон толпы.

Кински очнулся, вздрогнул от боли и схватился за ногу. Бен пинком распахнул дверцу и выкатился на тротуар, захватив свой рюкзак. Налетчики отступали: на столь серьезное сопротивление они не рассчитывали.

Над лабиринтом брошенных машин виднелись мигалки полиции. Бандиты побежали. Один из ребят Кински лег на прошитый пулями капот «ауди» и трижды выстрелил из пистолета. Убегающий налетчик пошатнулся и навзничь упал на мокрый асфальт, винтовка отлетела в сторону. Остальные трое достигли тротуара и бросились прочь по узкому переулку. Сотрудник Кински показал свой полицейский значок коллегам, высыпавшим из завывающих сиренами машин, и с пистолетом на изготовку бросился к разбитому «мерседесу».

Бен оглянулся на Кински: бледное лицо сержанта было искажено от боли.

— Ногу задело, — пропыхтел он. — Ты иди, догоняй этих.

Бен понимал, что ему нельзя оставаться рядом с Кински: слишком много возникнет вопросов и осложнений для них обоих. Он коротко кивнул сержанту на прощание и побежал, пригибаясь, между брошенными машинами, подальше от разбитого «мерседеса».

Полицейские его не заметили. Пошатываясь, все еще оглушенный, Бен добрался до тротуара и скользнул в переулок, где только что скрылись трое нападавших.

ГЛАВА 44

Бен бежал вниз по переулку, оставив позади сумятицу на перекрестке и завывание сирен. Град перешел в дождь со снегом. Бен перепрыгнул подмерзшую лужу, поскользнулся и чуть не упал. В голове еще гудело после столкновения с фургоном, воздух со свистом вырывался из легких.

Завернув за угол, Бен увидел слева мощенную камнем улочку, узкую и извилистую, ведущую куда-то в дебри старинных городских кварталов. Шагах в пятидесяти впереди бежали три темные фигуры, торопясь добраться до ожидающего их коричневого «вольво». Сквозь пелену дождя вспыхнули задние огни, двигатель взревел. Бандиты запрыгнули в салон, хлопнули дверцы, и «вольво» рванул прочь, стремительно исчезая из виду.

Бен встал посреди мокрой дороги, прислушиваясь к звуку удаляющегося автомобиля. Сердце бешено колотилось, рука сжимала бесполезный пистолет.

Звук вдруг изменился. Взвизгнули тормоза, рев мотора стал приближаться — «вольво» развернулся и ехал обратно. Машина вылетела из-за угла, набирая скорость и направляясь прямо на Бена. За мокрыми стеклами виднелись лица: внутри сидело четверо или пятеро. Бен выстрелил в ветровое стекло — от пулевого отверстия по стеклу разбежались трещины. «Вольво» не замедлял хода. Бен снова прицелился — осечка. Он успел зарядить только пять патронов и уже израсходовал их. Обойма пуста, а коробки с патронами остались в «мерседесе»

— двести сорок пять патронов. Достаточно, чтобы отбиться от небольшой армии, но теперь на них рассчитывать не приходилось.

«Вольво» приближался — сквозь треснутое стекло Бен видел ухмыляющиеся физиономии. Он повернулся и неуклюже побежал, скользя на мокрых булыжниках мостовой. Рев двигателя за спиной заглушал топот шагов в узком переулке.

Не успеть. Столкновение с фургоном слишком сильно подействовало на Бена, силы иссякали.

И вдруг он заметил слева другой переулок, круто спускающийся вниз между старых зданий. Вход туда преграждали три железных столбика: между ними мотоцикл-то едва протиснется, а уж машина точно не пройдет.

Бен проскочил между столбами и полетел вниз по крутому склону, уклон помогал набрать скорость. За спиной резко остановился «вольво». Дверцы распахнулись, грянул выстрел, пуля ударила в стену.

Бен продолжал бежать. Впереди переулок сворачивал направо, давая возможность укрыться от взгляда преследователей. Позади загрохотали шаги. Обогнув рассыпающуюся стенку, Бен очутился на небольшой площади со старинным фонтаном в центре. Привалившись к фонтану, он перевел дух, сунул пистолет за пояс и огляделся. От площади во все стороны расходились улочки — выбирай любую из шести. Бен выбрал наугад и помчался со всех ног, стараясь не топтать, чтобы преследователи не услышали. Погони не было: наверное, они свернули не на ту улочку. Тем не менее медлить нельзя. Бандиты могли разделиться, они знали город куда лучше, к тому же Бен безоружен.

Переулок выходил на какую-то широкую улицу. До нее оставалось тридцать шагов, потом двадцать. Приближаясь к выходу, Бен оглянулся: никого не...

Взвизгнули тормоза. Бен не успел остановиться и вылетел прямо под колеса красного «пежо».

ГЛАВА 45

Удар вышиб из него дух. Бен перелетел через капот, стукнулся головой о ветровое стекло и упал.

Дверца распахнулась, из «пежо» выскочила молодая женщина с искаженным от ужаса лицом. Она бросилась к пострадавшему, который с трудом поднимался на ноги, и затараторила по-немецки, рассыпаясь в извинениях.

Бен встал и привалился к машине. Голова сильно кружилась. Он попытался сфокусировать взгляд на переулке, откуда вот-вот должны были появиться преследователи: пока никого, но погоня наверняка неподалеку.

— Все в порядке, — пробормотал он. — Вы не виноваты.

— Вы американец? — спросила она по-английски, удивленно распахнув глаза.

— Нет, британец. — Он постарался собраться с мыслями. — Меня там избили.

Незнакомка посмотрела на него непонимающим взглядом.

— Ограбили, — объяснил Бен.

Она кивнула и достала мобильник.

— Вот сволочи! Я позвоню в полицию. Садитесь в машину, вам нужно отдохнуть.

— Nein. Нет. Keine Polizei. Не надо звать полицию. Давайте просто уедем отсюда побыстрее.

Бен подобрал упавший рюкзак и съезжился на пассажирском сиденье.

— Тогда нужно отвезти вас к врачу. В больницу. Вы ранены. — Девушка озабоченно посмотрела на кровоточащие ссадины на голове Бена. Закусив губу, она завела мотор, и машина тронулась по мощеной мостовой. — Простите. Я впервые сбила человека. Я...

— Вы не виноваты, — повторил Бен. — Не надо в больницу. Со мной все в порядке, нужно просто немного отдохнуть. Отвезите меня в дешевую гостиницу, этого вполне достаточно.

Она удивилась, но все же кивнула.

— Как хотите.

«Пежо» выехал на оживленную улицу и затерялся в потоке машин. Бен повернулся назад: погони не видно. Будем надеяться, что с Кински тоже все в порядке.

Девушка молча сидела за рулем. Вид у нее был расстроенный. Наконец она покачала головой.

— Знаете, я живу совсем недалеко отсюда. Давайте поедem ко мне? Я обработаю ваши ссадины, а вы немного отдохнете. Пожалуйста, не отказывайтесь, должна же я вам хоть как-то помочь.

Незнакомка права: вломившись в гостиницу в окровавленном виде, он наверняка привлечет слишком много внимания. Да и по голове словно молотком стучали.

— Хорошо.

— Меня зовут Ингрид, — представилась она. — Ингрид Беккер.

— А я Бен... Ох, голова раскалывается!

Зазвонил мобильник Ингрид.

— Да? Привет, Леони. Да... Я не могу сейчас разговаривать, я не одна... Увидимся позже, ладно? Пока! — Она выключила телефон и улыбнулась. — Извините, моя двоюродная сестренка звонила. Мы уже приехали.

Она включила поворотник, и «пежо» свернул в подземный гараж.

Ингрид помогла Бену дойти до лифта и нажала кнопку третьего этажа. Привалившись к стенке кабины, Бен наблюдал за девушкой. На вид ей было лет двадцать пять, короткая стрижка, темные волосы с рыжеватыми прядками. Несмотря на джинсы, дубленку поверх ковбойской рубахи и армейские ботинки, она выглядела весьма привлекательно.

Дверь лифта открылась, Ингрид взяла Бена под руку и подвела к дверям квартиры.

— Как вы себя чувствуете?

— Жить буду.

Квартира Ингрид оказалась маленькой, но уютной. Хозяйка усадила Бена на диван, а сама поспешила в ванную за ватой и антисептиком. В комнате было тепло, и Бен снял кожаную куртку, положив ее на подлокотник дивана.

— Будет щипать, — предупредила Ингрид и обработала ссадины смоченной антисептиком ваткой.

— Ой!

— Извините. Мне ужасно жаль, что все так получилось. Выпьете чего-нибудь?

Бен вытащил фляжку.

— Может, тоже выпьете? — спросил он. — По-моему, вам это даже нужнее.

Ингрид принесла два стакана и села рядом на диван. У девушки была приятная улыбка, карие глаза и мягкий взгляд, в котором чувствовалась печаль. Бен вылил остатки виски из фляжки.

— Ваше здоровье! — сказал он.

— Prost!⁷ — ответила Ингрид.

Они чокнулись и выпили.

— Хорошая штука, — заметила Ингрид. — А шнапс вы пьете? У меня есть бутылочка.

— Не отказался бы.

Голова кружилась чуть меньше, и Бен почувствовал себя лучше. С сотрясением обойдется как-нибудь, а вот усталость накатывала волнами, и бороться с ней не было сил.

— Может, болеутоляющее выпьете?

— Лучше уж шнапс, — устало ответил Бен.

Ингрид засмеялась.

— Слава богу, с вами все в порядке. Я так перепугалась, что убила вас или искалечила...

⁷ За ваше здоровье! (нем.)

Бен допил виски, и девушка налила ему в стакан немного бесцветной жидкости. Бен отхлебнул: по крепости шнапс превосходил виски раза в два.

— Не переживайте, — ответил он. — Убить меня не так-то просто.

— Вы курите? — спросила Ингрид, вытаскивая из кармана смятую пачку «Голуаз» без фильтра.

Бен взял сигарету и достал зажигалку. Длинные пальцы девушки обхватили его руку, когда он поднес огонек к ее сигарете. Бен откинулся на спинку дивана и закрыл глаза.

— А вы редкий экземпляр, — заметила Ингрид, разглядывая его сквозь облачко дыма.

— В каком смысле?

Она тряхнула сигаретой и показала на стакан шнапса в его руке.

— В наше время не часто встретишь мужчин, которые курят настоящий табак и пьют крепкие напитки. — Ингрид улыбнулась. — Теперь все озабочены своим здоровьем. Слюнтяи!

— Моя бабушка-ирландка выкурила за свою жизнь миллион сигарет, — ответил Бен.

— Целый миллион?!

— По шестьдесят в день с пятнадцатилетнего возраста и до самого дня смерти. Сами посчитайте.

— Mein Gott!⁸ От чего же она умерла?

— Напилась на свой девяносто пятый день рождения, упала с лестницы и сломала шею. — Бен улыбнулся, вспомнив старушку. — Умерла счастливой, ничего не почувствовав.

— Все, теперь буду пить и курить на полную катушку! — заявила Ингрид, положив теплую ладонь на колено Бена. Рука задержалась на секунду дольше дозволенного приличиями. — Музыка не хотите послушать?

Она вскочила с дивана и подошла к стереосистеме.

— А Барток у вас есть?

Она засмеялась.

— Вот еще! Под такую музыку только мозгами скрипеть. Слишком заумная для меня.

— Я люблю заумную музыку.

— Интересный вы тип, — заметила Ингрид. — А я люблю джаз. Как насчет джаза?

— У вас есть Дон Черри или Орнетт Коулман?

— Надо же, вы и впрямь заумное любите! — Она провела пальцами по ряду дисков и вытащила один. — У меня есть «Сучье варево» Майлза.

— Майлз пойдет, — согласился Бен.

Они немного посидели, слушая музыку, прихлебывая шнапс и разговаривая. Ингрид поинтересовалась, чем Бен занимается в Вене, и он ответил, что работает журналистом, невольно вспомнив об Оливере.

Глаза жгло от усталости, сознание временами плыло. Бен надеялся, что бешеные ритмы джаза позволят стряхнуть сон, но музыка не помогала.

— Вы выглядите очень усталым, — озабоченно заметила Ингрид. — Может, поспите немного?

— Пожалуй, да, — пробормотал Бен.

— Ложитесь здесь, на диване, — улыбнулась она.

Бен слишком вымотался, чтобы упираться. Девушка выключила музыку, подложила под голову гостя подушку и укрыла его принесенным из спальни одеялом. Бен вырубился.

Ему показалось, что спал он всего несколько секунд. Ингрид сидела на краешке дивана, наблюдая за гостем с заботливым выражением на лице. Он приподнялся на локте и заморгал, просыпаясь.

— Долго я спал?

— Чуть больше часа, — ответила она. — Я проголодалась. А вы как?

Бен потянулся и встал, потом пошел за Ингрид на кухню — маленькую и чистую.

⁸ Боже мой! (нем.)

— Мне не следует здесь задерживаться, — сказал он. — Не хотелось бы навлечь на вас неприятности.

— Да ну, какие там неприятности. Я рада, что вы развеяли мое одиночество. Кроме того, я вас бессовестно использую.

— Как это?

— Упражняюсь в английском, — хихикнула Ингрид.

— Я ведь большую часть времени проспал. Да и с английским у вас все в полном порядке.

— Колбасу будете? — Она открыла холодильник. — Есть еще курица.

Ингрид достала две тарелки и положила на них холодную курятину, ломтики колбасы, хлеб и салат, налила минералки. Бен почувствовал, что еда возвращает ему силы.

Они сидели на высоких табуретах за кухонным столом и разговаривали.

— Я так и не спросил, чем вы занимаетесь, — сказал Бен.

Ингрид поморщилась.

— Работаю в одной крупной компании личным секретарем.

— Вам не нравится ваша работа?

— Терпеть ее не могу! С удовольствием бы ушла.

— Ничего себе. Что ж вы там делаете?

— Вы и представить себе не можете, — ответила она. Улыбка исчезла с ее лица.

— Может, стоит поменять работу? — предложил Бен.

— Это не так-то просто.

Их взгляды на мгновение встретились. Ингрид понравился Бен. Она почти и забыла, когда общалась с мужчиной, который ей действительно нравился. Девушка отвела взгляд.

— Сочувствую, — произнес Бен.

— У каждого свои проблемы, — пожала плечами Ингрид. — Шнапсу не налить?

— Давайте.

Она улыбнулась и пошла в гостиную, вернувшись с бутылкой и стаканами.

— На дорожку, — сказал Бен, взяв стакан.

Ингрид смотрела, как он подносит стакан к губам и делает пару глотков. «Сучье варево», — подумала она.

Бен посмотрел на часы. Головная боль утихла, да и дел полно.

— Мне пора. Приятно было познакомиться. Берегите себя, Ингрид.

— Взаимно.

Она ненавидела себя, ей хотелось закричать.

— Бросьте вы эту работу, если она вам так не нравится, — посоветовал Бен. — Найдите себе дело по душе.

— Если бы это было возможно...

— Не переживайте. Вы славная девушка.

Он дружелюбно потрепал ее по руке. Ингрид отшатнулась, отводя взгляд.

— В чем дело? — спросил он, увидев выражение ее лица.

— Все совсем не так, как вы думаете.

— Что вы имеете в виду?

Ну почему она не послушалась голоса благоразумия и не отпустила его? Бен не такой, как другие. Ей очень хотелось вернуться на пару минут назад и сказать ему, чтобы бежал отсюда без оглядки.

Теперь уже поздно. Он выпил шесть капель, и через несколько секунд отравы подействует. Она не имела ни вкуса, ни запаха, и Бен ничего не поймет. Он еще улыбался, но глаза уже стекленели.

Ингрид знала, что с ним сделают. Она подписала Бену смертный приговор.

Бен соскользнул с табурета на пол, даже не успев толком понять, что происходит. Ноги подогнулись и перестали держать. Он почувствовал, что падает, точно в замедленной съемке. Рухнув на пол, Бен тупо смотрел, как рядом разбился выпавший из рук стакан.

Перед глазами все плыло. Над ним стояла Ингрид, разговаривая по телефону; ее голос

доносился глухо, словно издалека.

— Можете забирать, — сказала Ив, глядя сверху вниз на теряющего сознание Бена. Она присела рядом и погладила его по голове.

— Извини, liebchen.⁹

Через четыре минуты за ним пришли: подняли Бена с пола и унесли в поджидавший фургон.

ГЛАВА 46

Сознание возвращалось медленно. Сначала Бен почувствовал вибрацию там, где затылок прикасался к холодному металлическому полу. В глазах расплывалось, накатывала тошнота. Потом он понял, что жутко замерз: его била такая дрожь, что зубы клацали.

Бен лежал на тряском полу фургона. Металлические стенки подрагивали от рева двигателя. Он застонал и попытался встать. Голова кружилась.

Всплывали обрывки воспоминаний. Квартира Ингрид. Его сбила машина. До этого он убегал от погони.

Кински ранен.

Вспомнил! Ему подсыпали наркотик...

Бен огляделся. Окон не было. Фургон трясся и подпрыгивал. На часах почти шесть вечера. Значит, едут они больше часа. Куда же его везут?

Тряское путешествие продолжалось еще минут пятнадцать. Дорога стала хуже, скорость снизилась. На резком повороте Бена швырнуло к противоположной стене, затем фургон остановился. Хлопнули дверцы, послышались мужские голоса: человека три, не меньше, что-то тараторили по-немецки. Фургон сдал назад; звук мотора вдруг изменился, словно машина въехала в просторный гараж.

Дверцу открыли, и Бена ослепил свет. Сильные руки грубо схватили его и швырнули на пол. Он упал на четвереньки и, моргая, посмотрел вокруг. Его окружили семь... восемь... девять человек. Все с армейской выправкой, серьезными лицами, спокойными и безжалостными взглядами. У каждого в руках пистолет или штурмовая винтовка «хеклер-кох».

Огромное, как собор, каркасное здание походило на старый самолетный ангар. Стены из алюминия, бетонный пол покрашен зеленой краской. В печке со стеклянной дверцей горел огонь, длинная металлическая труба поднималась к потолку. Из предметов обстановки имелись только металлические стул и стол.

Посреди ангара, грея руки над печкой, стоял высокий мужчина в черном. Рыжеватые волосы были коротко подстрижены.

Бен прищурился от яркого света. Мужчина казался знакомым... Кто же это?

Один из автоматчиков подошел слишком близко, и Бен решил на безумную попытку: ударил ребром ладони в горло. Тот придушенно крикнул и упал на пол, схватившись за смятую трахею. Короткоствольный «хеклер-кох» выпал из рук, и Бен подхватил его на лету. Винтовка была взведена, Бен снял предохранитель, надеясь на свое проворство: пока они чешутся, он их всех перестреляет...

Перестрелял бы.

Бен выронил винтовку и упал на пол, содрогаясь в конвульсиях: воткнувшийся в тело зонд соединялся тонкими проводками с электрошоковым ружьем в руках охранника, который вышел из-за фургона. Мощный электрический импульс обездвижил Бена, полностью лишив его контроля над мышцами.

— Хватит! — приказал высокий человек в черном.

Ток выключили, и Бен судорожно вздохнул, распластавшись на бетонном полу. Один из охранников принес главарю рюкзак Бена. На стальной столик вытряхнули смену белья, аптечку

⁹ Мильй (нем.)

первой помощи и «пара-орднанс» сорок пятого калибра.

Однако больше всего главаря заинтересовала коробка с материалами Оливера. Он открыл ее и просмотрел, одобрительно кивая, — то, что требуется. Приказ он имел недвусмысленный: скомкав бумаги, открыл дверцу печки и бросил их туда. Бен опустил голову, чтобы не смотреть, как вспыхнули собранные другом материалы, как свернулись и почернели листки. На этот раз все сгорело дотла — легкий пепел вылетел в печную трубу.

Небрежно дернув за ленточку, главарь развернул письмо Моцарта и пробежал его глазами, скорчив презрительную мину. На мгновение Бену показалось, что письмо тоже отправится в печку, однако его свернули и положили обратно в картонный футляр. Порывшись в разбросанных на столике вещах, главарь вытащил футляр компакт-диска и, убедившись, что диск на месте, сунул его в карман.

— Ведите, — с довольным видом скомандовал главарь.

Бен застонал, когда его подхватили под руки и почти волоком потащили к центру ангара. Со стальной потолочной балки свисала тяжелая цепь, не доходя до пола футов на семь. К голове Бена приставили пистолет, руки развели в стороны — он почувствовал на запястьях холод наручников: по одной паре на каждом запястье. Руки задрали вверх, и свободные браслеты наручников защелкнули на свисающей с потолка цепи. Потом охранники отошли и встали вокруг широким полукругом. Бен вытянулся, едва доставая до пола и стараясь стоять на цыпочках, а не висеть на запястьях. Он знал, что его ожидает.

Главарь подошел поближе, склонил голову набок и гнусно ухмыльнулся. Расставив ноги, он собрал громадную ручищу в кулак и умело ударил, вложив вес всего тела: бить людей ему было не впервой. Бен напряг пресс, но это мало помогло. Удар вышиб из него дух, ноги подогнулись, и он повис на скованных запястьях.

— Рад тебя видеть, Хоуп. Помнишь меня? Я хочу, чтобы ты меня припомнил.

Бен наконец сумел сделать вдох и поднял взгляд на своего мучителя. Теперь он вспомнил.

Мир тесен. Судьба опять свела Бена с Джеком Глассом, тем самым психопатом, который чуть не угодил его пятнадцать лет назад в горах Уэльса.

Бен пытался сообразить, что происходит: как Гласс оказался в Австрии?

Ухмыльнувшись, Джек стряхнул каплю пота со лба и стал закатывать рукава.

— Сколько лет, сколько зим!

Гласс заметно отяжелел со времен службы в армии, но избыточный вес был вовсе не жиром. На руках бугрились мускулы, словно он целыми днями качался, да не один год. Изменилось и еще кое-что: правое ухо было изуродовано, мочка отсутствовала.

Глядя на ухо, ошарашенный Бен сложил дважды два: видеозапись и описание похитителя Клары Кински.

— Ты чего сюда приперся, Хоуп? — насмешливо спросил Гласс. — Проведать мертвого братца своей подружки? Так бедняга давно сдох, уж я-то знаю.

Он размахнулся и врезал пленнику в бок. На этот раз Бен успел подготовиться: напряг пресс и слегка развернулся, чтобы удар пришелся в живот, а не по почке. Все равно было ужасно больно. Он задохнулся, ловя воздух ртом, из глаз посыпались искры.

Гласс отступил назад, потирая кулак.

— Можешь не отвечать. Ты не на допросе и прекрасно знаешь, что значит вот это. — Он похлопал по карману, где лежал компакт-диск. — От тебя я получил все, что требовалось. Ты мне больше не нужен, ясно?

В голове Бена промелькнула тревожная мысль: почему не спрашивают, где Ли?

Гласс потянулся и взял со столика что-то, тускло блеснувшее металлом, — тяжелый стальной кастет. Зажав его в левой руке, он растопырил пальцы правой, просунул их в отверстия и стиснул кастет в мясистой ладони, с улыбкой глядя Бену в глаза.

— Нам с тобой торопиться некуда. Сначала я тебя кастетом обработаю, а потом... — Гласс замолк и с ухмылкой посмотрел на остальных. — Давай уж я тебе сразу покажу.

По его знаку толстый коротышка с жирными седыми волосами, собранными в хвостик, закинул винтовку за спину и вытащил из лежавшей на полу спортивной сумки бензопилу.

Он влил немного бензина в крохотный карбюратор и дернул за шнур стартера. Бензопила сердито зажужжала. Коротышка нажал на дроссель, переводя пилу на холостой ход, потом заглушил мотор и в наступившей тишине положил пилу на стол.

Гласс повернулся к Бену, расплывшись в улыбке.

— Повторяю, допрашивать тебя мне не надо. Поэтому можно повеселиться. Я с огромным удовольствием разделаю тебя на кусочки. — Он наклонился к пленнику, и стало видно, что лицо у него нездорово бледное и потное. — С таким же удовольствием, с каким прикончил твоего дружка Ллуэллина. Да-да, с ним тоже было очень легко справиться.

От этих слов Бен вспыхнул. Гласс только что подписал себе смертный приговор.

Если, конечно, удастся выбраться из этой передраги. На данный момент шансы невелики.

Бен посмотрел вверх плеча Гласса на бензопилу, представив себе, как с жужжанием надвигается лезвие. Достаточно легкого прикосновения, чтобы нанести человеку непоправимый вред. С чего они начнут? Вряд ли с плеча или живота: серьезная травма жизненно важных органов убивает слишком быстро, а им хотелось поразвлечься. С ноги, наверное. Не очень высоко. Направят пилу боком, ниже колена. Сначала легкое давление разорвет одежду и мягкие ткани. Стоит нажать посильнее, и пила врежется в кость — пройдет насквозь, словно горячий нож в масло.

Отрежут одну ногу, потом возьмутся за вторую. Такое нельзя поправить, что бы ни случилось потом. Бен с воплями повиснет на цепи, вращаясь, дергая обрубками ног, заливая потоками крови бетонный пол. А его мучители будут смеяться.

Нет! Ни за что. Он не позволит, чтобы это случилось.

Бен снова дернулся.

Кастет блеснул в свете ламп. Гласс театральным жестом пару раз замахнулся, помедлил, широко улыбаясь, и отвел руку, изучая лицо пленника в поисках цели.

Повиснув на цепи, Бен не сводил глаз со стального кастета, смирившись с тем, что жестокий удар сломает ему переносицу и вобьет зубы в глотку. Это только цветочки. Он собрался с духом, готовясь принять неизбежное.

ГЛАВА 47

Кулак Гласса замер на полпути, остановленный резким окриком. Бен выдохнул и расслабил мышцы.

Гласс опустил руку и повернулся к низенькому старичку лет шестидесяти, который вошел в ангар в окружении четырех охранников со штурмовыми винтовками «хеклер-кох». Незнакомец явно следил за своей внешностью и был одет в темный костюм безупречного покроя со строгим галстуком и длинное твидовое пальто, на ногах дорогие кожаные ботинки. На вытянутом бледном лице выделялся изогнутый крючком нос, а немигающий взгляд делал старика похожим на хищную птицу.

— Планы изменились, — сухо сказал он Глассу на хорошем английском, хотя и с немецким акцентом. — Приведи его в офис.

Мрачный и недовольный Гласс рывкнул на охранников, стаскивая с руки кастет. Двое подошли к пленнику и сняли с него наручники. Бен изо всех сил старался удержаться на ногах: ни за что на свете он не упадет на колени перед этими подонками. Он пошатнулся, отчаянно пытаясь собраться с мыслями.

В спину уткнулось дуло винтовки, и через стальную Дверь в дальнем конце ангара Бена вывели в темный коридор. Гласс шел впереди, показывая дорогу в скудно обставленный офис. На письменном столе было пусто, не считая компьютера с двумя мониторами, смотрящими в противоположные стороны.

Охранники швырнули пленника на металлический стул перед столом. Бен заморгал, преодолевая боль и головокружение, пытаясь сохранить ясность рассудка.

Эlegantный старичок спокойно обошел стол и уселся в кресло на колесиках.

— Меня зовут Вернер Кролл, — негромко и спокойно сказал он.

Бен понял, кто перед ним сидит — нынешний граф фон Адлер.

С минуту старик молча изучал Бена пронизательным взглядом — оставалось только догадываться, о чем он думал. Сморщенное лицо выражало бесстрастное любопытство, блеск в глазах можно было принять за легкую усмешку. Взмахом руки Кролл отпустил охранников. Те повиновались, словно дрессированные псы, и молча вышли из комнаты: когда граф фон Адлер отдавал приказ, медлить не следовало.

Гласс вынул из кармана компакт-диск и передал шефу.

— Вот что я нашел у него, сэр.

Старичок повертел диск в длинных тонких пальцах, потом вставил его в дисковод. Пока диск загружался, в комнате царила тишина. Задумчиво откинувшись в кресле, Кролл просмотрел видеозапись в полном молчании. В стеклах очков Кролла мелькали отраженные кадры.

Закончив просмотр, старичок спокойно вытащил диск, снова повертел в руках и, невозмутимо глядя на Бена, переломил надвое.

— Спасибо, что принесли, — сказал он и бросил обломки на стол.

Кролл взял картонный футляр с письмом Моцарта и вынул свернутый в трубку листок.

— Любопытно, — сказал он, пробежав текст глазами. — Очень любопытно. Теперь я, кажется, понимаю, в чем тут дело — в исследованиях мистера Ллуэллина.

Он со вздохом сложил письмо пополам, потом еще раз пополам и внезапно разорвал пожелтевшую бумагу. Тонкие пальцы рвали листок в клочья, пока сокровище Ричарда Ллуэллина не усыпало стол. Достав корзину для мусора, Кролл аккуратно смахнул туда все до последнего клочка. Бен сидел, не шелохнувшись и не говоря ни слова.

Гласс стоял позади шефа, сцепив руки за спиной и криво улыбаясь. Он так мечтал уничтожить Бена Хоупа. Может, еще удастся, если старикан разрешит. Подумаешь, спецназ! Да он такого спецназовца одной левой!..

Кролл хладнокровно достал из портфеля папку.

— Насколько я знаю, вы, джентльмены, давно знакомы, — обронил граф. — Наверное, приятно снова встретиться после стольких лет.

«И при каждой встрече он пытается меня убить», — подумал Бен, сдержав невольную улыбку.

— Понятия не имею, о чем вы. Меня зовут...

— Пол Коннорс, — вставил Кролл. — Да, мы знаем, что написано в ваших документах. Мои поздравления тому, кто их подделал: очень правдоподобная фальшивка. Интересно, а почему вы не воспользовались именем Харрис или Палмер?

— Вы меня с кем-то путаете. Я журналист.

Кролл нахмурился.

— Предлагаете в кошки-мышки поиграть? А стоит ли? Мы прекрасно знаем, кто вы на самом деле. Какой смысл притворяться? — Он поднял обломки компакт-диска. — И еще мы знаем, зачем вы сюда приехали. — Кролл открыл папку. — Ваше настоящее имя Бенедикт Хоуп. Интересная у вас биография. Учились в частной школе. Изучали теологию в Оксфорде. — Кролл с удивленным видом посмотрел на Бена. — Довольно необычный выбор. Впрочем, карьера священника вас не привлекала: после двух лет учебы вы записались в армию. Могли бы стать офицером, но предпочли пойти рядовым. Проявили выдающиеся способности и быстро продвигались по службе. Прошли отбор в двадцать второй полк спецназа. Заслужили репутацию вольнодумца, неохотно подчиняющегося вышестоящим, а медицинская карточка подчеркивает периодические проблемы с алкоголем. Однако ни один из этих недостатков не испортил вам карьеру. Получили награду за храбрость во второй войне в Персидском заливе и вышли в отставку в чине майора.

Бен молчал, не сводя глаз с Кролла. Тот улыбнулся.

— Не скромничайте. Ваши впечатляющие заслуги — единственная причина, почему я не позволил моему другу Глассу разделаться с вами любым удобным ему способом. — Он опять заглянул в личное дело. — Я вижу, последние несколько лет вы занимаетесь частной практикой

в качестве консультанта по критическим ситуациям. Занятный эвфемизм для вашего рода деятельности, не находите?

Притворяться дальше не имело смысла.

— Что вам от меня нужно? — тихо спросил Бен.

— Только что подвернулось одно дельце. Как раз для вас.

— Какое еще дельце?

— Из таких, к которым готовят в армии.

— Я вышел в отставку.

— Перестаньте, майор, — скривился Кролл. — Я все — решительно все — о вас знаю, так что не пытайтесь мне лгать. Я даже могу назвать имя клиента, который нанял вас для той работенки в Турции, откуда вы возвращались, когда поехали на встречу с Ли Ллуэллин. Вы сопровождали ее в Лэнгтон-холл в Оксфордшире, где повредили кое-какое принадлежащее мне ценное оборудование. С тех пор вы не даете мне покоя. Позвольте показать вам, что я делаю с людьми, которые мне мешают.

— Не стоит беспокоиться, я вполне могу себе это представить, — ответил Бен.

— Нет уж, сделайте одолжение, посмотрите. — Длинными тонкими пальцами Кролл набрал что-то на беспроводной клавиатуре, и мониторы ожили. — Это репортаж из сегодняшней программы новостей.

Снег падал на одетую в теплое пальто и меховую шапку журналистку, за спиной которой дымились каменные руины. На почерневших обломках дерева кое-где еще вспыхивали язычки пламени. По ухабистой дороге тряслись машины спасательных служб с включенными мигалками, над головой грохотал вертолет.

Здание так сильно пострадало, что Бен не сразу его узнал. Заметив ужас на лице пленника, Кролл улыбнулся. Костлявая рука коснулась клавиатуры, и звук стал громче.

«...катастрофа. Предполагают, что пожар, в котором погибли двадцать пять монахинь-доминиканок, был вызван искрой из открытого источника огня. Трагедия уже вызвала требование ввести новые правила безопасности по всей...»

— Что вы сделали с Ли и девочкой?

Кролл ткнул в клавиатуру, и экраны погасли.

— Я как раз собирался вам об этом сообщить. Боюсь, что новости у меня неутешительные. Неотразимая мисс Ллуэллин погибла.

Стоявший за спиной старика Гласс подавил хихиканье.

— Я предпочел бы захватить ее живой, — продолжал Кролл. — Мечтал лично с ней познакомиться. К сожалению, оказалось, что кто-то научил ее обращаться с огнестрельным оружием. Вы не знаете, кто бы это мог быть?.. Она осмелилась выстрелить в моих людей, и им пришлось ее убить.

Ледяные пальцы сжали сердце Бена железной хваткой.

— Вы лжете.

Кролл достал что-то из портфеля и положил на стол.

— Узнаете?

Это был золотой медальон — потускневший, грязный, покрытый ржавыми пятнами засохшей крови.

Плечи Гласса затряслись, по лицу расплылась улыбка. Кролл подтолкнул медальон к Бену.

— Посмотрите внимательней.

Бен взял медальон. Руки вдруг задрожали: на металле были выгравированы инициалы «Л. Л.».

— Откройте, — предложил Кролл.

Бен нажал на крохотную застежку, и медальон открылся. Увидев то, что находилось внутри, он зажмурился. Сердце бешено заколотилось, все надежды рухнули. С фотографий в медальоне на него смотрели Оливер с одной стороны и Ричард и Маргарет Ллуэллин с другой.

В последний раз Бен видел медальон висящим на шее Ли.

Он медленно закрыл медальон и уронил его на стол. В горле пересохло.

— Это еще не доказательство.

— Ладно. Я хотел пощадить ваши чувства, но раз вы так упрямы...

Кролл дотронулся до клавиатуры, и на экране появилась Ли. Она лежала на земле в густых зарослях, глядя в небо мертвыми остекленевшими глазами. Лицо и грудь были залиты кровью.

Бен застыл. Сомневаться невозможно. Она умерла. Ли Ллуэллин растаяла, как облачко.

А он столько всего хотел ей сказать...

Голова закружилась, в глазах потемнело. Бен пошатнулся и зажмурился.

— Она прекрасна даже мертвая, — заметил Кролл, глядя на экран. — Впрочем, это ненадолго. Скоро до нее доберутся дикие звери. Наверное, уже добрались.

Бен потерял дар речи. Внезапно, из пустоты внутри, на него накатила волна ярости. Он резко открыл глаза — и первое, что увидел, был сидевший напротив невозмутимый Кролл, наблюдавший за пленником с видом ученого, изучающего агонию морской свинки и хладнокровно записывающего каждую деталь.

Бен прыгнул через стол. Удар, нацеленный в шею, перебил бы старику дыхательное горло. А потом пусть делают с ним что угодно: он получил бы свое, наблюдая, как старикашка пятнадцать секунд умирает мучительной смертью.

Однако Гласс оказался проворным: рукоять девятимиллиметрового пистолета ударила Бена по голове, прежде чем он дотянулся до старика. Кролл в кресле на колесиках отъехал за пределы досягаемости. В распахнувшуюся дверь вломились охранники, схватили Бена и вновь швырнули на стул. На этот раз руки сковали наручниками за спиной.

Кролл подъехал обратно к столу и поправил галстук.

— Я вижу, вы не в состоянии вести себя цивилизованно.

Бен мотнул головой, стряхивая залившую глаз кровь.

— Кролл, тебе не жить.

— Ошибаетесь, — возразил тот. — Мы еще не закончили. В Словении не все погибли во время пожара.

Он пробежал пальцами по клавиатуре, и на экране возникла новая картинка. Бен сгорбился.

Они захватили Клару Кински.

Камера была маленькая и сырая. Девочка лежала на голом матрасе, запястья и лодыжки были примотаны клейкой лентой к раме железной кровати. Ослепленная повязкой на глазах, Клара слабо вырывалась, словно силы у нее иссякали.

— Это живая картинка с веб-камеры, — сказал Кролл. — Могу доказать, послав по электронной почте приказ отрезать девчонке пальчик у вас на глазах. Хотите посмотреть?

— Нет, — ответил Бен. — Не хочу. Я бы предпочел увидеть кое-что другое.

Странный огонек в глазах пленника на мгновение заставил Кролла насторожиться, но он спрятал опасение под улыбкой.

— Майор, на вашем месте я бы не стал брыкаться. Я собираюсь сделать вам деловое предложение. Поразмыслите над ним как следует. В зависимости от вашего решения ребенок умрет или останется жить — все очень просто.

Бен зажмурился. Перед мысленным взором стояла Ли, смотрящая на него с улыбкой. Успокоив дыхание и сердцебиение, он наконец открыл глаза.

— Я вас слушаю.

— Узнаете ли вы этого человека?

Вместо Клары на экране появился привлекательный мужчина лет сорока в хорошо сшитом, но неофициальном костюме; похоже, снимок сделали на какой-то вечеринке для больших шишек.

— Не узнаю, — честно ответил Бен.

Кролл внимательно следил за ним, будто проверяя, правду ли он сказал.

— Майор, нужно следить за развитием политических событий. Это Филипп Арагон —

кандидат в вице-президенты комиссии Евросоюза. Он — ваша цель.

— Я не наемный убийца.

— Неужели? Ведь именно этому вас и обучали. И вы любите регулярно упражняться, чтобы не потерять полученные навыки. Не так давно, во время вашей миссии милосердия в Турции, вы хладнокровно расстреляли пять человек. — Кролл махнул рукой, словно отменяя сказанное. — В любом случае с чего вы взяли, что его нужно убить? Мы хотим, чтобы вы привезли его к нам, — мы сами о нем позаботимся.

— Могу себе представить, — сказал Бен. — Меня тошнит от того, что орден Ра делает с людьми.

— Орден Ра!

Морщинистое лицо Кролла расплылось в улыбке, он обернулся к Глассу. Тот ухмыльнулся. Кролл вытер губы, и улыбка исчезла.

— Давненько нас не называли этим смехотворным старинным именем. Мой юный друг, орден Ра ушел в прошлое — вместе с его основателем, моим прапрапрадедушкой Виктором Кроллом.

— Однако традиции, как я вижу, сохранились, — заметил Бен. — Такие новомодные штучки, как выстрел в голову, вас не устраивают.

— Кое-кому и пули хватит, — ответил Кролл. — А вот люди вроде Филиппа Арагона заслуживают особого обращения.

— Например, ритуального убийства, — бросил Бен.

Кролл пожал плечами.

— Некоторые традиции забывать не стоит.

— Ну и что вы с ним сделаете? Язык отрежете, как тому парню на видео?

Кролл помолчал, взглядываясь в Бена, словно оценивая искренность его слов, и снова холодно улыбнулся.

— Наказание определяется преступлением. Тот, кто не способен держать язык за зубами, лишается языка. В данном случае у нас другие планы. И они осуществляются через два дня, когда вы похитите Арагона и доставите в назначенное место, где будут ждать мои люди.

Кролл ткнул в клавиатуру, и фотография политика сменилась снимком дома.

Бен взгляделся в необычное здание: ультрамодерновый дизайн из стали и стекла вырос из склона холма. Голубое небо, зеленая трава, холмы до самого горизонта — очень умиротворяющая картинка.

Прикованный наручниками к стулу, окровавленный Бен, потерявший самого дорогого человека, мечтал оказаться в этом спокойном месте. Или в любом другом — лишь бы подальше отсюда.

Кролл нажимал на клавиши, и снимки на экране быстро сменяли друг друга: дом с разных точек зрения, вид спереди, вид сверху, озера и холмы вокруг, архитектурные чертежи и планы. Бен запоминал увиденное.

— Дом расположен в Бельгии, в часе езды от Брюсселя, — продолжал Кролл. — Час назад мне сообщили, что с завтрашнего дня Арагон остается в доме один: жена с детьми уезжает на три дня на свадьбу в Америку. Арагон собирался поехать с ними, но, загруженный работой, передумал. Это прекрасная возможность для человека с вашими навыками — ив вашей ситуации. Вот единственная причина, по которой я сохранил вам жизнь. Пока сохранил.

Экран погас. Кролл откинулся на спинку кресла.

— Если вы успешно справитесь с заданием, то мы вернем девочку отцу, а вы получите свободу. Можете продолжить карьеру наемного убийцы во имя спасения тех, кому нужна помощь, — или как вы там оправдываете свое занятие. — Кролл замолчал, сцепил тонкие пальцы и положил на них подбородок. — Если вы откажетесь или попытаетесь вести двойную игру, то сначала увидите, как умрет девочка, а потом и сами умрете. Надеюсь, я понятно выразился. Второго шанса я не даю.

Бен молчал.

— Майор Хоуп, я прекрасно знаю, что вы собой представляете, — продолжал Кролл. — Я

сознаю, что если мы вас отпустим, то вы наверняка попытаетесь свести с нами счеты. Однако не забывайте: мы можем в любой момент добраться до девочки и ее отца. Кроме того, мы в силах очень быстро положить конец вашему частному бизнесу. Если вы вздумаете играть против нас, то мгновенно окажетесь в Турции. Один мой знакомый очень хотел бы заполучить того, кто убил пятерых его сотрудников.

— Я не убийца, — тихо ответил Бен. — Я спасаю людей.

— Неужели? То есть вы считаете, что убить пятерых ради спасения одного ребенка — это справедливо?

— Двух детей, — поправил Бен. — Двух ни в чем не повинных детей. А члены шайки педофилов были виновны и не собирались прекращать то, чем занимались.

— Какое у вас благородное призвание, майор! Возможно, вы не в курсе, что эти люди служили в полиции? Согласен, полицейские из них были скверные, тем не менее властям не по вкусу, когда самозванные борцы за справедливость убивают их сотрудников.

— Я знал, что они полицейские. Это усугубляло их вину.

Кролл пренебрежительно отмахнулся.

— Возможно. Но сейчас мы обсуждаем не моральные нормы, а вашу судьбу. Сидеть за решеткой в Турции не сахар. Суда не будет, да и амнистии тоже. Лет тридцать вы проведете в весьма неприятных условиях и на свободу выйдете очень старым и больным человеком. Подумайте об этом, майор, прежде чем принять решение. Ваша жизнь принадлежит нам, вы всецело под нашим контролем. Выбора у вас нет — разве что малодушная смерть здесь и сейчас, если откажетесь с нами сотрудничать.

— Похоже, вы все предусмотрели заранее.

Кролл улыбнулся.

— Научились за двести лет.

Бен расслабил напряженные мышцы.

— Почему именно я? — устало спросил он.

Струйка крови стекла на губы.

— По очень простой причине. У Арагона много телохранителей. Мы уже пытались до него добраться, и он стал подозрительным. Его хорошо охраняют. Нам нужен кто-то, доказавший, что может пробраться в охраняемое место незаметно и так же незаметно исчезнуть оттуда. Во-вторых, вы не связаны с нами. Если вас поймают или убьют, в газетах напишут, что какой-то одиночка, неонацист, попытался убить великого человека. — Он улыбнулся. — Разумеется, мне не стоит вам напоминать, что если вас поймают, то рот лучше держать на замке. В противном случае ребенок умрет, а вы получите билет в Турцию — в один конец.

— Мне следует пойти с ним, — сказал Гласс, наблюдая за Беном из-за спины Кролла. — Чтобы не выкинул чего-нибудь.

Старик улыбнулся и покачал головой.

— Думаю, мы можем не переживать: спаситель потерянных деток хулиганить не станет. Он знает, что случится с нашей маленькой гостьей в этом случае.

Довольный собой, Кролл откинулся на спинку кресла. Этой возможности он давно ждал, план был безупречен: Арагон мертв, Хоуп обезврежен и поставлен на службу, Кински вынужден сидеть тихо — и все одним ударом.

Бен опустил голову, напряженно размышляя, нет ли лазейки.

Лазейки не было.

ГЛАВА 48

Вечером того же дня

Вилла фон Адлера

Кролл приготовил для нее новые наряды и украшения. Ив надевала платье с низким вырезом, когда из динамиков послышался тихий голос, приказавший подняться наверх, но не в комнату с зеркалом, а туда, где Ив не бывала почти год, — в спальню Кролла.

Поднимаясь по лестнице, девушка гадала, что он на сей раз задумал. После самой первой встречи секс не был частью их отношений — во всяком случае, секс в обычном понимании этого слова. Мысль о физическом контакте с Кроллом вызвала у Ив отвращение.

По широкому коридору она подошла к двойным дверям. Из комнаты доносился голос — Кролл разговаривал по телефону. Ив прислушалась.

— Должны присутствовать все члены комитета, как обычно. Если все пойдет по плану, а я уверен, что так оно и будет, то дело можно завершить во время моей рождественской вечеринки. — Пауза. — Да, я буду держать вас в курсе. — Снова пауза. — Хорошо. Увидимся через два дня.

Наступило молчание. Немного подождав, Ив постучала в дверь. Одетый в шелковый халат Кролл сидел, выпрямившись, в кресле с подголовником возле горящего камина. В огромной спальне стояла кровать с балдахином, рядом с ней — столик, и на нем бутылка шампанского в ведерке со льдом.

— Шампанского выпьешь? — улыбнулся Кролл.

— Что празднуем?

Ив приняла из его рук хрустальный бокал и отпила немного.

— Появилась возможность избавиться от одной маленькой проблемки, которая долгое время не давала мне покоя. Не стану мучить тебя подробностями, дорогая. — Старик подошел к ней сзади и положил ей на плечи холодные костлявые руки; она закрыла глаза. — Какая ты напряженная, — тихо сказал он.

От его прикосновений Ив затошнило. Она поставила бокал и отодвинулась.

— За что ты меня ненавидишь? — спросил он.

— Ничего подобного, Вернер.

— Я тебе отвратителен. Не думай, что я этого не вижу. От меня ничего невозможно скрыть. — Он пристально посмотрел на нее. — В последнее время ты изменилась. Стала какая-то другая.

Девушка отвела взгляд.

— Не замечала никаких изменений.

Кролл задумался, потирая подбородок и, как всегда, по-птичьему склонив голову набок.

— Кое-что мне непонятно. Ты оставалась наедине с Хоупом очень долго, гораздо дольше обычного. Интересно, почему?

Ив ответила, тщательно подбирая слова:

— С ним пришлось вести себя осторожно. Он гораздо опаснее, чем другие.

— Он очень опасен, — согласился Кролл. — Тем не менее ты не очень-то спешила отделаться от него. Вы оставались наедине почти три часа. За это время многое может случиться.

— Мне нужно было выбрать подходящий момент.

— Чем же вы занимались?

— Разговаривали.

— Разговаривали... И о чем же?

— Так, обо всем понемногу. О жизни, о музыке. Он поспал немного... Зачем ты спрашиваешь? Я доставила его тебе на блюдечке. Сделала то, что ты от меня хотел. Вот и все.

Кролл вопросительно поднял бровь.

— Он спал в твоей спальне?

— На диване! — отрезала Ив. — Думаешь, я с ним трахалась?

— Мне приходила в голову такая мысль. Я понимаю, что у тебя есть потребности. Я видел, как ты смотрела на его фотографию. Он молод и довольно привлекателен.

— Ты хочешь сказать, был молод и привлекателен?

Кролл холодно улыбнулся.

— Да нет, если ты решила, что он мертв, то ошиблась. Он слишком полезен для меня, чтобы его убивать.

— Мне-то какая разница, жив он или мертв. Мне просто не понравились твои вопросы.

Ив умело скрыла волнение и отвернулась.

«Бен Хоуп жив!» — думала она.

Кролл деликатно сделал небольшой глоток шампанского, наблюдая за девушкой.

— Вопросы я буду задавать, какие захочу. Не забывайся!

«Не забывайся!» Эти слова больно ударили Ив. Она резко обернулась.

— Ревнуешь? Думаешь, что я почувствовала к нему что-то, и тебе это не нравится.

Он перестал улыбаться.

— Огрызаешься?

— Тебе это не нравится, потому что в глубине души ты знаешь: ты всего лишь испуганный слабый старикашка, который не способен...

Выпучив глаза, Кролл с размаху ударил ее по лицу.

— Мне потребуется один-единственный телефонный звонок, — предупредил он дрожащим голосом. — Один звонок, и я сотру тебя с лица земли.

— Официально меня уже нет, — ответила она. — Так что можешь довести дело до конца.

— Так просто ты не уйдешь. Я превращу твою жизнь в ад.

— Я уже в аду.

Повернувшись к Ив спиной, он отошел в другой конец комнаты и горько рассмеялся.

— Зря я помешал засадить тебя за решетку шесть лет назад.

Ив постоянно сожалела о том же самом. Все эти шесть лет она была его рабыней.

Двадцатилетнюю Еву Шульц в Гамбурге не держало ничего, кроме пьянчужки матери и отца, осыпающего дочь побоями. Тогда у нее были настоящие документы. Она села на попутку и каким-то образом умудрилась проехать через всю страну. Ева быстро научилась зарабатывать деньги на своей привлекательности. Постепенно она стала мастером в том, на что соглашаются не многие девушки. Ее популярность росла, у нее появились особые клиенты — многие из них были богаты и приезжали на лимузинах в сопровождении телохранителей.

Кролл был ее клиентом лишь однажды. Никакого секса не получилось. С тех пор он предпочитал только смотреть и при этом едва ослаблял узел галстука.

Русский был совсем другой. Неряшливый толстячок обожал грязные штучки, а при виде Евы у него текли слюнки, как у мастиффа при виде куска мяса. Это ничего, с этим она умела справляться. Толстяк нанял ее на всю ночь. За дверью тихо ждали два охранника с автоматами «кузи». Телохранителям было не привыкать к доносящимся из комнаты звукам.

Утром охранники исчезли. Ева Шульц проснулась, чувствуя непривычную разбитость, и решила, что все дело в водке, которую принес с собой толстяк. Ей и в голову не пришло, что в водку подсыпали наркотик. Только когда босая нога прилипла к полу, Ева почувствовала неладное. Посмотрев вниз, она увидела залитый кровью пол: русского зарезали. Его распухшее тело лежало в ногах кровати. Позже на нем обнаружили шестьдесят семь колотых ран.

Ошеломленная Ева, пошатываясь, выходила из комнаты, когда туда ворвались мужчины. Одного она узнала — это был Вернер Кролл. Он предъявил ей какие-то документы, стал говорить что-то о контрразведке, но Ева ничего толком не поняла: слишком испугалась, да и от действия наркотика еще не отошла. Ее посадили в машину и отвезли в комнату без окон. Девушке объяснили ситуацию, сказали, как ей повезло, что полицейские не добрались до нее первыми.

Они проявили сочувствие: да, конечно, она невиновна. Но кто же поверит шлюхе? На ноже ее отпечатки, все выглядит очень скверно. Клиент был очень важным человеком, и суд выдаст ей на полную катушку — она проведет в тюрьме остаток жизни.

Кроме того, у Кравченко были связи. Еве не объяснили, какие именно; достаточно знать, что ее и в тюрьме достанут. Однако при некотором условии ей помогут все уладить.

Жизнь внезапно перевернулась вверх дном, и до смерти перепуганная девушка не смогла отказаться от предложения Кролла. Она обеими руками ухватилась за протянутую ей соломинку, согласившись на все.

Ева не попала ни в тюрьму, ни под суд. Ее отвезли на какую-то закрытую базу, выделили жилье — неприятную, но удобную квартирку. Она смирилась с заточением, с

охранниками возле дверей, с полным отсутствием связи с внешним миром. Шли месяцы. Ева не спрашивала, как развивались события, да ее это и не волновало. Она в безопасности, а остальное не важно. Раз в неделю приходил Кролл, проверяя, все ли в порядке и как о ней заботятся. Он ничего не говорил о происшествии с Кравченко. Ева думала, что Кролл захочет секса, но этого не случилось.

По официальной версии, Ева Шульц погибла вместе с русским. На самом деле Ева превратилась в Ив — в несуществующую Ив, в призрак. Она никогда не спрашивала, кто на самом деле убил русского или чье тело использовали вместо ее собственного и как его добыли. Она хотела забыть случившееся и начать жизнь заново.

Конечно же, за это пришлось платить.

Через шесть месяцев, после пластической операции, изменившей ее лицо, она переехала с военной базы на большую виллу и оказалась в полном распоряжении Кролла. У нее были наряды и драгоценности. Кролл научил Ив разговаривать, вести себя и одеваться, как настоящая леди. Ив поразила собственным актерским способностям.

Она задыхалась под властью старика. Чем больше Ив узнавала о том, кто он такой на самом деле и чем занимается, тем глубже он затягивал ее в свой мир. Информация. Манипуляции. Власть. Ив была приманкой, которую охотно заглатывали тщательно выбранные жертвы.

Однажды Кролл привел Ив к себе в кабинет, открыл сейф и велел заглянуть внутрь. В пластиковом пакете лежал нож, которым убили Кравченко, — все еще покрытый засохшей кровью и с отпечатками Ив на рукоятке. Кролл ничего не сказал, просто дал ей посмотреть на нож.

Теперь к списку преступлений добавилось множество новых, и в некоторых из них Ив была замешана напрямую. Ей никогда не выбраться отсюда, никому не рассказать правды. Потому что тогда она и в тюрьму попасть не успеет.

Девушка молча наблюдала, как Кролл подошел к камину и встал спиной к ней. Лицо у нее горело от пощечины.

— Ты прав, Вернер, — сказала она. — Я в самом деле тебя ненавижу.

Он обернулся, обнажив в усмешке желтые зубы.

— Никогда не сомневался. Только никуда ты от меня не денешься.

— Ты лишил меня выбора.

— Разумеется. Кстати, для тебя есть небольшое задание.

Она поморщилась. Что он на этот раз придумал?

— Тебе это может понравиться. Получишь возможность развить свой неиспользованный материнский инстинкт: у нас поживет Клара Кински. Я хочу, чтобы ты о ней позаботилась и утешила. Если понадобится, силой.

Даже Кролл не опускался раньше до похищения детей. Сердце Ив заколотилось.

— И долго ты собираешься держать здесь девочку?

— Недолго, — улыбнулся он. — Всего лишь до конца ее жизни.

ГЛАВА 49

Бен лежал на спине, глядя в темный потолок. Перед глазами плыло. Он посмотрел на часы: прошло всего пять минут. Мозг работал так лихорадочно, что минуты казались часами.

Бен сто раз проверил камеру в поисках возможного выхода. Свет проникал только через зарешеченное окно под самым потолком. Бен подпрыгнул, вскарабкался наверх и ухватился за холодные стальные прутья. Уперевшись коленями в стену, он рванул изо всех сил — намертво вделанные прутья даже не дрогнули. Из бетона их разве что трактором вытащишь.

Спрыгнув обратно, Бен в полумраке ощупал каждый миллиметр стен: абсолютно гладкие, с толстым слоем штукатурки — ни единой зацепки. Тогда он попробовал дверь. Она оказалась сделанной из сплошного листа железа, петли спрятаны, заклепки вровень с поверхностью двери. В качестве последнего шанса Бен осмотрел кровать: не найдется ли что-то, что можно

использовать как рычаг или молоток. Увы, стальная рама сварена надежно, ножки вделаны в бетонный пол.

Но сильнее тюремных стен Бена угнетали собственные мысли.

Ли умерла. Ли больше нет.

И он сам в этом виноват: оставил ее одну. Она умерла одна, незащищенная и испуганная.

Точно так же, как умер Оливер. И в этом тоже виноват он, Бен. А теперь взяли в заложники маленькую девочку... Завтра он должен приступить к выполнению задания. Ему дадут все необходимое: машину, одежду, деньги, оружие и телефон, чтобы позвонить, когда жертва будет в его руках. Потом Бена отпустят на свободу — и он уже знал, что сделает первым делом. Тем не менее никогда в жизни он не чувствовал себя таким беспомощным.

Бессмысленно разбивать в кровь руки, барабанив по стальной двери. Бессмысленно орать, разрывая голосовые связки. Биться головой об стенку тоже бессмысленно. Он принял упор лежа и заставил себя сделать тридцать отжиманий на кулаках, не обращая внимания на боль в мышцах. Теперь еще тридцать. На несколько минут боль вытеснила из сознания все остальное. Это помогло сосредоточиться и решить, что делать дальше.

Скрежет ключа в замке заставил Бена вздрогнуть. Дверь открылась, пропуская луч света из коридора, и в камеру скользнула темная фигура.

Женщина явно нервничала. Бен узнал гостью.

— Что вам здесь нужно? — неприветливо спросил он.

— Я не могла не прийти. — Ее глаза влажно блеснули.

— Как вам удалось попасть сюда?

Она показала связку ключей.

— Кролл держит запасные ключи у себя в кабинете.

— Что вам нужно, Ингрид? Или сегодня у вас другое имя?

Ив вздрогнула и приложила палец к губам.

— Тише! Там Гласс. Меня убьют, если узнают, что я к вам приходила.

— Тогда я их позову, — заявил Бен. — Может, они дадут мне на это посмотреть.

— Простите меня, — попросила Ив.

— В нашу последнюю встречу вы говорили то же самое.

Девушка нерешительно подошла к нему. В тусклом свете из окошка Бен видел, что глаза у нее широко раскрыты и блестят от ужаса.

— Меня зовут Ив, — пробормотала она. — Это мое настоящее имя. Я говорю правду, честное слово.

— Да наплевать мне на ваше имя. Что вам от меня надо?

— Они захватили девочку.

— И вы пришли, чтобы сообщить мне об этом?

— Я хочу помочь! — настойчиво прошептала она.

— Я вам не доверяю.

— Простите, что так получилось. У меня не было выбора. Поверьте.

— Второй раз вы меня не обманете.

— Но я могу помочь! — запротестовала она. — Пожалуйста, выслушайте меня. Я кое-что знаю.

Бен чувствовал ее страх. Такое не сыграешь — Ив говорила правду.

— Хорошо, я вас слушаю, — согласился он.

— Они что-то задумали. Кролл планирует вечеринку, общий сбор. Кого-то собираются убить.

— Кого? — спросил Бен, хотя уже знал ответ.

Она покачала головой.

— Кого-то очень важного для них. Каждый раз, когда устраивают такую вечеринку, кого-то убивают. Они подают сигнал — обычно с девяти до десяти вечера, когда веселье в полном разгаре и гости отвлечены музыкой. Мужчины выходят из зала по одному и собираются в особой части дома. Там все и происходит.

— Кто эти люди? — спросил Бен.

— Партнеры Кролла по бизнесу. Больше я про них ничего не знаю. Пожилые мужчины в деловых костюмах — политики, богачи... Убийцы. Они заставляют людей исчезать.

— Где это происходит?

Ив нервно оглянулась на дверь камеры.

— На вилле есть домашняя церковь. По-моему, там они и собираются. Кролл всегда держит ее запертой.

— В ней сводчатый потолок? Колонны? Выложенный черно-белой плиткой пол?

— Не знаю, — повторила она. — Может быть. Я хотела рассказать вам кое-что еще — про девочку.

— Ее зовут Клара?

Ив кивнула.

— Они намерены ее убить — потом, когда все закончится. Сделают ей смертельный укол.

Бен хмуро посмотрел на Ив.

— Зачем вы мне все это рассказываете? И почему именно сейчас?

— Потому что хочу спасти девочку! Их нужно остановить, они зашли слишком далеко. — Она заглянула ему в глаза честным, умоляющим взглядом, потом покосилась на дверь. — Меня уже тошнит от всего этого, — сбивчиво зашептала Ив. — Когда Кролл сказал мне про Клару, я решила, что это нельзя так оставить. Пожалуйста, поверьте мне! Я не хотела усыплять вас, мне просто ничего другого не оставалось! Меня крепко держат на поводке — так же, как и вас теперь. Они всегда так делают: ловят человека в западню, а потом используют его.

Бен помолчал, обдумывая услышанное.

— Где мы находимся? — спросил он.

— На старой армейской базе возле Эрнстбрунна, к северу от Вены. База принадлежит Кроллу.

— Где держат девочку?

— На вилле.

— На вилле фон Адлера?

Ив кивнула.

— Да. Она в закрытом и охраняемом помещении.

— Объясните мне, где именно находится вилла.

— В пяти километрах к югу от Вены. Я вас туда отвезу. У меня есть машина, я вытащу вас отсюда.

В узком коридоре громко хлопнула бронированная дверь, тяжелые шаги эхом отдались от стен.

— Это Гласс! Он меня убьет! — в ужасе ахнула Ив.

Бен замер. Спрятать девушку негде.

Шаги приближались к двери камеры. Времени на раздумья не оставалось.

— Поцелуйте меня, — сказал Бен, обнимая Ив.

Она вздрогнула, потом догадалась, что он задумал. Возможно, им обоим удастся вывернуться. Ив обхватила Бена руками за шею и прижалась к нему. Губы у него были мягкие и теплые.

Дверь камеры распахнулась, ударившись об стену. На пороге появилась высокая широкоплечая фигура Джека Гласса. Увидев целующуюся парочку, он рассмеялся.

— Надо же, как романтично! Значит, старик прав: ты действительно трахалась с этим недоумком!.. Еще захотелось?

— Я должна была его увидеть, — ответила Ив. — Я люблю его.

Она отодвинулась от Бена. Гласс, пригнувшись, вошел в камеру, схватил девушку за локоть и потянул прочь.

— Ну все, шлюха, ты в дерьме по самые уши!

— Не трогай ее, это я виноват! — заявил Бен.

Гласс презрительно усмехнулся.

— Пожалуйста, не говори ничего Вернеру! — умоляла его Ив. — Он меня убьет!

— Кто бы сомневался. Сначала убьет и только потом использует по назначению. — Гласс замолк, обдумывая открывающиеся возможности. Теперь Ив у него в руках! Он получил то, чего давно добивался. — Возможно, мы с тобой сумеем прийти к взаимовыгодному соглашению...

Бен не сводил глаз с «Беретты-92» на поясе Гласса. До пистолета всего четыре шага. Мерзавцу можно свернуть шею, прежде чем он поймет, что происходит. Схватить оружие и перестрелять остальных охранников.

Грубо, но может сработать.

Бен сделал шаг вперед, потом еще один. Ив отбивалась от Гласса.

В камеру вошли пятеро охранников и мгновенно взяли Бена на мушку. Теперь шансов не оставалось. Бен застыл на месте.

— Пока, крутой ковбой! — попрощался Гласс.

Он потащил Ив прочь; девушка смотрела на Бена умоляющим взглядом. Охранники тоже вышли. Стальная дверь захлопнулась, в замке повернулся ключ.

ГЛАВА 50

На следующее утро

Вилла фон Адлера

Клара пришла в себя. Во рту чувствовался противный привкус, голова кружилась. Сколько же она спала?

Память вернулась: это был не кошмарный сон!.. Она кричала и колотила в дверь, пока не отбила руки. Наконец дверь открылась, и вошел старик с загнутым, как клюв ястреба, носом и неприятной улыбкой. Похожие на черные камешки глаза смотрели холодно. Тот, который однажды назвался Францем, тоже был здесь. Теперь Клара знала, что на самом деле его зовут по-другому. Вот ведь гад! Хоть бы на его ухе был вовсе не шрам, а жуткая язва, которая расползется по всему лицу, чтобы до смерти нельзя было показаться людям на глаза! Это он прижал ее к кровати, не обращая внимания на попытки вырваться, — он очень сильный.

Потом пришел другой человек — врач. А может, он просто надел белый халат врача. Слишком неприятная у него улыбка. В руке незнакомец держал небольшую сумку, из которой вытащил шприц. Клара дралась и брыкалась, но ее держали крепко. Иголка больно воткнулась в руку, а потом перед глазами потемнело.

Девочка пощупала руку — место укола болело. Клара протерла глаза и огляделась: маленькая комната почти без мебели, на полу разбросана еда — она сама перевернула поднос, когда ей принесли поесть. Еще они дали дурацкую тряпичную куклу, будто это могло ее утешить. Клара бросила куклу в лицо одному из тех, кто привел ее сюда и закрыл в комнате. Игрушка так и валялась у дверей.

Клара задумалась, пытаясь определить, сколько времени она здесь пробыла. Наверное, целую вечность. Ей очень хотелось увидеть папу. Интересно, где он?

Она склонила голову набок, прислушиваясь. Кажется, за дверью кто-то тихонько разговаривает. Клара знала, что в коридоре всегда дежурит охранник. Может быть, Франц. Или белокурая девушка, которая иногда к ней заходила. Девушка выглядела какой-то грустной. Она вроде бы относилась к Кларе лучше остальных, но девочка все равно ей не доверяла.

Сидя в постели, Клара посмотрела на окно: очень высоко, прямо на потолок. В него видны только черные тучи на пасмурном небе. Шума машин снаружи не слышно. И все равно там могут ходить люди. Привлечь бы их внимание...

Клара с трудом выбралась из постели. Ноги были словно свинцом налиты. Оказывается, ее переодели в синюю пижаму на размер больше, сложив одежду аккуратной стопкой на кресле. Стряхнув стопку на пол, Клара медленно подтащила кресло под окно, ухватилась за подлокотник и поставила на сиденье сначала одну ногу, потом вторую. Пошатываясь, она выпрямилась и протянула руку как можно выше. Пальцы едва коснулись задвижки.

В четырехстах ярдах от виллы Бен лежал на толстой ветке, подкручивая колесико цейссовского бинокля, чтобы навести резкость. Холодный ветер лениво раскачивал дерево — лишь бы ветка не сломалась, а то падать высоко будет.

Кролл все же кое в чем просчитался: Бен знал, что Клару держат на вилле, и знал, где искать саму виллу. И найти ее труда не составило. Как только его выпустили из камеры и снабдили всем необходимым, Бен думал только об одном. Черт с ним, с Филиппом Арагоном. Нужно найти и освободить Клару. И пусть только попробуют встать у него на пути! Убедившись, что девочка в безопасности, он вернется за Кроллом, Глассом и остальными.

Однако теперь, увидев виллу, Бен понял, что из его плана ничего не выйдет.

Это была настоящая крепость: виллу окружала высокая каменная стена длиной в километры, через каждые несколько сотен ярдов стояли башенки, вход всего один — гигантские железные ворота под аркой, выкрашенные золотой краской и с пиками наверху. На каждом столбе у ворот — бронзовый орел. За воротами стояла будка, возле которой расхаживали охранники. Широкая дорожка вела к каменным лестницам и балюстрадам, фонтанам и садам. Над всем этим великолепием, на фоне сосновых лесов и гор, высился величественный дом из белого камня. Бен осмотрел фасад в стиле барокко: десятки чердачных и слуховых окошек. В доме было не меньше сотни комнат, и девочку могли держать в любой из них.

Клара встала на спинку кресла и, рискуя упасть, потянулась как можно выше. Ухватившись за задвижку, девочка дернула ее. Со скрежетом ржавых петель рама немного повернулась. Если открыть ее побольше, то, возможно, удастся высунуть голову и позвать на помощь. Клара толкнула раму еще раз и теперь сумела просунуть наружу руку — пальцы почувствовали холодный воздух.

Внезапно уши девочки заложило от оглушительного грохота вертолета.

Черный, без опознавательных знаков «Белл 407» исчез за богато украшенным фасадом, опустившись на крышу дома. Гребень крыши скрывал от Бена вертолетную площадку и тех, кто мог садиться в вертолет или выходить из него.

Бен перевел бинокль вниз, рассматривая стоявшие возле дома машины. Во дворе ходили человек пятнадцать охранников — без сомнения, вооруженные. И неизвестно, сколько еще могло быть в доме. Возле стены росли деревья и кусты, в которых можно укрыться, хотя сам дом окружало расчищенное пространство — незамеченным не проберешься. Ночью газоны, клумбы и площадки наверняка освещаются, на них нацелены видеокамеры, их регулярно обходят охранники.

Бен повесил бинокль на шею — без цейссовских линз дом внезапно стал маленьким белым пятном вдали. Бен полежал на ветке, размышляя. Он не один раз пробирался в охраняемые дома в одиночку и знал, что в своем деле мастер. Но попытка проникнуть в такую крепость — самое настоящее самоубийство. Погибнет и он, и девочка. Выбора нет — придется похитить Филиппа Арагона и доставить его Кроллу.

Бен бесшумно слез с дерева, вытер ладони и, закуривая на ходу сигарету, пошел к дороге, где оставил неприметный серый фургончик. Дул ледяной ветер, заставляя втягивать голову в плечи. Открыв дверцу фургона Бен со вздохом скользнул на место водителя и положил бинокль на пассажирское сиденье. Потом он посидел, докуривая сигарету, раздавил окурок в пепельнице и повернул ключ в замке зажигания. Мотор хрипло заработал.

До Брюсселя путь неблизкий — пора двигаться. Только прежде надо заехать еще в одно место.

ГЛАВА 51

В тот же вечер

Резиденция Филиппа Арагона возле Брюсселя Поздним вечером двое охранников развалились в креслах в противоположных концах огромной приемной. Заняться им было нечем, и они лениво перелистывали старые номера «Экономиста», астрономических журналов и книг по архитектуре, пока их подопечный ходил туда-сюда, писал бумажки и звонил по телефону.

На скуку охранники не жаловались: они-то сидели в теплом доме, обогреваемом солнечной отопительной системой, а двое других сейчас бродили под дождем, обходя территорию. Через два часа счастливицам предстояло натянуть куртки и сменить коллег — не самая вдохновляющая перспектива.

После напряженного рабочего дня Филипп Арагон очень устал. Надо было приготовить четыре важных выступления, просмотреть груды папок и отчетов. Его секретарь, Адриен Лакан, оставил целую кипу писем, их требовалось проверить и подписать — на одно это ушло полдня. Филипп сварил себе чашку органического какао со щепоткой корицы, пожелал охранникам спокойной ночи и отправился по винтовой лестнице наверх, в свои личные апартаменты.

Электронная система охраны включилась, едва Арагон закрыл за собой бронированную дверь. Сняв туфли, он надел мягкие тапочки и прошел в гостиную. По крайней мере, здесь можно побыть в покое и одиночестве. Арагон старался не думать о вооруженных людях, сидевших в приемной и разгуливающих по саду. Дом становился все больше похож на крепость — в основном усилиями Колетт. После взрыва в шале она очень беспокоилась о безопасности мужа. Возможно, Колетт права, но очень уж неудобно жить, постоянно оглядываясь через плечо. Арагон знал, что жене тоже приходится несладко, и был рад возможности отправить ее во Флориду на свадьбу двоюродной сестры — заодно и отдохнет немного.

Арагон побродил по гостиной, потягивая какао. Он слишком устал, чтобы думать, но спать пока не хотелось. Из ряда компакт-дисков на полке он выбрал сольные сюиты Баха для виолончели в исполнении Миши Майского. Из динамиков полились мягкие, успокаивающие звуки струн. Арагон сидел в кресле с закрытыми глазами, тихонько постукивая пальцами по подлокотнику в такт музыке. К сожалению, Филипп был не из тех, кто может просто так сидеть и ни о чем не думать. Не пойти ли в кабинет? Включить компьютер, проверить, не прислала ли Колетт письмо из Штатов... Нет, дело кончится тем, что он снова начнет шлифовать тексты своих выступлений. Работа подождет до утра.

Сквозь стеклянные двери, ведущие в оранжерею на крыше, падал лунный свет, отбрасывая длинные тени. Оранжерея была любимым местом Арагона, и он очень гордился ее дизайном. Здесь, под большим стеклянным куполом, в кругу каменных колонн росли цветы и кустарники, пахло землей и зеленью, негромко журчал фонтанчик.

Ночь выдалась ясная и тихая, небо было усыпано звездами. Арагону захотелось посмотреть на Сатурн. Он натянул поверх рубашки джемпер и вышел в сад, наслаждаясь его тишиной и великолепием. По нажатию кнопки на пульте у двери тихонько вздохнул гидравлический привод, и часть стеклянного купола поползла в сторону. Из открытого окна подуло холодным ветром.

Арагон подошел к телескопу-рефрактору с электронным управлением и ввел координаты Сатурна. Зажужжал механизм привода, и телескоп нацелился в указанную точку неба. Филипп снял крышку с линзы и посмотрел в окуляр: окруженная кольцами планета выглядела фантастически — он с детства любил на нее смотреть и никогда не переставал ей удивляться.

Внезапно в основание черепа что-то больно ударило. Ошеломленный и недоумевающий Арагон отшатнулся от телескопа. Сильный удар по ногам заставил упасть на пол, между лопатками воткнулось колено, прижимая Арагона к холодным каменным плитам. В затылок уперлось что-то твердое.

— Только пикни, и ты покойник, — произнес прямо в ухо спокойный тихий голос.

Арагон был беспомощен. Он попытался перевернуться на бок и разглядеть нападающего: сквозь прорези лыжной маски смотрели непроницаемые глаза. Лунный свет поблескивал на дуле пистолета.

ГЛАВА 52

— Ты кто такой? — спросил ошеломленный Арагон, тяжело дыша от испуга.

Незнакомец привел его обратно в гостиную и заставил сесть в кресло. Сначала Арагон подумал, что к нему подослали наемного убийцу. Тогда почему он сразу не убил, а положил пистолет в кобуру? Да еще и маску снял... Зачем убийце показывать лицо?

Арагон поморщился от боли в шее и потер плечо.

Бен сел в кресло напротив, между ними поблескивал лакировкой журнальный столик из сосны.

— Мне нужна ваша помощь.

Арагон изумился.

— Вы ворвались в мой дом и приставили мне пистолет к затылку... чтобы попросить о помощи?

— Так получилось.

— Обычно за помощью обращаются ко мне в офис, — заметил Арагон.

Бен улыбнулся. Смелый парень, этот политик. Молодец.

— Выслушайте меня и тогда поймете, почему я не мог обратиться к вам в офисе.

Арагон нахмурился.

— Боюсь, мне не хочется вас выслушивать.

— А я боюсь, что у вас нет выбора, — ответил Бен.

— Вам это с рук не сойдет. В комнате установлены видеокамеры, и все происходящее сейчас записывается.

— Нет, — возразил Бен. — Это единственный уголок, где вы еще можете уединиться. Он вам слишком дорог, чтобы позволить охране установить здесь камеры.

— Как вы сумели пробраться мимо охраны?

— Не важно, — отмахнулся Бен. — Помогите мне, и тогда я помогу вам.

Арагон засмеялся.

— Чем вы собираетесь мне помочь?

— Я назову вам убийц Базена.

Арагон перестал смеяться и побледнел.

— Убийц Роже Базена?

Бен кивнул.

— Убийц вашего друга и наставника.

Арагон замолчал.

— Его не убивали, — тихо сказал он наконец. — Роже погиб в автокатастрофе.

— Обычно политики прекрасно умеют врать. У вас это плохо получается.

— Мои люди провели расследование, — настаивал Арагон. — Ничего подозрительного не нашли. Это был несчастный случай.

— По-моему, вы в это не верите, — возразил Бен. — Про взрыв в шале я тоже слышал. По-вашему, еще один несчастный случай?

— Откуда вы все знаете?

— Я всегда изучаю того, за кем охочусь, — объяснил Бен.

Арагон вспотел и перестал спорить.

— Так что же вы хотели мне рассказать?

Бен подошел к бару на другом конце комнаты, бесшумно ступая по деревянному полу подошвами черных армейских ботинок.

— Выпить не хотите? — предложил он. — Чего-нибудь покрепче какао?

Арагона посетила мысль о бегстве.

— Даже не думайте, — предупредил Бен. — Вы и до двери добежать не успеете.

Политик со вздохом откинулся на спинку кресла.

— Налейте мне арманьяка.

Бен налил в один стакан двойную порцию бренди, в другой — тройную порцию виски восемнадцатилетней выдержки. Он передал Арагону бренди и уселся в кресло.

— История долгая, — сказал Бен. — И начну я с самого начала.

Бледные щеки Арагона немного порозовели. Он поставил стакан перед собой на столик и скрестил руки на груди, хмуро и недоверчиво глядя на незнакомца.

— В январе прошлого года мой друг случайно увидел то, что видеть не следовало, — начал Бен. — За это его убили, а улики оказались в руках другого человека — его сестры. Возможно, вы о ней слышали. Ее зовут Ли Ллуэллин, она оперная певица.

Арагон кивнул.

— Я знаю, кто такая Ли Ллуэллин.

Бен подробно рассказал всю историю — на это ушло немало времени. Арагон внимательно слушал.

— Ее убили? — тихо спросил он.

Бен молча кивнул.

— Но в новостях ничего не передавали об убийстве.

— Еще передадут, — ответил Бен. — Произойдет очередной так называемый несчастный случай, или объявят о ее исчезновении.

Арагон задумался.

— Если вы говорите правду, то я вам очень сочувствую. Однако вы не предъявили никаких доказательств и ничего не сказали о Роже.

— Как раз собирался рассказать. Оливера убили за то, что он случайно увидел казнь вашего друга.

— Вы, кажется, упоминали какие-то улики?

Бен кивнул.

— Оливер снял все на камеру в телефоне и переписал файл на компакт-диск.

— И где же этот диск?

— Его уничтожили, — объяснил Бен.

— То есть показать его мне вы не можете? Очень удобное доказательство.

— Разрешите воспользоваться вашим компьютером? — спросил Бен, кивая на дверь в кабинет.

— Зачем вам компьютер, если нечего показать?

Бен провел Арагона в темный кабинет. Ноутбук на столе мгновенно ожил.

— Что вы делаете? — изумился Арагон.

— Проверяю свой почтовый ящик, — ответил Бен.

— При чем здесь ваш почтовый ящик?

Бен пропустил вопрос мимо ушей. В ящике было только одно сообщение — то самое, которое он отправил самому себе из интернет-кафе Кристи Флейг. Тогда он подумал об этом мимоходом и послал сообщение на всякий случай. В общем-то, не хотел посылать, лень было. Теперь оказалось, что ничего лучше он и придумать не мог.

Бен щелкнул по огромному приложенному к сообщению файлу — мощный компьютер последней модели загрузил его за пять секунд.

— Что это? — поинтересовался Арагон.

— Сейчас увидите.

Арагон сел. Бен подвинул к нему стакан бренди.

— Выпейте, вам не помешает.

Он отошел от стола и сел в кресло в уголке, потягивая виски.

Когда видеозапись подошла к концу, стакан Арагона опустел, а сам он сидел, свесив голову, потом внезапно поднялся.

— Меня сейчас стошнит, — сказал он и на нетвердых ногах пошел в ванную.

Бен слышал, как его рвет над унитазом. Из ванной Филипп Арагон появился бледный, с прилипшими ко лбу мокрыми волосами.

— Его убили, — пробормотал он слабым дрожащим голосом, вытирая подбородок об

рукав. — Убили, а потом подстроили аварию.

— Я только сегодня выяснил имя жертвы, — объяснил Бен. — Я не слежу за политикой, это грязное дело, и не узнал Базена на видео. — Он помолчал. — Но, как я уже говорил, я всегда изучаю того, за кем охочусь.

— И много людей вы похитили?

Бен улыбнулся.

— Я играю на противоположной стороне. Тем не менее в обоих случаях приемы изучения объекта одинаковы. С вами все было очень просто: ваше имя постоянно упоминается в новостях. Перед отъездом из Вены я посетил университетскую библиотеку — в разделе политологии собрано достаточно материала, чтобы написать про вас десять книг. У них есть фотография вашей семьи на теннисном корте — вместе с Базеном. Тогда-то я и узнал лицо, которое видел на видео. Под снимком было указано, кто на нем изображен.

— Фотографию сделали два года назад в доме Роже в Женеве, — грустно пояснил Арагон.

— Там еще был ваш снимок на похоронах Базена — с подписью «Европейский политик отдает последнюю дань уважения своему наставнику».

— Он был мне как отец, — сказал Арагон, сгорбившись в кресле. — В тот раз он пытался предупредить меня.

— О взрыве в Кортине?

Арагон кивнул.

— Роже позвонил мне как раз перед взрывом. Не знаю, откуда он мог о нем узнать и в каких делишках был замешан. Но если бы не он, то моя семья погибла бы.

Бен вспомнил слова Кролла: «Тот, кто не способен держать язык за зубами, лишается языка».

— Роже был моим лучшим другом, — продолжал Арагон. — Его убили, чтобы наказать за то, что он меня предупредил.

— Мы с вами собратья по несчастью, — ответил Бен. — Моего друга убили, потому что он увидел убийство вашего.

Арагон поднял взгляд на Бена.

— А теперь убили еще и сестру вашего друга. — Заметив, как изменилось выражение на лице Бена, Арагон спросил: — Вы любили ее?

Бен промолчал.

— Вы знаете, кто это сделал?

— Я знаю, кто они и где их искать, — кивнул Бен.

— Я добьюсь их ареста — стоит лишь позвонить.

Бен покачал головой.

— Доказательств маловато. — Он показал на компьютер. — На видео не видно лиц. Я хочу собрать их всех в одном месте и поймать с поличным. Для этого есть один-единственный способ.

— Какой?

— Мне потребуется ваша помощь, — ответил Бен. — Вы должны мне довериться и делать все, что я вам скажу.

Арагон помолчал, размышляя, потом вздохнул.

— Наверное, я сумасшедший. Ладно, я вам верю. Что вы от меня хотите?

— У нас мало времени, — сказал Бен. — Мне нужно сделать несколько международных звонков.

— Звоните.

— Мы должны заняться этим немедленно. Вы прямо сейчас бросите все остальные дела.

— Хорошо, — согласился Арагон.

— Это обойдется недешево. Возможно, понадобится кругленькая сумма.

— Без проблем, — ответил Арагон. — Вы получите столько, сколько потребуется.

— Вы можете быстро найти частный самолет?

— Могу.

— Дело рискованное, — предупредил Бен. — Очень рискованное. Я не могу гарантировать вашу безопасность.

— Роже был моим другом, — не колеблясь ответил Арагон.

— Хорошо. Тогда начинаем.

— Что вы собираетесь делать?

— Похитить вас.

ГЛАВА 53

На следующее утро

Окрестности Вены

Бен подумал, что Гласс нарочно выбрал именно это место встречи.

Густой промозглый туман висел над озером, скрывая ледяную поверхность. Бен протер запотевшее ветровое стекло и откинулся на спинку сиденья. Никого. За сиденьем, по другую сторону перегородки, было тихо: груз будет молчать еще пару часов, пока не пройдет действие наркотика.

Долго ждать не пришлось: вдали сквозь пелену тумана показались мощные фары двух больших машин. Они свернули с дороги и медленно поехали по ухабам, сквозь грязь, лужи и редкий тростник. Вблизи Бен смог разглядеть их получше: два черных «мерседеса», одинаковых, точно близнецы. Они встали по сторонам фургона, зажав его в клещи. Дверцы открылись, из них вышли Гласс и пятеро охранников. На морозе закрубились облачка пара от дыхания.

Бен прищурился: ни в одной из машин Клары не было. Вообще-то этого и следовало ожидать. Рывком распахнув дверцу, он вышел навстречу Глассу, брошенная в снег сигарета с шипением погасла.

Гласс стоял, скрестив руки на груди. От мороза он раздумялся.

— Ну?

— Ну и? — эхом откликнулся Бен.

— Привез его? — разозлился Гласс.

— Я свою часть соглашения выполнил. Где Клара Кински?

Гласс оглянулся и кивнул своим людям. На мгновение Бену показалось, что сейчас откроют багажник одной из машин и вытащат из него девочку. Вместо этого его схватили, заставили развернуться и прижали лицом к борту фургона. Бен не сопротивлялся. Его обыскали, забрав пистолет.

— Где девочка? — спокойно повторил он, не повышая голоса.

Один охранник прижал дуло пистолета к голове Бена, пока двое других открыли задние дверцы фургона. Гласс заглянул внутрь.

Арагон лежал без сознания, завернутый в одеяло. Запястья и лодыжки были стянуты гибким проводом, рот заклеен липкой лентой.

Один из охранников вытащил из кармана фотографию, пристально взгляделся в лицо пленника и наконец сказал Глассу:

— Это он.

Четвертый охранник принес кожаный футляр и вынул из него стетоскоп. Прислушавшись к сердцебиению Арагона, он удовлетворенно кивнул:

— Все в порядке.

— Молодец, — сказал Гласс.

— Где девочка? — снова повторил Бен, не оборачиваясь.

Гласс ухмыльнулся.

— Девчонку получишь тогда, когда нам вздумается.

— Мы так не договаривались.

— Плевать я хотел на договоры. Не тебе правила устанавливать, ублюдок.

— Тогда что дальше?

Гласс сунул руку под куртку, вытащил пистолет девятимиллиметрового калибра и ткнул дулом в подбородок Бена.

— Будь моя воля...

— Но воля-то не твоя, верно?

Гласс вспыхнул.

— С тобой свяжутся. Ты на нас еще поработаешь.

— Сомневаюсь, — возразил Бен.

— Вот как? Искупаться захотелось? — Гласс кивнул на замерзшее озеро и хихикнул. — Делай, что говорят. Сиди тихо и жди звонка. Помни: начнешь брыкаться — девчонке каюк.

Бен посмотрел ему в глаза.

— У меня память долгая.

Ухмылка Гласса несколько увяла. Он с ворчанием вложил пистолет в кобуру и махнул подчиненным. Те захлопнули дверцы фургона, потом один сел за руль и завел двигатель, а остальные вернулись к своим машинам. Из-под колес набирающих скорость «мерседесов» полетела грязь. За ними поехал фургон, увозя Филиппа Арагона.

Бен стоял и смотрел, как исчезают в тумане огоньки. Над озером вновь повисла тишина. Он пошел прочь, на ходу набирая номер на мобильнике. Ему ответили.

— Приступаем, — сказал он, выключил телефон и прибавил шаг.

Обратной дороги нет. Бену очень хотелось надеяться, что он не ошибся.

ГЛАВА 54

В ту же ночь

Вилла фон Адлера

Окна виллы светились, прожекторы заливали светом фасад и заснеженный двор. Гости прибывали непрерывным потоком, в роскошных автомобилях: от изящных «феррари» до величественных «бентли». Швейцары в ливреях приветствовали гостей и вели их внутрь, пока водители ставили машины на стоянку у стены огромного дома.

В гигантском зале с выложенным мраморными плитами полом собралась целая толпа. Официанты в белых смокингах разносили на серебряных подносах шампанское, в баре наливали коктейли. Длинные столы были уставлены отборными закусками на любой вкус.

Гости принарядились: мужчины в смокингах держали под руку роскошно одетых дам, которые воспользовались случаем выставить напоказ драгоценности — бриллиантовые ожерелья сверкали, как мокрые льдинки. Хлопали пробки, под высоким узорным потолком звенели смех и музыка. Двойные двери вели в бальный зал, где струнный квартет уже играл первый вальс и несколько пар кружились в танце.

Охранники расхаживали по снегу, притопывая ногами и хлопая руками в перчатках, чтобы согреться. Увидев приближающийся свет фар на обледеневшей дороге один из охранников положил рацию и подошел к черному «ягуару», остановившемуся у ворот. Окно на стороне водителя с легким жужжанием опустилось. Заглянув внутрь, охранник увидел четырех мужчин лет тридцати — сорока — моложе большинства гостей мужского пола. Одеты они были соответственно случаю: из-под пальто виднелись смокинги.

— Guten Abend, meine Herren,¹⁰ — сказал охранник. Гости полезли в карманы за пригласительными. Взяв предъявленные бумаги, охранник отошел от машины поближе к будке, где было светлее. Разглядев бумаги, он покачал головой: пригласительные не такие, как нужно.

Охранник повернулся обратно к «ягуару», и на этом его карьера завершилась — вместе с жизнью.

Бен подхватил обмякшее тело, прежде чем оно успело оставить вмятину на снегу. Со стороны будки послышался приглушенный возглас: второй охранник схватил рацию. Задняя

¹⁰ Добрый вечер, господа (нем.)

дверца «ягуара» распахнулась, оттуда вышел человек и дважды выстрелил из пистолета «хеклер-кох» с глушителем. Охранник упал перед открытой дверью будки.

Стрелял Рендл — бывший военный, сообразительный и изворотливый парень, которого Бен тренировал много лет назад. Немец по матери, он говорил по-немецки без акцента и идеально подходил на роль охранника на входе, если вдруг появятся припозднившиеся гости. Худощавый темноволосый Брайант, выходец из Ланкашира и бывший десантник, должен был помогать Рендлу.

Вдвоем они быстро уложили тела на пол в будке, сняли пальто и смокинги и переоделись в форму охранников.

Бен торопливо вернулся к «ягуару» и сел за руль. Рядом сидел Жан Гардье, в прошлом служивший под началом Луи Моро в антитеррористическом отряде французской жандармерии. Самый младший в поспешно, но тщательно отобранной группе, Гардье был очаровательным красавцем с густыми черными кудрями и белозубой улыбкой. Такой не будет выделяться среди гостей на вечеринке. От начальника службы безопасности Арагона Бен выяснил об этом парне достаточно, чтобы с уверенностью на него положиться.

Высокие ворота с глухим жужжанием поползли в сторону, «ягуар» въехал внутрь и покатил по дорожке к сияющей огнями вилле на холме.

На фоне ночного неба возвышалась громада дома: в ярком освещении можно было разглядеть каждый листочек плюща на массивном фасаде. Бен достал из футляра очки в тонкой оправе с овальными плоскими стеклами и надел их. Потом он в последний раз проверил крохотный наушник в ухе, вышел из машины и передал ключи лакею. Гардье пошел к дверям вслед за Беном. На входе их встретили швейцары, Бен отдал одному из них свое длинное черное пальто. Войдя в дом, Бен и Гардье, не глядя друг на друга, разошлись в разные стороны, смешавшись с гостями.

Внутри было тепло, зал наполняли музыка и оживленные разговоры. Бен на ходу взял с подноса проходящего мимо официанта бокал, отхлебнул: ледяного шампанского и отошел в уголок огромного зала, невольно поймав свое отражение в ряду висевших на стене высоких зеркал с позолоченными рамами. Черный смокинг сидел отлично, очки и более темный оттенок волос изменили внешность настолько, что Бен сам себя не сразу узнал: отдельных штрихов вполне достаточно, чтобы незаметно придать лицу совершенно другой вид. Конечно, Кролл или Гласс узнали бы его, подойдя поближе, но если вести себя осторожно, то никто ничего не заметит. По крайней мере, пока. Нужно еще суметь попасть в глубину дома.

Бен сжевал бутербродик и элегантно вытер губы салфеткой, используя ее как прикрытие.

— Проверка, — произнес он.

В ухе мгновенно откликнулся голос Гардье.

С беспечным видом Бен посмотрел по сторонам: в одном только коридоре с легкостью поместился бы небольшой самолет. Мраморная лестница, покрытая красным ковром, вела от центра зала к площадке со сводчатым потолком, атласными портьерами и огромной картиной — кажется, кисти Делакруа.

От площадки уже две лестницы изящным двойным изгибом вели на второй этаж. Площадка была отгорожена золотым шелковым шнуром, у подножия лестницы стояли два неприметных охранника с тщательно спрятанными рациями и пистолетами.

Бен неторопливо прошелся по залу, задержавшись, чтобы послушать струнный квартет. Гардье он из виду потерял.

Большинство гостей принадлежали к высшему обществу — богатые бизнесмены с женами собрались на вечеринку. Они и понятия не имели об истинной причине, по которой эта вечеринка затевалась: жестокое ритуальное убийство произойдет прямо у них под носом, пока они потягивают шампанское и жуют бутерброды с икрой.

Мимо проходил официант с полным подносом; Бен взял еще один бокал — и тут увидел идущего к нему Кролла. На мгновение Бену показалось, что старик буравит его взглядом черных глаз. Подавив приступ паники, Бен нарочито медленно отвернулся, потягивая

шампанское. Он чувствовал себя совершенно незащищенным, а Кролл подходил все ближе. Повернувшись лицом к стене, Бен сделал вид, будто рассматривает картину, и с облегчением выдохнул, когда тщедушная фигура старика скрылась в толпе.

Бен почувствовал на себе пристальный взгляд и, обернувшись, увидел женщину, стоящую с бокалом в руке у противоположной стены бального зала, где кружились в вальсе пары. На мгновение их взгляды встретились. Женщина слегка нахмурилась. Ее длинные белокурые волосы были собраны наверху бриллиантовой заколкой. Блестящее вечернее платье плотно облегло фигуру, оставляя открытой спину.

Несмотря на парик и макияж, Бен узнал Ив. Она отвернулась и исчезла в толпе — очевидно, тоже его узнала. Не выдаст ли? Впрочем, теперь ничего не поделаешь.

Бен глянул сквозь двойные двери в коридор: охранники отошли от подножия лестницы.

— Отвлекающий маневр, — тихонько сказал он, слегка кашлянув в ладонь, и двинулся прочь от бального зала.

Через пару секунд в другом конце зала что-то оглушительно зазвенело: официант споткнулся, и поднос с бокалами упал на пол. Один из гостей, молодой человек с густыми темными кудрями, извинялся за свою неуклюжесть. Два официанта бросились убирать осколки и вытирать пролитое шампанское. Вокруг места происшествия гудели любопытные. Официанты навели порядок, инцидент был исчерпан — Бену как раз хватило времени, чтобы быстро добраться до первой лестничной площадки. Улыбаясь выходке Гардье, он проскользнул за ограждение никем незамеченный, снял очки и положил их в карман смокинга.

Кук, Ламбер и Дельма уже должны были занять позиции снаружи. Сколько охранников им пришлось для этого обезвредить? Пока что все вроде бы тихо.

— Как там у нас с церковью? — пробормотал Бен, добравшись до второго этажа.

Молчание. Тихий треск разряда.

— Снаружи входа нет.

Бен узнал хриловатый голос Дельма, еще одного бывшего сотрудника антитеррористического отряда Моро.

Что ж, этого и следовало ожидать.

Бен осмотрел коридоры в поисках примет, которые запомнил из видеозаписи, сделанной Оливером. Ниша в стене показалась ему знакомой: чуть выше человеческого роста, верх закруглен, внутри черная с золотом маска фараона на мраморной подставке — та самая, которую случайно заснял Оливер. Значит, направление выбрано верно.

Однако в доме нетрудно и заблудиться: дверной проем слева вел в другой длинный коридор, где стояли изящные антикварные вещицы и висели картины в золотых рамах. Бен снова посмотрел на часы — время летело быстро.

При мысли, что он мог ошибиться, его вновь окатило ледяным холодом.

Бен попробовал открыть дверь — заперто; подошел к следующей — та со скрипом поддалась, и он вошел внутрь, оставив дверь слегка приоткрытой. Постояв в темноте, чтобы привыкли глаза, Бен шагнул вперед. Что-то большое и твердое задело бедро — бильярдный стол. Бен подошел к стеклянной двери, выходившей на балкон, и открыл ее. Повеяло жутким холодом. Он осмотрел заснеженную территорию виллы: ребят нигде не видно, но так и должно быть — их учили становиться невидимками.

Бен достал из кармана фонарик и дважды включил его. Повинуясь сигналу, четыре тени поползли по газону к дому и собрались под балконом. Они не боялись, что охранники застанут их врасплох: охранников самих застали врасплох.

Обтянутый резиной крюк перелетел через перила. Закрепив веревку, Бен дернул ее, подавая знак. Веревка тут же натянулась под весом человека.

За спиной открылась дверь, заливая комнату светом из коридора. В дверном проеме стоял темный силуэт.

— Was machen Sie da?¹¹ — спросил гортанный голос.

¹¹ Что вы здесь делаете? (нем.)

ГЛАВА 55

Бен отошел от балкона. На пороге стоял охранник, с суровым видом скрестив руки на груди. Лысая макушка поблескивала в падающем из коридора свете, над ушами курчавились редкие темные волосы. За спиной первого появился второй охранник, ниже ростом, и нахмурился при виде Бена.

— Простите, — ответил Бен по-немецки. — Я искал туалет.

— Здесь запрещено находиться посторонним. — Лысый охранник увидел открытую дверь на балкон и подозрительно прищурился. — Это вы открыли дверь?

Веревка закрипела на перилах. Охранник сделал шаг вперед и потянулся к рации.

— Свежего воздуху захотелось, — с улыбкой объяснил Бен. — Перепил немного.

— Туалеты на первом этаже, — недружелюбно заявил второй охранник.

— Я заблудился, — ответил Бен. — В таком доме и потеряться недолго.

Охранники ему не очень-то поверили: лысый пошел к балкону. Бен оглянулся: черный крюк резко выделялся на фоне белых каменных перил. Лысый схватил рацию.

Бен стоял в двух шагах от бильярдного стола. В полумраке он нащупал что-то длинное и гладкое.

Лысый охранник собирался поднять тревогу, когда Бен ударил его кием в голову — тот выронил рацию и повалился на пол. Второй охранник полез за пистолетом. Даже если он промахнется, выстрел все равно привлечет внимание. Охранник двигался быстро, но Бен был проворнее: он воткнул обломок кия в глаз охраннику, пробив мозг, — смерть наступила мгновенно.

Лысый уже пришел в себя и встал, оскалив зубы. Бен уклонился от нападения, чувствуя, как кулак просвистел над головой. Подойдя вплотную, он ударил ребром ладони по горлу охранника, и тот упал. Бен наступил ему на голову, сломав шею.

На балконе шевельнулась тень: человек подтянулся и перекинул ноги через перила — это был О'Нил, бывший сержант спецназа.

— Рад, что ты добрался благополучно, Шейн, — сказал Бен.

Войдя в комнату, О'Нил стянул с лица черную маску. В редких усиках пробивалась седина.

— Похоже, ты не стал нас дожидаться, — ухмыльнулся он, заметив два неподвижных тела на полу.

Трупы оттащили к шкафу. Пока прятали мертвецов и поворачивали ковер, чтобы не бросались в глаза пятна крови, в бильярдную влезли через балкон еще трое: Кук, Ламбер и Дельма. Оставшиеся шестеро членов команды к этому времени должны были рассеяться по территории виллы, двигаясь парами и обезвреживая попадающихся на пути охранников.

Четверо мужчин в черном в последний раз проверили винтовки с глушителями. Для Бена О'Нил принес пистолет калибра девять миллиметров.

— Времени у нас маловато, — сказал Бен.

Он поставил пистолет на предохранитель и сунул оружие за пояс.

В коридоре было пусто. Бен вышел первым, внимательно оглядываясь. Остальные, с винтовками наперевес, последовали за ним, бесшумно ступая по толстому ковру армейскими ботинками. Теперь уже никак не притворишься заблудившимися гостями.

Действовать надо было быстро. Гардье пока молчал, но сообщники Кролла могли в любой момент собраться в церкви.

Бен шел впереди, сосредоточившись на поисках примет, которые запомнил по видеозаписи Оливера. А вот и картина на стене, та самая, где одетые по моде восемнадцатого века мужчины собрались в большом зале с масонскими символами, — теперь Бен знал, что именно на ней изображено.

В нем закипала ярость. Наверное, они уже где-то близко.

Впереди вдруг распахнулась дверь, и Бен с помощниками прижались к стене. Хихикающая парочка вышла из комнаты, пошатываясь и цепляясь друг за друга. Увидев зеркало, девушка оторвалась от кавалера и подошла проверить прическу и макияж.

— У меня такой вид, будто я только что кувыркалась в постели, — сказала она заплетающимся языком.

— Нормальный у тебя вид, — возразил кавалер. — Пошли обратно к гостям.

Девушка оправила платье. Полшага в сторону — и она бы заметила отражение спрятавшихся позади нее мужчин. Бен напрягся.

Девушка улыбнулась, надула губки и нетвердой походкой пошла вслед за спутником, спотыкаясь на высоких каблуках. Он протянул ей руку, и они, хихикая, скрылись за углом.

Стоявший рядом О'Нил облегченно выдохнул. Бен собирался прошептать ему что-то, когда в наушнике послышался легкий треск разряда.

— Началось, — сказал Гардье.

Бен посмотрел на часы: двенадцать минут десятого.

ГЛАВА 56

Вернер Кролл сдвинул рукав смокинга и посмотрел на золотые швейцарские часы, потом сделал знак Глассу. Тот кивнул: пора.

Доктор Эмиль Циглер стоял возле роскошного камина, прислушиваясь к оживленному разговору. Почувствовав легкое похлопывание по плечу, Циглер обернулся и взглянул поверх очков.

— Извините, что побеспокоил, — сказал Гласс, наклонившись к уху доктора. — Вас к телефону.

На пухлом лице Циглера не отразилось ни тени удивления. Он кивнул, проковылял к ближайшему столику и поставил на него свой бокал шампанского. Затем, пригладив редующие седые волосы, извинился перед собеседниками и пошел к дверям.

Гласс обошел всех по очереди. Никто не заметил, как двенадцать мужчин покинули зал — они ушли незаметно, не привлекая внимания: каждый точно знал, куда идти.

Ив наблюдала за уходящими. За шесть лет она седьмой раз видела одно и то же. Или уже восьмой? Каждый раз все проходило гладко и слаженно. Гости даже не замечали отсутствия двенадцати пожилых мужчин: никто и понятия не имел, куда они исчезали — и что произойдет в ближайшее время.

Когда последний из двенадцати вышел из зала, Кролл и Гласс переглянулись. Кролл снова посмотрел на часы, остался доволен и пошел к дверям. Гласс последовал за ним.

Ив пригубила шампанское, чувствуя накатывающую тошноту.

Никто, кроме членов группы, никогда не ходил по скрытому коридору — одному из многих в лабиринте тайных проходов старого дома. Лампы дневного света освещали голые белые стены и бетонный пол. Длинный коридор упирался в двери, перед которыми стояли двенадцать деревянных стульев и низкий столик с графином воды и стаканами.

Двенадцать мужчин, едва кивнув друг другу, молча собрались перед дверями. Эмиль Циглер откашлялся и налил себе воды. Томас Блохвиц посмотрел на часы, вытер пот с бледного лица и вдохнул лекарство от астмы из ингалятора. Петер Гингер принялся расхаживать туда-сюда. Циглер посмотрел на него с раздражением.

— Вы не могли бы постоять на месте? — недовольно спросил он.

Гингер уселся на стул.

Говорить присутствующим было не о чем — их связывала вовсе не дружба, а деловые отношения, основанные не на доверии и даже не на деньгах. После сегодняшнего вечера они долго не увидятся — до следующего раза. Никто из них не знал, когда это будет, но раньше или позже их позовут — так было всегда.

Решения за них принимали другие, тем не менее они знали и верили, что каждая такая встреча идет на пользу общему делу. Кое-кому сегодняшней вечер действительно принесет ощутимую пользу: серьезная угроза, которая многие месяцы не давала спать спокойно, будет устранена.

Звук шагов в пустом коридоре заставил собравшихся поднять взгляд: в дверях появился Кролл, за его спиной стоял Гласс.

— Джентльмены, — тихо сказал Кролл, едва заметно улыбаясь, — я думаю, пора начинать.

ГЛАВА 57

Интерьер в классическом стиле остался позади. Бен первым вошел в коридор со сводчатым потолком, который приведет туда же, где побывал Оливер почти год назад.

В конце коридора путь преградила тяжелая деревянная дверь. Бен нажал на дверную ручку — открыто. Он легонько толкнул дверь, вошел внутрь — и оказался на хорах домашней церкви.

— Они ушли, — раздался в ухе напряженный голос Гардье. — Наверное, идут к вам. Я их не вижу. Повторяю, идут к вам.

Сквозь витражи проникал тусклый лунный свет. Все предметы отбрасывали длинные тени, в полумраке поблескивали ряды отполированных скамей.

У Бена пересохло в горле и бешено заколотилось сердце. Он отказывался верить собственным глазам, но от фактов никуда не денешься: Оливер снял видео не здесь, а в каком-то другом месте.

Бен оглянулся: нигде не видно дверей, не считая той, через которую они сюда попали.

Его команда наблюдала за ним, недоумевая, в чем дело. Он лихорадочно размышлял — и от этих мыслей становилось еще страшнее.

Сообщники Кролла шли не сюда, а куда-то в другую часть дома. Кролл переиграл его. Ив снова обманула.

Бен сам полез в западню. Преподнес им Арагона на блюдечке с голубой каемочкой. Времени не оставалось. К тому же он завел своих людей в ловушку.

— Куда дальше? — поинтересовался О'Нил.

Бен промолчал.

— Что теперь делать будем? — прошептал ирландец с ноткой беспокойства в голосе.

Бен молчал.

Внизу послышался скрежет камня о камень. В середине темного прохода между рядами скамей что-то шевельнулось: плиту сдвинули в сторону, из-под нее появилась темная фигура человека.

ГЛАВА 58

В склепе горели свечи и стоял запах горячего воска. Дрожащие огоньки выхватывали из тьмы древние символы, вырезанные на каменных стенах и трех массивных колоннах. Склеп украшали мастерски сотканые гобелены с эзотерическими символами ордена Ра. Наверху поблескивала позолоченная баранья голова: завитки рогов отбрасывали причудливые тени на сводчатый каменный потолок.

Группа людей гуськом вошла в зал — молча, торжественно, почтительно склонив головы, словно пришли на церковную службу или похороны. Каждый знал свое место, и все быстро собрались в полукруг посреди склепа, между колоннами. Точно строй пожилых солдат, они стояли лицом к возвышению. Жертвенный алтарь, как всегда, был подготовлен: с высокого деревянного столба в центре свисали цепи.

Последними вошли Кролл и Гласс и встали в конце цепочки людей, чуть сбоку. Никто не произнес ни звука. Кролл бросил взгляд на часы: почти пора.

В полумраке распахнулась тяжелая железная дверь — трое мужчин вышли на свет. Все узнали того, кто шел в середине. Двое в капюшонах крепко держали его за руки. Над левым глазом Филиппа Арагона была ссадина, рот заткнут кожаным кляпом, помятая рубашка в грязи. Он обвел диким взглядом ряд одетых в смокинги мужчин, которые пришли посмотреть на его смерть.

Жертву медленно подвели к деревянному столбу. Несмотря на попытки вырваться, руки пленника завели за спину, приковав к столбу, и обмотали вокруг пояса тяжелую цепь. Ноги у Арагона подогнулись. Закрепив цепи, охранники в капюшонах торжественно отошли назад и встали по бокам алтаря, почти слившись с темнотой.

Тишина в склепе нарушалась только позвякиванием цепей, из которых слабо пытался вырваться пленник, остальные не сводили с него глаз.

Гласс усмехнулся про себя. Он обожал этот момент. Наплевать на Арагона и его идеи — да и на всех остальных тоже наплевать, — ему просто нравилось то, что собирались сделать с пленником. Может быть, когда-нибудь жертвой станет женщина. Это было бы здорово. Особенно если старикан позволит ему самому этим заняться.

Снова скрипнула железная дверь, и на возвышение вышел палач в черном балахоне до пят и длинным предметом в руках. Он развернул алый атлас, и в мерцании свечей блеснуло лезвие ритуального кинжала.

— Филипп Арагон, вам предоставляется последнее слово перед казнью.

Голос Кролла эхом отдался от стен склепа.

По знаку старика палач сорвал с жертвы кляп. Пленник повис в оковах, тяжело дыша. Глядя в лицо Кроллу покрасневшими глазами, Арагон плюнул в него.

Кролл повернулся к палачу.

— Вырви его сердце! — негромко приказал он.

Палач, не колеблясь, занес кинжал — острое как бритва лезвие блеснуло над головой.

Двенадцать мужчин, точно загипнотизированные, следили за палачом. Гласс ухмыльнулся в предвкушении. Губы Кролла растянулись в усмешке.

Кинжал молнией мелькнул в воздухе — Арагон закричал, когда лезвие глубоко погрузилось... в деревянный столб. Палач выпустил рукоятку, и кинжал, подрагивая, торчал возле головы Арагона.

Кролл нахмурился и сделал шаг вперед, собираясь заговорить. Это еще что за штучки?

Палач отодвинулся от пленника и выхватил из-под балахона пистолет с глушителем. Толстый цилиндр дула нацелился на собравшихся зрителей.

Гласс мгновенно отреагировал, выхватив собственный пистолет. Бесшумные выстрелы разбили черно-белые плиты у ног Гласса, заставив выронить оружие.

Охранники в капюшонах — О'Нил и Ламбер — появились из тени. Отблески свечей дрожали на их короткоствольных автоматических винтовках. Из-за каменных колонн по бокам склепа вышли еще две фигуры — Дельма и Кук. Ламбер подошел к столбу и освободил Арагона от цепей.

Бен сорвал с головы капюшон и стряхнул с плеч одежду палача, пинком отбросив в сторону упавший балахон.

Сообщники Кролла в панике уставились на своего жоака. У старика от изумления отвисла челюсть. Бен посмотрел ему в глаза и холодно улыбнулся: пусть попробует угадать, как все получилось.

Наспех подготовленный план сработал: оказалось несложно обезвредить охрану и захватить склеп за несколько минут до того, как туда вошли Кролл и его сообщники. Труп настоящего палача лежал в подсобке — вместе с трупами охранников.

Джек Гласс с ненавистью смотрел на Бена. Даже без оружия Гласс оставался самым опасным из противников. Бен держал его на мушке: предохранитель снят, палец на спусковом крючке. Достаточно немного надавить, и курок ударит по патрону, в разбитом капсюле воспламенится заряд, и пуля ввинтится в короткий ствол. Через сотую долю секунды шарик из сплава свинца и меди попадет в Гласса и взорвется бесчисленным множеством острых

осколков, пробивая в теле огромную дыру.

Бен провел пальцем по гладкому изгибу спускового крючка и посмотрел вверх прицела на Гласса.

Одну пулю за Оливера. Другую за Ли. В обойме останется еще пятнадцать. Он не снимет палец со спускового крючка, пока последняя гильза не звякнет о плиты пола и горячий пистолет не поперхнется в руках, а Гласс и Кролл будут валяться изорванные в клочья в луже крови.

От таких мыслей сердце забилося чаще, глаза обожгло, горло перехватило. Бен мысленно видел перед собой улыбающуюся Ли.

— Бен! — послышался голос слева.

Он скосил глаза, по-прежнему целясь в Гласса.

— Не надо, — сказал Арагон, сурово глядя на Бена.

Тот покачал головой и погладил изгиб спускового крючка — достаточно слегка нажать...

— Мы так не договаривались, — тихо настаивал Арагон. — Мы ведь не убийцы.

Достаточно слегка нажать... Пистолет задрожал в руке.

— Их арестуют, остаток жизни они проведут в тюрьме, — не отступал Арагон. — Ты мне сам обещал. Пуля в лоб и справедливость — это разные вещи.

Бен медленно выдохнул, убрал палец со спускового крючка и, поставив пистолет на предохранитель, опустил его.

Гласс усмехнулся. Кролл недоверчиво смотрел на Бена с открытым ртом, не в силах вымолвить ни слова.

Четверо помощников Бена вышли из тени, закинув винтовки за спину. Бледные, осунувшиеся сообщники Кролла стояли не шелохнувшись, вытаращив глаза и обливаясь потом.

Эмиль Циглер внезапно пошатнулся, с искаженным лицом прижимая руку к левой стороне груди, и рухнул на пол в судорогах — сердечный приступ.

Кук имел медицинскую подготовку. Он подбежал к Циглеру и упал рядом с ним на колени. Циглер взмахнул рукой, и Кук отшатнулся с выражением безграничного удивления на лице: из перерезанного горла хлынула кровь. Толстые пальцы Циглера сжимали стилет.

Поднялась паника, раздались крики. О'Нил и Ламбер схватились за винтовки.

— Не стрелять! Не стрелять! — закричал Арагон.

Краем глаза Бен заметил, как шевельнулся гобелен, и отвел взгляд от тела Кука: Гласс и Кролл исчезли.

ГЛАВА 59

Бен спрыгнул с возвышения и сорвал шитый золотом гобелен со стены — под ним открылся узкий тайный проход. Из непроглядной черноты повеяло холодным ветром. Из прохода каменная винтовая лестница вела куда-то вверх.

Бен оглянулся: Куку никто ничем помочь уже не может; Арагон тяжело привалился к колонне, набирая номер на мобильнике; трое помощников держат стариков на мушке — в склепе все под контролем. Теперь пусть Арагон с ними разбирается, а у Бена и другие дела найдутся.

Он побежал вверх, перепрыгивая через две ступеньки за раз. Лестница оказалась длинной. Сквозь топот собственных шагов Бен вроде бы различал другие шаги — он нагонял беглецов.

Через секунду раздался глухой выстрел, потом еще один. Гласс и Кролл были совсем рядом.

Когда Ив узнала Бена Хоупа в бальном зале, она поняла, что ее время пришло: наступила кульминация многих лет страха, двуличности и ненависти к себе, на которые обрек ее Кролл. Она дошла до предела: этому нужно положить конец — во что бы то ни стало.

За годы заточения на вилле Ив обнаружила некоторые тайные проходы: огромный дом был пронизан ими, позволяя незаметно пробираться с места на место. Хотя Кролл держал склеп запертым, Ив знала, где расположена потайная лестница, и решила, что именно ею

воспользуется Кролл. Старик слишком умен, чтобы попасться, он всегда держит козырь в рукаве. Но на этот раз она приготовит ему сюрприз.

Ив ушла к себе в комнату, сняла ненавистный парик и сменила вечернее платье на джинсы и старый свитер. Взяв свою сумочку, она пришла в эту темную, пыльную часть дома и спряталась в полумраке коридора, глядя на дверь с железными заклепками, откуда рано или поздно наверняка появится Кролл. Справа винтовая лестница поднималась выше, до самого чердака — вот только Кроллу туда путь закрыт.

Услышав шаги и звяканье ключей за дверью, девушка достала из сумочки «черную вдову» и решительно взвела курок. Дверь со скрипом растворилась. Ив вышла из темноты навстречу вошедшим.

Кролл застыл на пороге, уставившись на девушку. За его спиной стоял Гласс. Старик перевел взгляд с Ив на дуло револьвера в ее руке и обратно.

— Ив... — начал он, поднимая руку.

Ей никогда раньше не приходилось наводить оружие на живого человека, но она не колебалась. Стиснув шероховатую рукоять в ладони, Ив положила палец на спусковой крючок и потянула.

«Магнум» двадцать второго калибра стреляет очень маленькой пулей, зато летит она быстро. Выстрел оглушительно громыхнул в замкнутом пространстве — Ив чуть не вскрикнула от пронзительной боли в ушах.

Схватившись за шею, Гласс выругался и отпрянул. Стену за его спиной забрызгала кровь.

Гласс, хотя и пошатнулся, но не упал, и на мгновение Ив показалась, что он бросится на нее. Дрожащими руками она лихорадочно пыталась взвести курок для второго выстрела.

Гласс, шатаясь, прошел через площадку к следующему пролету лестницы и скрылся за углом, торопливые шаги загрохотали сверху, а Ив все не могла справиться с пистолетом.

Кролл стоял посреди площадки, вытаращив глаза.

Курок наконец щелкнул, Ив направила револьвер на Кролла.

— Ив, — повторил он, поднимая брови, — подумай о том, что ты делаешь.

— Все кончено, Вернер, — ответила она. — Я не могу позволить тебе продолжать в том же духе.

Старик посмотрел на нее умоляющим взглядом.

— Ив, загляни в свое сердце! — Он сделал шаг вперед. — На самом деле ты ведь совсем не хочешь меня убивать.

Ив не сразу заметила маленький пистолет в его руке. С застывшим лицом он выстрелил от бедра, не целясь. Пуля попала ей в руку — «магнум» выскользнул из пальцев, Ив закричала.

Кролл снова выстрелил — плечо обожгло болью. Ив отшатнулась и соскользнула вдоль стены на пол. Старик переступил через нее и, стоя над девушкой, нацелил маленький кольт ей в лоб.

— Прощай, Ив, — улыбнулся он и рухнул навзничь, корчась в судорогах.

В дверях стоял Бен Хоуп. Сквозь звон в ушах Ив услышала приглушенные хлопки выстрелов: Бен опустошил в Кролла обойму. Окровавленный старик лежал на полу, лицом вниз, пробитый девятью пулями. Ив оказалась наполовину придавлена его телом.

Бен схватил мертвого Кролла за шиворот, отпихнул в сторону и присел рядом с Ив. Он тут же понял, что она ранена, и рванул ворот свитера в поисках раны.

Пуля прошила правое плечо между ключицей и грудной мышцей. Бен осторожно ощупал рану скользкими от крови пальцами. Ив чуть не потеряла сознание, когда он провел рукой по спине: под кожей застряла маленькая пуля. Бен выдохнул с облегчением: все не так уж плохо — пуля не разорвалась.

Правда, с рукой дело обстояло хуже. Бен вздрогнул, увидев белые обломки кости, торчащие из раны. Пальцы Ив неестественно скрючило — не исключено, что полностью подвижность восстановить не удастся.

Тем не менее Ив повезло: опасности для жизни нет. Стрелять Кролл не умел — предпочитал платить другим. А может, он был просто садист и хотел не спеша причинить как

можно больше боли, прежде чем убить девушку. В любом случае все кончено.

— Не волнуйтесь, — сказал Бен. — Вам помогут.

— Спасибо, — слабо прошептала Ив, пытаясь улыбнуться, и потеряла сознание.

Бен на мгновение застыл, глядя на девушку, потом погладил ее по щеке, оставив кровавую полосу.

Он встал и посмотрел на Кролла: старик скрючился, точно сломанная кукла. Род фон Адлеров пресекся, пришел конец убийствам и коррупции, которые длились два столетия. Безжизненные глаза Вернера Кролла были похожи на фарфор, тонкие морщинистые губы будто насмешливо улыбались.

Бену вдруг захотелось выстрелить в него еще разок, но были другие неотложные дела: куда подевался Гласс?

По стене расплзлось багровое пятно, капли крови на полу вели к лестнице. На первой ступеньке — отпечаток подошвы в луже крови, на второй — большая алая клякса, на третьей — новый отпечаток, на перилах красный след ладони. От Гласса остался лишь кровавый след, ведущий вверх. Где же сам Гласс?

«Клара!» — вдруг подумал Бен.

ГЛАВА 60

К ранениям Джеку Глассу было не привыкать. Пока он в состоянии держаться на ногах, игра еще не окончена. Пулей из дамской хлопушки его не остановишь. Он знал, что ключица сломана, но готов был терпеть боль, пока оставались силы выполнить задуманное.

Гласс тяжело несся вверх по лестнице, зажимая рану ладонью, чтобы унять кровотечение. Добравшись до четвертого этажа, он привалился к перилам и посмотрел вниз: двумя этажами ниже темная фигура быстро поднималась по винтовой лестнице — Хоуп догонял. Черт побери, кровавый след выдает его с головой!.. Но тут уж ничего не поделаешь, надо бежать дальше, несмотря на боль.

Гласс ухмыльнулся. Он и Хоуп снова на одной дистанции — словно во времена отборочных испытаний в спецназ. Только теперь у него есть преимущество, и он намерен им воспользоваться. Старикашка в дерьме по уши, все летит к черту — однако Джек Гласс не собирается разделить эту участь.

Обливаясь потом и кровью, он добрался до верхнего этажа и тяжело затопал по коридору. Двери слева вели в мансарды. Ключья обоев свисали со стен, ковровое покрытие было протерто до дыр, стужа стояла такая, что выступивший пот стал холодным. Гласс вломился в одну из комнат, нашел то, что искал, и сунул под мышку маленький кожаный футляр.

— Шеф, что с вами?

Глуповатый швед Бьоркманн с легкой тревогой разглядывал кровь на рубашке начальника.

— Все в порядке, — с трудом выдавил Гласс.

На большинство людей он смотрел сверху вниз, однако швед возвышался на нем почти на три дюйма — настоящий гигант с бычьей шеей толщиной с бедро Гласса. Огромный револьвер казался игрушечным в громадной ладони. Триста фунтов мышц и минимум мозгов — вот таких подчиненных и предпочитал Гласс.

— Внизу все просто взбесились! — сказал Бьоркманн на ломаном немецком. — Что происходит?

— К нам пожаловали незваные гости, — объяснил Гласс, вытирая холодный пот, заливавший глаза.

Сломанные концы ключицы сдвинулись, и он стиснул зубы.

— Кристиан, прикрой меня: за мной гонятся. Ты знаешь, что нужно делать. Я вернусь за тобой, понятно?

Гигант медленно кивнул.

— Конечно, шеф.

Гласс посмотрел, как Бьоркманн потопал по коридору, потом усмехнулся и ударил ладонью в дверь комнаты Клары Кински, оставив кровавый отпечаток.

Девочка скорчилась в углу, прижимаясь к стене и с ужасом глядя на Гласса. Он вытащил из кожаного футляра шприц, снял с иглы пластиковый колпачок и надавил на поршень — в воздух брызнула струйка яда.

— Дядюшка Джек позаботится о тебе, — сказал он.

Клара завопила во все горло.

ГЛАВА 61

Бен торопливо бежал вверх по лестнице, не сводя глаз с кровавых следов. Лево́й рукой он держался за полированные перила, в правой сжимал пистолет.

Пятна крови попадались часто: Гласс был сильно ранен, но все равно несся как сумасшедший. Судя по всему, он решил подняться на самый верх.

Бен взлетел по последнему пролету. Сердце бешено колотилось в груди. Кровавые следы вели в коридор. Бен пошел по ним, поводя пистолетом из стороны в сторону.

В конце длинного коридора хлопала открытая дверь, сквозь нее виднелись раздуваемые холодным сквозняком шторы и снег, наметаемый через балконную дверь. Бен вошел в комнату. Сквозь стук сердца в ушах он услышал знакомый звук, который становился все громче. Визг мощного двигателя перешел в оглушительный рев: на крыше кто-то заводил мотор вертолета. Бен подошел к балкону.

Из глаз вдруг посыпались искры, он мгновенно оказался на полу, уткнувшись в него лицом. Пистолет выскользнул из пальцев и отлетел в сторону. Кто-то схватил Бена за воротник и грубо вздернул на ноги. Он успел заметить широкий лоб и маленькие, горящие яростью глаза, смотревшие на него сверху вниз. Потом в челюсть ударил громадный кулак, и Бен отлетел прочь, как пушинка. Врезавшись в письменный стол, он растянулся поверх него — бумаги, папки и телефон полетели на пол.

На Бена шел такой здоровенный парень, каких он в жизни не видел.

— Ты труп, — сказал гигант по-английски с сильным акцентом. — Мне этот не нужен, — добавил он, заткнув за пояс «ругер» сорок четвертого калибра с восьмидюймовым стволом, и сжал руки в кулаки.

На крыше все громче завывал двигатель вертолета. Бен с трудом поднялся. Удар разбил губы в кровь, голова кружилась. Тем не менее даже на самого громадного мерзавца есть управа. Молниеносно приблизившись, Бен изо всех сил ударил противника в солнечное сплетение — так, что чуть руку себе не сломал. Удар получился на славу и уложил бы почти любого. Однако гигант будто ничего и не почувствовал.

Кулак размером с ананас пролетел над самым ухом Бена: если бы попал, то убил бы наверняка.

Шутки кончились. Бен пнул здоровяка в пах, тот парировал; ударил в горло — тот снова отбил. Бен отошел назад, понимая, что в комнате не развернуться и его загоняют в угол. Из открытой балконной двери донесся пронзительный крик перепуганного ребенка. Бен посмотрел в ту сторону, откуда раздался крик: окна выходили на широкую плоскую крышу, посадочную площадку для вертолета окружали высокие трубы и скаты. Ветер усиливался, поднимая снежные вихри. В тридцати ярдах прожектор вертолета прорезал снежные вихри белым лучом, лопасти вращались все быстрее. Джек Гласс попытался запихнуть Клару в открытую дверь вертолета, девочка отбивалась изо всех сил. Рубашка Гласса спереди потемнела от крови и липла к телу.

Бен слишком отвлекся: тяжелый ботинок ударил в ребра, что-то хрустнуло. Он вскрикнул, скатился на пол, держась за больной бок, и заполз под стол. Гигант одной рукой отшвырнул стол, вытащил из него ящик и ударил им Бена по голове. Ящик разлетелся в щепки, во все стороны посыпались всякие канцелярские мелочи. Внимание Бена привлекло что-то блестящее на ковре — нож для разрезания бумаги, сделанный в форме кинжала. Когда противник снова

приблизился, Бен с такой силой воткнул нож, что тупое лезвие прошло насквозь толстую прочную кожу ботинка, проткнуло ногу, затем подошву — гигант оказался приколот к деревянному полу, точно насаженный на булавку жук, и заорал от боли.

Бен кое-как встал и врезал противнику в пах. Удар подействовал: гигант сложился пополам. Бен схватил его за крохотные уши и ударил коленом в лицо.

На крыше Клара вырвалась из рук Гласса и побежала к окнам. Поскользнувшись на снегу, она упала, но торопливо вскочила на ноги. Гласс бросился за ней и схватил за длинные, развевающиеся от поднятого лопастями ветра волосы. Девочка закричала.

Гигант со стонами пытался оторвать от пола приколотую ножом ногу. Бен сорвал со стены огнетушитель и ударил тяжелым металлическим цилиндром по голове противника — тот рухнул вниз и перевернулся на спину. Бен опустил основание огнетушителя на лицо здоровяка и едва совладал с тошнотой: череп смялся, поверженный враг судорожно задергался и затих.

Окровавленный, избитый Бен выхватил из-за пояса мертвеца «ругер» — в барабане было шесть толстеньких патронов «магnum» — и на нетвердых ногах подошел к балкону: Гласс подхватил отбивающуюся Клару и нес ее к вертолету.

Не обращая внимания на сломанное ребро, Бен выскочил на крышу, прицелился и окликнул Гласса, перекрикивая шум вертолетных двигателей.

Тот прикрылся телом Клары и прижал к шее девочки шприц.

— Я убью ее! — закричал он. — Брось пистолет! Бен уронил револьвер и пинком отбросил его в сторону. Оставалось лишь беспомощно смотреть, как ухмыляющийся Гласс втащил девочку в вертолет, наручниками приковал ей руки к сиденью, а сам сел за штурвал: в Африке он стал неплохим пилотом. Взлетать в метель — сумасшествие, но Джек Гласс всегда был ненормальным и гордился этим.

Вертолет оторвался от площадки. Сквозь стекло Бен видел бледное лицо Клары: она кричала. Рев двигателей и вой ветра заглушали крики.

Бен побежал через площадку за взлетающим вертолетом. Поднятый винтами вихрь швырял снег в лицо, мешая смотреть. Бен поднял брошенный револьвер, хотя стрелять не осмелился.

Вдоль края крыши шел каменный парапет фута четыре высотой. Бен вскочил на него, сунул ствол револьвера за пояс и ухватился за парапет руками, чтобы не упасть. Гласс наклонил вертолет носом вниз, прибавляя скорость.

Бен оттолкнулся от парапета, на мгновение оказавшись в невесомости. Далеко внизу были залитые светом газоны виллы, на дороге мелькали мигалки множества полицейских машин — вечеринка превратилась в сумасшедший дом.

В падении Бен ухватился за холодный металл вертолетного шасси. Машина вильнула вправо, удаляясь от дома. Ветер хлестал по лицу и раздувал одежду. Подтянувшись и взбрыкнув ногами, Бен сумел вцепиться в шасси второй рукой. При взгляде вниз голова кружилась.

Гласс заметил висящего на шасси Бена, который отчаянно пытался залезть в дверцу, и, улыбнувшись, направил вертолет к дому: стряхнуть преследователя не удастся, зато можно размазать его по крыше.

В темноте чернел силуэт большой трубы. Гласс резко повернул к ней. Бен заметил летящую на него кирпичную кладку и поднял ноги, оставшись невредим, хотя ускорение чуть не вырвало руки из суставов.

Гласс опять полетел над крышей. Бен задел ногами черепицу, и та посыпалась на землю. Гласс со смехом вновь развернул вертолет: еще разок, и он размажет Хоупа по стенке, как козявку.

Вот только развернулся он слишком рано: хвостовой винт зацепил крышу — вспыхнул фейерверк искр, полетели искореженные обломки металла. Приборы на панели управления зашкалило, вертолет вздрогнул, и его повело прочь от дома, в сторону леса.

Бен сумел поставить ногу на шасси, ухватился за ручку и, рванув дверцу, впрыгнул в кабину. Вертолет беспомощно завис над верхушками деревьев, луч прожектора выписывал

дикие круги над заснеженными зелеными соснами, голыми дубами и буками.

Гласс бросился на Бена, пытаясь уколоть его шприцем. Бен увернулся и ударил руку противника о панель управления, выбив из пальцев шприц, потом вцепился в короткие волосы Гласса и бил его головой о панель Управления, пока не разбил лицо в кровь.

Вертолет падал, все быстрее вращаясь вокруг собственной оси. Гласс полоснул Бена ногтями по лицу. Бен треснул его об дверь, дал в зубы и снова ударил о панель управления. Тот обмяк. Вертолет резко вильнул в сторону и стал падать на верхушки деревьев.

Бен схватился за рычаги управления, но сделать ничего не мог. Вертолет протянул еще сотню ярдов, прежде чем напоролся на деревья: несущий винт разнесло вдребезги. Они падали на землю, ломающиеся ветки царапали фюзеляж, мотор заглох, куски искореженного винта сыпались сверху. Вертолет переворачивало, и Бена бросало то на пол, то на потолок кабины.

В тридцати футах от земли ветки закончились. Сквозь треснувшее стекло Бен мельком увидел стремительно надвигающуюся заснеженную землю, потом его сильно приложило о панель управления. Вертолет зарылся носом в сугроб, сверху сыпались сломанные ветки и металлические обломки.

Обмякший Гласс растянулся на пульте управления. Из приборной доски вылетали искры, запахло авиационным керосином.

Преодолевая боль, Бен полез вверх, в заднюю часть разбитой кабины. Клару зажало между сиденьями, она отчаянно дергала рукой, пытаясь разорвать цепочку, которая приковывала запястье к сиденью.

Раздался треск, что-то полыхнуло за спиной. Бен оглянулся: огонь лизал ветровое стекло изнутри, языки пламени разбегались по панели управления и передним сиденьям — через несколько мгновений вертолет взорвется.

Он дернул цепочку наручников; та не поддалась. Клара смотрела на него широко раскрытыми глазами, волосы у нее растрепались, губа была разбита. Девочка попыталась вырвать руку из стального браслета, но наручник плотно охватывал запястье.

Пламя разгоралось. Бен подполз обратно к обмякшему Глассу и пошарил в карманах окровавленного смокинга: ключа к наручникам не было. Жара становилась невыносимой. Язык пламени лизнул спину Бена, опалив одежду. Времени не оставалось — вертолет вот-вот взорвется.

Оглушенный болью и страхом, Бен не сразу вспомнил про револьвер. Выхватив его из-за пояса, он прижал дуло к браслету, закрепленному на сиденье, и нажал спусковой крючок.

От громового выстрела зазвенело в ушах. Новая волна жидкого пламени плеснула из почерневшего нутра вертолета, и Бен пришел в себя. Клара была свободна: разбитая цепочка болталась на браслете, охватывавшем кисть девочки.

Они с трудом протиснулись к дверце. Собравшись с силами, Бен пинком распахнул ее, схватил Клару за руку и как-то ухитрился вылезти наружу, опередив стремительно распространяющийся огонь.

Бен потащил спотыкающуюся девочку по снегу. Не успели они отойти на двадцать ярдов, как лес за спиной осветила вспышка белого пламени. Топливные баки вспыхнули, и вертолет взорвался огненным шаром. Бен спрятался за ствол дуба, прикрыв Клару своим телом. Стало светло как днем, деревья загорелись. Пылающие обломки вертолета разбросало во все стороны. Бен прижал к себе кричащую от страха девочку.

ГЛАВА 62

Три дня спустя

Отель «Бристоль», Вена

Бен вошел в фойе роскошного отеля. Одежда казалась слишком новой и жесткой, при каждом движении бок пронзала боль.

В фойе собралась толпа журналистов и фотографов. Бен знал, что Филипп Арагон с армией помощников снял целый этаж в отеле, чтобы давать здесь пресс-конференции: от

желающих получить интервью отбоя не было. Захват полицией виллы фон Адлера стал новостью номер один, сенсацией, какой не видывали много лет, и Арагон оказался в ее центре. Три дня Бен намеренно не смотрел телевизор и не слушал радио, и все равно кое-какие новости просачивались.

За последние три дня Филипп Арагон нажал на столько тайных рычагов, что большинству политиков и не снилось. Благодаря его влиянию на самом верху удалось замазать некоторые подробности дела, скрыв их от средств массовой информации. По официальной версии, все убийства на вилле совершены людьми самого Кролла — Бен и его команда никогда там не появлялись.

Понадобилось двое суток, чтобы привести виллу в порядок. От сгоревшего вертолета остались лишь обломки, разбросанные взрывом по лесу. Следов Джека Гласса не нашли. Впрочем, при температуре горения авиационного керосина человеческое тело сгорает дотла, включая зубы и кости, — Бену приходилось видеть такое раньше.

Сквозь толчею в фойе к нему пробился мужчина — примерно одного возраста с Беном, но уже с лысиной и очень худощавый, если не сказать тощий.

— Меня зовут Адриен Лакан, — сказал он погромче, чтобы перекричать гул толпы, и протянул руку. — Я личный секретарь Филиппа Арагона. Рад, что вы смогли прийти, месье Хоуп.

Лакан провел Бена к лифту — вокруг засверкали вспышки камер. Бен отвернул лицо. Охранники оттеснили журналистов, которые стянулись со всех сторон.

— Просто сумасшедший дом, — покачал головой Лакан, нажимая кнопку верхнего этажа. — В жизни не видел ничего подобного.

В шикарных апартаментах Арагона непрерывно звонили телефоны, стоял шум и гам: одни помощники суетились, озабоченно бегая туда-сюда с наушниками и микрофонами, другие собрались вокруг расставленных на столах телевизоров, показывавших различные программы новостей. Две женщины просматривали огромную стопку газет.

Посреди этого бедлама Арагон сидел на столе, перебирая бумаги и разговаривая по мобильнику. Воротничок рубашки был небрежно расстегнут, политик выглядел свежим и энергичным, несмотря на пластырь на лбу, прикрывавший зашитую ссадину. Увидев Бена, он широко улыбнулся, положил кипу бумаг на стол и, закончив разговор, приветливо поздоровался с гостем.

— Не забудьте о назначенном интервью, — предупредил Лакан.

Арагон отмахнулся и взял Бена под локоть.

— Извините, вот тут потише. — Он провел Бена сквозь суетливую толпу помощников в комнатку и закрыл дверь. — Спасибо, что пришли.

Арагон держался молодцом. Он выглядел, как всегда, спокойным и уверенным, но теперь в нем появился огонек, готовность драться, как у бойца на ринге, которой раньше Бен не замечал.

— Вы сказали, что это важно.

— Так и есть. Я хотел кое-что обсудить с вами, пока вы не уехали. Вы ведь сегодня улетаете?

— Рейс через несколько часов, — кивнул Бен.

— В Ирландию? Никогда там не бывал. Как там, в Ирландии?

— Много зелени. Мало людей. Тишина.

— Порой мне тоже хочется уединиться в тихом местечке. — Арагон кивнул на дверь, за которой царил суматоха. — Сейчас я бы уехал и не вернулся. Везет же вам.

Бен отнюдь не чувствовал себя везунчиком.

— Вы всегда можете все это бросить, — ответил он. — Вернитесь к тому, чем занимались раньше. Архитекторам не грозит опасность быть убитыми или похищенными.

— Вы говорите совсем как моя жена Колетт.

— Ваша жена, должно быть, мудрая женщина, — заметил Бен.

— А ведь вы сами постоянно рискуете.

— Работа у меня такая.

— Вы мне очень помогли, — сказал Арагон. — Я этого никогда не забуду.

— Я не для вас старался, — с улыбкой ответил Бен.

— Я ценю вашу откровенность. Тем не менее очень вам благодарен. — Арагон вытащил из внутреннего кармана пиджака небольшой белый конверт. — Вот, возьмите.

На лицевой стороне конверта стояло имя Бена.

— Откройте, — предложил Арагон, с довольным видом откинувшись на спинку кресла.

Вскрыв конверт, Бен вытащил из него листок бумаги — чек, выписанный Арагоном на имя Бенедикта Хоупа. В сумме значилась единица и целый ряд нулей.

— Ничего не понимаю, — удивился он. — За что?

— Я забыл вам сказать, что предлагал награду в один миллион евро тому, кто поможет найти убийц Роже, — объяснил Арагон. — Вы помогли нам их взять, так что деньги ваши. Тратьте на здоровье.

Бен уставился на чек.

— Спасибо, Филипп.

Арагон улыбнулся:

— Ну вот и ладно. Счастливого вам возвращения домой. Думаю, мы еще увидимся.

— Нет, вы не поняли. Я имел в виду, спасибо, не надо, — заявил Бен, возвращая чек.

— Вы отказываетесь от награды?

Бен кивнул.

— Но ведь вы ее заслужили! — настаивал Арагон.

— Лучше позаботьтесь о вдове Сэнди Кука с детишками, — ответил Бен. — Остальное отдайте на благотворительность. Мне деньги не нужны, пусть они пойдут на добрые дела.

Кински не сразу доковылял до двери на костылях.

— Рад видеть тебя на ногах, Маркус, — сказал Бен, входя в дом.

Кински был в халате, нечесаный и с многодневной щетиной на бледном лице. Под глазами чернели круги.

Бен огляделся. Даже не верилось, что в этом современном домике в пригороде живет суровый полицейский. Все слишком ухожено, чисто, на столах вазочки с цветами — сразу чувствуется женская рука. Должно быть, Хельга постаралась.

Приходу гостя Маркус явно обрадовался. Бен посмотрел на закованную в гипс ногу — только пальцы наружу торчат. Гипс покрывали надписи с пожеланиями скорейшего выздоровления.

Кински перехватил его взгляд.

— Чешется, сил нет! Снять бы эту штуковину поскорее, к чертовой бабушке.

— Как дочка? — спросил Бен, следуя заковыляющим хозяином по коридору.

— Смурная немного. Ничего, отойдет. Она сильная девочка. — Кински бросил взгляд на пакет в руке Бена. — Что там у тебя?

— Подарок принес. — Он вытащил большого плюшевого мишку, которого второпях купил по дороге. — Надеюсь, Кларе понравится.

— Вот сам и отдай. — Кински дохромал до лестницы и встал, опираясь на костыли. — Клара! К тебе гость! — крикнул он.

Из дверей наверху высунулась голова. Увидев Бена, девочка вспыхнула от радости, слетела по ступенькам и обняла гостя.

Слава богу, она вновь улыбается. Последний раз, когда он ее видел, у ребенка был потерянный взгляд. Хотя Кларе многое пришлось пережить, возможно, ее отец прав: она справится.

— Ты, наверное, слишком большая для таких подарков, — сказал Бен, вручая ей медведя.

Клара прижала игрушку к груди.

— Я назову его Беном! — радостно улыбнулась она. — А у меня есть еще один новый друг! Папа, можно я покажу?

Кински кивнул. Клара весело побежала по коридору с мишкой в руках.

— Маффи! — крикнула она.

Щенок ротвейлера, пушистый комочек черного меха размером с кролика, неуклюже выскочил из гостиной на больших не по росту лапах и склонил голову набок, глядя на гостя огромными любопытными глазами. Как и у Макса, у щенка были коричневые полоски на месте бровей.

— Пойди поиграй с Маффи, — велел Кински дочери. — Нам с Беном надо поговорить.

Он провел гостя на кухню, прислонил костыли к столу и сел, выставив перед собой ногу в гипсе. Из буфета Кински достал два стакана и бутылку виски, налил стаканы до краев и подвинул один Бену.

Не выдержав, он попытался просунуть пальцы под гипс, сдался и в раздражении отхлебнул сразу полстакана бурбона.

— Я думал, ты завязал, — заметил Бен.

— Уже развязал. Помогает отвлечься, когда нога невыносимо чешется, черт бы ее побрал.

— Арагон сказал, что ты возглавляешь расследование.

Кински кивнул.

— По-моему, дело затянется надолго. Они собрали самых ушлых адвокатов, какие только есть на свете. Этим подонкам ох как нужны адвокаты.

— Сорняки можно срезать, но корни-то останутся.

Кински пожал плечами.

— Хотя бы что-то...

Они молча выпили.

— Я тебе по гроб жизни благодарен за то, что ты спас Клару, — тихо сказал Кински. — Хотел бы я тогда оказаться с тобой рядом.

— Мне очень жаль, что Хильдегард погибла.

Кински поднес стакан к губам, осушил до дна, потом медленно выдохнул.

— Бен, когда мне сообщили про Ли... — Он замолчал, опустив небритый подбородок на грудь.

Бен положил руку на плечо полицейского.

— Спасибо, Маркус.

Через полтора часа Бен сидел в мягком кресле, оглядывая роскошное убранство частной клиники. Комната была заставлена растениями и цветами, в углу стояла рождественская елка. За окнами сыпал снежок, но внутри было тепло.

Из скрытых динамиков доносилась негромкая музыка — кажется, Моцарт. Бен не знал, что именно, да и знать не хотел. Черт бы побрал этого Моцарта! Музыка напомнила про Оливера и Ли. Бен вдруг остро пожалел, что в кармане нет привычной фляжки.

— Привет, Ив! — поздоровался он.

Она остановилась на пороге, неуверенно улыбаясь, потом подошла к нему. Девушка была одета в темно-синий спортивный костюм с отрезанным рукавом: рука висела на перевязи, закованная в гипс от локтя до кончиков пальцев, — никто не написал на нем пожеланий скорейшего выздоровления.

— Как рука? — спросил Бен.

— Вряд ли я теперь смогу играть на гитаре, — ответила Ив, садясь в соседнее кресло. — Сделали операцию, посмотрим, как будет дальше. Хорошо хоть не сильно болит — если глотать обезболивающее горстями.

Она улыбнулась, хотя лицо выглядело бледным и осунувшимся.

Бен повернулся в кресле, поморщившись от острой боли в ребрах.

— Я смотрю, мы тут оба покалеченные, — сказала Ив. — Что с тобой?

— Так, ничего, жить буду, — ответил Бен. — Просто мышцы свело.

— Я удивилась, когда ты позвонил. Не думала, что мы снова увидимся. Спасибо, что зашел меня проведать.

— Я рад, что Арагон о тебе позаботился.

— Да уж, лечат здесь по первому разряду. — Ив замолчала. — Я многим обязана Филиппу. Он сделал для меня больше, чем я того заслуживаю.

— Филипп — славный парень, — согласился Бен. — По сравнению с другими политиками.

— Он мне очень помог. Возможно, я получу всего лишь условный приговор. Для меня жизнь началась заново.

Бен кивнул. Они оба понимали, что Ив легко отделалась. Бен лучше ее знал, как сильно пришлось постараться Арагону и какие связи использовать, чтобы добиться поблажек. По сравнению с сочувствием, которое проявлял по отношению к людям Арагон, Бен казался самому себе очень черствым человеком.

— Мне ужасно стыдно за все, что я натворила, — призналась Ив, опуская глаза.

— А что тебе еще оставалось? И ведь в конце концов ты все исправила.

— Не я, а мы все исправили, — возразила она. — Что собираешься делать дальше? Поживешь еще немного в Австрии?

— Нет, я улетаю сегодня в Дублин.

— Жаль. Я бы с удовольствием с тобой пообщалась.

Бен грустно улыбнулся.

— Как-нибудь заглянешь в наши края? — спросила Ив.

— Может, и загляну.

— Разве ты не придешь на суд?

— Я ко всему этому не имею никакого отношения, — покачал головой Бен.

— А я — главный свидетель.

— Знаю. Все будет в порядке, — заверил ее Бен.

Он повернулся, чтобы уйти. Ив вышла с ним в коридор и вдруг остановилась.

— погоди! Чуть не забыла!

Она поднялась на второй этаж и через мгновение вернулась, держа в руке хорошо знакомый Бену предмет — его старую кожаную куртку.

— После твоего звонка я попросила принести ее из моей квартиры.

— Я думал, что больше никогда ее не увижу!

— В тот день она осталась у меня.

Ив покраснела.

Бен взял куртку и перекинул ее через плечо — хорошо, что нашлась!

— Спасибо, — пробормотал он и повернулся к двери.

— Может, все-таки задержишься в Вене ненадолго?

— Да нет, поеду.

— Ничего, если я тебе как-нибудь позвоню?

Венский аэропорт Швехат лежал в двадцати километрах к юго-востоку. В такси Бен с облегчением снял недавно купленную куртку и надел вместо нее старую. В одном кармане он нашел свою фляжку, в другом — мобильник. Бен включил телефон, чтобы проверить, остался ли еще заряд в батарее, — остался.

Тогда он позвонил Кристе Флейг. Она молча выслушала его сообщение о том, что виновные в смерти Фреда получили по заслугам. В подробности Бен не вдавался.

— Следите за новостями. Кстати, вам, наверное, позвонит полицейский по фамилии Кински. Ему можно доверять.

После регистрации до вылета оставался еще час, и Бен точно знал, на что уйдет время. Он уселся за стойку бара в зале ожидания и взял тройное виски. Виски хватило ненадолго, и Бен повторил. По-настоящему напивался он нечасто, но сегодня денек вроде подходящий, так почему бы не начать прямо сейчас? Из кармана куртки он достал пачку сигарет «Житан» и щелкнул зажигалкой. Втянув крепкий табачный дым глубоко в легкие, Бен медленно выдохнул струйку через нос и закрыл глаза. Перед мысленным взором мгновенно возникло лицо Ли.

— *Rauchen verboten*, — неодобрительно произнес бармен, указав на знак «Не курить».

Бен глянул на бармена так, что тот счел за лучшее ретироваться. Сидевшая за стойкой дамочка в брючном костюме недовольно хмыкнула, но промолчала. Бен допил виски и покрутил пустой стакан на полированной поверхности стойки, размышляя, не заказать ли еще один.

Зазвонил мобильник. Бен не стал отвечать на звонок.

Телефон замолчал.

Бен заказал еще виски, и бармен хмуро обслужил его.

Телефон опять зазвонил. Дамочка раздраженно уставилась на Бена: или ответь на звонок, или выключи дурацкий мобильник!

Он со вздохом поднес телефон к уху. Звонила женщина, но связь была плохая, толком ничего не понять.

— Ив, ты что-то хотела? — спросил Бен.

Рановато Ив надумала ему звонить...

— Какая еще Ив? — спросили в трубке.

— Что? — растерялся Бен и заткнул другое ухо чтобы не слышать шума в баре, музыки и объявлений о посадке.

— Это я, Ли! — закричал голос в трубке. — Ли!

ГЛАВА 63

Несколько часов спустя

Горы в Словении

Из аэропорта в Люблянах до Бледа на северо-западе Словении путь неблизкий. Бен гнал взятую в прокат «ауди» на максимальной скорости — поскорее бы снова увидеть Ли! Из головы не выходил ужасный снимок, показанный Кроллом: на нем Ли выглядела мертвой.

Городок со всех сторон окружали сосновые леса. Мокрая после дождя дорога шла по берегу озера Блед. На заросшем островке посреди озера поднимался в пасмурное небо над деревьями шпиль церкви. На заднем плане высились заснеженные горы.

Следуя полученным по телефону указаниям, Бен добрался до элегантной виллы в конце тихой улочки. На полированной медной табличке жирными черными буквами было выведено имя: Аня Ковак — и под ним что-то еще, чего Бен не понял. Табличка походила на те, которые вешают на своих домах врачи и адвокаты. Бен еще раз сверился с указаниями: все верно, Ли дала именно этот адрес, вот только что она здесь делает?

Он немного посидел в машине, чтобы собраться с мыслями. По ветровому стеклу стучал дождь, и Бен смотрел на стекающие капли. С тех пор как Ли ему позвонила, он много всякого передумал. Наконец он открыл дверцу и собрался выйти из машины.

В этот момент дверь дома распахнулась — на крыльце стояла Ли, одетая в черный шерстяной свитер на пару размеров больше и черные мешковатые штаны: похоже, одежда с чужого плеча, и тот, кто ее одолжил, явно предпочитал черный цвет.

Бен вылез из машины и побрел к воротам. Дождь припустил. Ли пошла навстречу: чем ближе они подходили друг к другу, тем больше ускоряли шаг, пока наконец не встретились.

Ли прижалась к нему, и Бен крепко обхватил ее, не желая отпускать. Черт с ними, со сломанными ребрами. Ему вдруг снова захотелось поцеловать Ли, только вдруг ей это не понравится?

Они долго стояли, обнявшись, потом Ли все-таки оторвалась от Бена, по-прежнему держа его за руки. Промокшая под дождем, она плакала и смеялась одновременно.

— Я так рада тебя видеть!

— Я думал, ты погибла... — едва выдавил Бен. — За последние несколько дней я чуть с ума не сошел.

Ли посмотрела на него.

— Ты сказал, что все закончилось. Это правда?

Он кивнул.

— Все в самом деле закончилось. Опасность тебе больше не грозит. Можешь спать спокойно.

— Ты их нашел?

Бен опять кивнул.

— Как тебе это удалось? — спросила она.

— Лучше не спрашивай.

— Где Клара?

— Дома, с отцом. С ней все в порядке, оба живы-здоровы.

Посмотрев на небо, Ли вздрогнула и обхватила себя руками.

— Дождь идет, — сказала она. — Пойдем в дом.

Пол в доме покрывали терракотовые плитки, стены были выкрашены в белый цвет — чисто и похоже на больницу. Слева кто-то кашлянул. Сквозь открытую дверь виднелись сидящие на стульях люди, некоторые читали журналы. Пахло антисептиком — явно приемная врача.

Непонятно, как Ли занесло сюда.

Она провела его дальше по коридору, к следующей двери.

— Аня принимает пациентов, так что можно поговорить здесь.

Они оказались на кухне. На газовой плите булькал кофейник.

Ли налила кофе в чашки и подала одну Бену.

— Ты изменился: волосы стали темнее. Что ты с ними сделал?

— Ты тоже изменилась: ты живая.

— Ну уж явно не мертвая! — улыбнулась Ли.

— Я знаю, что произошло в монастыре. Не следовало оставлять тебя там одну...

— Я тебе который день звоню, твой телефон не отвечает. Я очень переживала.

— У меня не было телефона, — ответил Бен, не объясняя причины. — Лучше расскажи, что произошло с тобой и как ты здесь оказалась.

— Да что тут рассказывать. Вертолеты улетели. Клару похитили, и я ничем не могла ей помочь. — Ли помолчала, погружившись в воспоминания. — Я ждала, пока они все уйдут. Заметила дым и поняла, что происходит. Очень боялась, что они вернуться, и решила убежать как можно дальше. Я была вся в крови.

— Тебя ранили?

— Нет.

— Ты стреляла из старой двустволки?

Ли кивнула.

— Пришлось стрелять. — Она вздрогнула, на мгновение зажмурилась и отхлебнула глоток кофе. — Ужасно противно было ощущать на себе его кровь. Я нашла ручей и отмылась. Потом долго бродила в снегу. Просто шла, сама не зная куда. Вокруг ни души, только лес и горы. Я мало что помню; говорят, я едва держалась на ногах, когда меня нашли.

— Кто нашел?

— Аня.

— Эта докторша?

Ли кивнула.

— Мне повезло. Аня не так-то часто берет выходной. В тот день она каталась с друзьями на лыжах. Наткнулись меня. Аня была единственной, кто понимал по-английски. Сначала она хотела отвезти меня в больницу, но я упростила ее не делать этого. Тогда она взяла меня к себе, и я провела тут всю неделю.

— Я очень благодарен Ане, — произнес Бен и погладил Ли по руке — рука была мягкая и теплая. — Ли, я должен тебе кое-что сказать. Письмо, которое нашел твой отец, уничтожено. Мне очень жаль.

— Да и черт с ним. Лучше бы отец вообще его не находил.

— Это еще не все. Я думаю, твой отец был прав и Арно тоже: письмо подлинное.

- Наверняка мы этого уже никогда не узнаем, верно?
- Верно. И я тоже рад, что письмо уничтожено.
- Значит, теперь все позади?
- Да, все позади.
- А поподробнее нельзя?
- Лучше не надо. Погибли люди.
- Ли помолчала.
- Я отвезу тебя домой, — сказал Бен.
- У меня нет документов: я все потеряла.
- Документы тебе не понадобятся: мы полетим на частном самолете.
- Чьем? — удивилась Ли.
- Филиппа Арагона.
- Арагона? — Она недоуменно покачала головой. — Того самого политика?
- Лучше не спрашивай, — ответил Бен. — Успеешь собраться к утру?
- Да я хоть сейчас готова.
- Сначала поужинаем!
- Хочешь пойти в ресторан? Мне надеть нечего.
- Ты и так прекрасно выглядишь! — улыбнулся Бен.

Они сидели за столиком на двоих в ресторане отеля на берегу озера Блед. Бен заказал лучшую бутылку вина из запасов ресторана и не сводил глаз с Ли, постоянно напоминая себе, что она на самом деле жива.

— Ты все еще смотришь на меня, как на привидение! — засмеялась Ли.

— Видела бы ты свою фотографию. Я до смерти перепугался. До сих пор вспоминаю — и в дрожь бросает.

— Вот к чему приводит многолетний опыт трагических ролей! — сказала Ли. — В операх полно жутких смертей — я умирала тысячу раз. Кармен зарезали. Госка прыгнула со стены крепости. Лючия ди Ламмермур убила мужа, а потом, покрытая кровью с головы до ног, сошла с ума и тоже умерла. Тут быстро научишься выглядеть трупом. Иногда оперу снимают, и камеры смотрят тебе прямо в лицо. Я умею задерживать дыхание не хуже ловцов жемчуга и не моргать часами.

— Во всяком случае, все выглядело очень убедительно.

Ли сделала глоток вина.

— А мне кажется, что это был сон.

— Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом.

— До сих пор удивляюсь, как он умудрился в меня промазать, — сказала Ли. — Когда я услышала выстрел, то подумала, что мне конец. Только упав с обрыва, поняла, что целехонька. Чудеса какие-то.

— Никаких чудес, — ответил Бен. — Господь здесь ни при чем, благодари святого — покровителя кривых стволов. Снеговика помнишь?

Ли подняла бокал и улыбнулась.

— Какой ты скептик — особенно для бывшего теолога.

— Я ведь говорил, что пуля уходит вправо.

— Ну да, но я-то с ходу попала снеговику прямо в лоб!

— Это точно, — согласился Бен. — Вот если бы ствол был прямой, то ты бы промазала.

— Интересная у тебя логика! — засмеялась Ли.

Бен молча подождал, пока она перестанет смеяться.

Улыбка исчезла с его лица, он крутил бокал между пальцами, выбирая самый подходящий способ сказать то, что собирался.

Ли заметила перемену настроения и недоуменно посмотрела на Бена.

— Что с тобой?

— Да вот, думаю, — серьезно ответил он.

Ли молча ждала продолжения.

Бен тоже молчал, опустив глаза.

— Так о чем ты думаешь? — повторила она.

— Думаю, что надоело мне это.

— Что именно? — озадаченно моргнула Ли.

— Пора мне в отставку.

— Ты вроде уже в отставке?

— Я имею в виду, что пора бросать такую работу.

Ли откинулась на спинку стула.

— Почему?

— Потому что я больше не хочу этим заниматься.

— Почему? — повторила она.

Он посмотрел ей в глаза.

— Из-за тебя.

— Из-за меня?

— Ли, с этой работой никакой жизни нет. Уйдя от тебя, я очень многое потерял. Прости, мне следовало послушать Оливера и жениться, когда ты этого хотела. Дурак же я был...

Ли молчала.

— Когда мне сказали, что ты умерла, я кое-что понял... Понял, как сильно люблю тебя. Всегда любил... — Бен взял Ли за руку. — Ты дашь мне еще один шанс?

Она посмотрела ему в глаза.

— Я хочу быть с тобой, — признался Бен. — В твоей жизни не найдется местечка для меня?

Ли молча смотрела на него.

— Ли, выходи за меня замуж.

— Ничего себе! — ответила она.

Бен отпустил ее руку и повертел бокал.

— Необязательно отвечать прямо сейчас.

— Ты действительно хочешь, чтобы я вышла за тебя замуж?

— Да. Я в самом деле этого хочу.

— Я много путешествую, — заметила Ли. — Я серьезно отношусь к своей работе. Жить со мной не так-то просто.

— Меня это не пугает.

— А как же твой дом в Ирландии?

— Продам, — не колеблясь ответил Бен.

— Ты согласен жить вместе со мной в Монако?

— Мне нравится Франция. Я люблю французское вино и французскую кухню. В Париже у меня есть квартирка. Я ничего не имею против жизни во Франции.

— Ты с ума сойдешь от скуки, не зная, чем заняться.

— Занятие я себе найду, — ответил Бен. — У меня уже есть кое-какие мысли на этот счет.

— Но ведь ты терпеть не можешь оперу.

Бен помедлил с ответом.

— А вот это ты в точку. Ненавижу оперу. Особенно немецкую, и больше всех — Моцарта.

Ли засмеялась, потом притихла и серьезно посмотрела на Бена.

— Пятнадцать лет прошло. Разлука была очень долгой. Нам есть о чем поговорить. К тому же мы оба изменились.

— Я знаю, — согласился Бен. — И все-таки я серьезно. Ты подумаешь о моем предложении?

ГЛАВА 64

Несколько недель спустя

Багамские острова

Крис Андерсон потягивал мартини, под ногами расстился белый песок пляжа. Теплый бриз ерошил листья пальм над головой, «Изольда» неторопливо покачивалась на волнах. Крис потянулся за газетой — «Таймс» трехдневной давности, от девятнадцатого января. Новости устарели, но Крис любил быть в курсе всего, что происходит дома, — хотя что там могло случиться за три дня?

Он пролистал страницы. Очередное убийство на Ближнем Востоке, шторм потрепал побережье Великобритании... Все как всегда. Крис потянулся, посмотрел на свою яхту в тихой голубой лагуне и, сам себе улыбаясь, пролистнул еще несколько страниц.

Взгляд зацепился за небольшой заголовок.

— Я так и знал... Вот ведь стерва! Обвела меня вокруг пальца.

«Оперная звезда вышла замуж».

Заметка была короткая, с маленькой фотографией. Свадьба состоялась неделю назад в Венеции, где невеста, мисс Ли Ллуэллин, принимает участие в репетициях новой постановки знаменитой оперы «Волшебная флейта». Крис долго всматривался в лицо жениха на расплывчатой черно-белой фотографии, перевел взгляд на имя в заметке, потом снова посмотрел на фото: майор Бенедикт Хоуп — чего и следовало ожидать.

— Вот ведь скотина, — пробормотал Крис.

С отвращением скомкав газету, он выбросил ее, сделал еще глоток мартини и отшвырнул бокал.

Оперный театр «Ла Фениче», Венеция, Италия

Все здесь было покрыто красным бархатом: кресло, в котором сидел Бен, стена за его спиной и перегородки по обеим сторонам ложи. Бен ослабил галстук и откинулся на спинку кресла. Большинство мужчин в зале были одеты в смокинги, но надевать смокинг второй раз за пять недель — это уж слишком; соблюдая минимум приличий, Бен надел темный костюм и синий галстук.

Из ложи открывался прекрасный вид на зал легендарного оперного театра. «Ла Фениче» в переводе с итальянского означает «феникс». Очень меткое название. Программка информировала, что театр часто горел: в последний раз пожар случился в 1996 году, а в 2003-м здание полностью восстановили во всем его великолепии.

«Великолепие» — это точно сказано. Бен огляделся. За свою жизнь он повидал немало роскошных интерьеров, но с этим они не шли ни в какое сравнение. Театр был так богато украшен, что казался собором, построенным в честь музыки.

Бен вздохнул. Ну вот, он в Венеции. Впервые слушает оперу. Ли здесь хорошо знают: многие пришли специально, чтобы ее увидеть, — примадонна пела партию Царицы ночи. Журналисты ей проходу не давали, а заодно и ее свежее испеченному супругу.

Бен не привык к такому вниманию, первые столкновения с ордами журналистов и папарацци его порядком обескуражили. Пожалуй, он повел себя с ними чересчур грубовато. Особенно с тем настырным оператором, которого пригрозил утопить в Большом канале.

Ко многому придется привыкать. Интересно, сможет ли он полюбить оперу? Поживем — увидим. А пока Бен всего лишь хотел услышать Ли на сцене: он никогда не слышал, как она поет вживую, и ему не терпелось посмотреть на Ли в ее стихии.

Оркестр настраивал инструменты, зрители оживленно разговаривали, наполняя зал гомоном. Бен развалился в кресле, впитывая все происходящее, — пьянящее чувство. Пожалуй, теперь понятно, что именно привлекает исполнителей, которые посвящают всю жизнь выступлениям.

Разговоры стали затихать, в зале раздались громкие аплодисменты. В оркестровой яме появился дирижер: высокий мужчина с густой гривой черных волос над высоким лбом, одетый в черный смокинг и белый галстук. Он сдержанно и сосредоточенно поклонился — сначала сцене, потом зрителям — и встал за дирижерский пульт. В зале повисла мертвая тишина, которую разорвал первый аккорд увертюры — вступили все инструменты оркестра. Пауза в

четыре такта и еще два аккорда, новая пауза, снова два аккорда — композитор использовал мощное средство привлечь внимание зрителей, и оно прекрасно сработало.

Увертюра закончилась, зрители захлопали, свет в зале погас — начинается. Тяжелый занавес легко раздвинулся, и Бен приготовился слушать оперу.

От декораций захватывало дух: развалины зданий, храмов, заросли и камни — совершенно дикая местность. Все выглядело настоящим, световые эффекты были не хуже, чем в любом фильме. Масонское влияние прослеживалось в египетской форме развалин и в пирамиде на заднем плане. Бен отмахнулся от навеянных ими воспоминаний: все позади.

На сцене появился бегущий юноша, за которым гналась огромная змея. Споткнувшись, беглец упал у подножия пирамиды. Пока юноша лежал без сознания, вышли три женщины в необычных костюмах и убили змею серебряными копьями. Бену все это показалось очень странным. Поражала громкость звука, хотя микрофонов не было. Он заглянул в либретто, пытаясь следовать за развитием сюжета, но скоро потерял нить: опера его не интересовала. Он хотел увидеть Ли, а она появится позже.

Бен рассеянно слушал и смотрел: зрелище было невероятное, впечатляющее и мастерски поставленное, однако лично его не увлекало — пока на сцену не вышла Царица ночи в длинном серебристо-черном платье, украшенном звездочками; в ее короне тоже блестели звезды.

Бен почувствовал, какое впечатление произвела на зрителей Ли, едва появившись. Под лучами прожекторов она прошла к середине сцены и уверенно завладела вниманием зала. Из ложи на противоположной стороне зала кто-то бросил красную розу — цветок пролетел над оркестровой ямой и упал на сцену.

Ли запела. Сила и глубина ее голоса поразили Бена до глубины души. Он не сводил глаз с Ли, едва ее узнавая. Казалось, что она не сама поет, а служит инструментом, передающим музыку из какого-то другого источника. Пение наполнило зал такой невероятной красотой, с которой Бен никогда раньше не встречался.

Так вот, значит, каково это. Бен внезапно осознал, кем была Ли на самом деле и в чем смысл ее жизни. Объяснению это не поддавалось, нужно было просто понять, почувствовать — а тот, кто не чувствовал, был бездушным мертвецом. У Бена мурашки поползли по коже.

Ария Ли закончилась слишком быстро. В зале послышались крики «браво!», на сцену полетели цветы. Опера продолжалась.

Из либретто Бен знал, что до следующего выхода Ли времени еще много: вполне хватит, чтобы пропустить стаканчик в баре. Он тихонько вышел из ложи в коридор с красным ковром на полу.

Примерно в это же время опоздавший зритель вошел в фойе театра и оглянулся. Билетная касса его не заинтересовала. Пригнув голову, он быстро направился к дверям с табличкой «Посторонним вход запрещен», открыл двери и пошел дальше.

ГЛАВА 65

Мужчина был в этом оперном театре впервые, но в последнее время много о нем читал. Подняв воротник и натянув бейсболку пониже, чтобы закрывала лицо, он шагал быстро, хотя и немного неуклюже, повернул направо, налево и снова направо. Здесь, вдали от открытой для публики части здания, украшений не было, а кое-где еще продолжались реставрационные работы.

Рабочие сцены пронесли мимо деревянную декорацию — что-то вроде части каменной стены. Одетые в костюмы исполнители нервно листали ноты. Вокруг все бегали и суетились, слишком озабоченные происходящим на сцене, чтобы обратить внимание на незнакомца. Тот продолжал свой путь, не поднимая глаз. Издалека доносилась приглушенная музыка оркестра.

Внезапно чужак оказался за кулисами — музыка стала громче, повсюду толпились люди, слаженная работа которых требовалась для продолжения оперы. Режиссер шипел взмыленным помощникам приказы на итальянском. Все были на нервах, возбуждение хлестало через край.

Торопясь уйти из многолюдного места, мужчина поспешно открыл еще одну дверь — путь указывала красная ковровая дорожка. Вот это уже больше похоже на то, что он ищет: между дверями по обеим сторонам коридора у стен стояли высокие фарфоровые вазы с декоративными растениями. В конце коридора привлекательная женщина в желтом платье разговаривала с двумя собеседниками.

Он спрятался в комнатке, где в одном углу была раковина, а в другом стояли швабры и ведра, и, притворив дверь, смотрел в щелку. Когда люди ушли, он вышел из комнатки уборщиков.

— Что вы здесь делаете? — раздался голос за спиной.

Чужак медленно обернулся: капельдинер был ниже ростом на несколько дюймов. Мужчина смотрел на него сверху вниз и молчал, опустив голову, чтобы козырек бейсболки прикрывал большую часть лица.

— Здесь могут находиться только сотрудники театра и певцы, — продолжал капельдинер. — Будьте добры выйти отсюда.

Тот не понял выпаленных скороговоркой итальянских фраз, но догадался, в чем дело. Он приподнял голову, и капельдинер невольно выпучил глаза. Большинство людей не могли сдержать гримасу отвращения, когда видели лицо мужчины в бейсболке, — именно поэтому он и натягивал ее пониже.

Капельдинер уставился на нарушителя, открыв рот. Тот положил руку ему на плечо.

— Давайте-ка я вам кое-что объясню, — сказал он по-английски и повел капельдинера из середины коридора поближе к двери комнаты для уборщиков, где было потемнее.

Капельдинера он убил быстро, бесшумно и бескровно — тот не сопротивлялся. Он привалил тело к стене комнаты для уборщиков, запер дверь на замок и бросил ключ в горшок с цветами.

Чужак пошел дальше, пока не добрался до комнаты, которую искал, — он узнал ее по имени на табличке. Отойдя в сторону, мужчина достал из кармана мобильник и позвонил на заранее введенный в память номер. Тихо поговорив по телефону, он принялся ждать.

ГЛАВА 66

Глянув на часы, Бен допил виски. Он был единственным посетителем в баре, и ему вдруг стало неловко, что он потихоньку ускользнул из зала. Времени прошло уже много, Ли вот-вот появится на сцене — не хотелось бы пропустить.

Он пошел обратно по красной ковровой дорожке, вверх по лестнице и вдоль изогнутого дугой коридора к дверям лож. Все двери выглядели одинаково: красный бархат занавесей на красном бархате стены. Свою ложу он нашел по номеру. Усевшись в кресло, Бен посмотрел на сцену и понял, что вернулся как раз вовремя.

Шел второй акт, заканчивалась ария, после которой должна выйти Царица ночи. Она прошла на середину сцены и запела про любовь, смерть и месть. Пела она прекрасно, но что-то было не так. Голос изменился. Мощное звучное сопрано вполне соответствовало репутации одного из лучших оперных театров в мире, однако в нем не хватало глубины и страсти, присущих голосу Ли, от которых мурашки бежали по коже.

Бен нахмурился. На соседнем сиденье лежал театральный бинокль, который дала Бену Ли. Увеличение у него, конечно же, не такое, как у армейского, но лица исполнителей на сцене разглядеть можно. Бен навел бинокль на Царицу ночи: несмотря на точно такой же костюм и грим, как на Ли, это явно не она.

Все находились в приподнятом настроении. Когда Ли прошла за кулисы после первой арии, к ней выстроилась очередь. Костюмеры проверили костюм, гримеры — прическу и грим. Какой-то тележурналист тоже сумел пробраться и начал приглашать на передачу, но Ли не стала с ним разговаривать. Один из продюсеров принялся нахваливать Ли, зрители приносили цветы, а ведь опера едва началась.

Продюсер все сыпал комплиментами, когда прибежал запыхавшийся посыльный с сообщением. Только что позвонил муж примадонны, ему срочно нужно обсудить что-то важное. Он зовет ее в гримерку — за кулисами встретиться нельзя, разговор конфиденциальный и очень срочный. Посыльный рассыпался в извинениях, но именно это просил передать мистер Хоуп.

Ли вежливо отделалась от продюсера. Очень странно: зачем Бену понадобилось ее видеть? Времени мало, некогда бегать в гримерку и обратно — туда пока доберешься по лабиринтам коридоров... Но ведь Бен сказал, что это срочно...

— У тебя ровно четыре минуты, — предупредил помощник режиссера.

— Я успею, Клаудио.

— Три минуты пятьдесят девять секунд.

— Я туда и обратно.

Ли заторопилась. В коридорах было пусто. Длинное пышное платье сильно мешало двигаться. До гримерки Ли добежала слегка запыхавшаяся, теряясь в догадках. Может, Бен заболел? Получил плохие новости? Машину угнали? Или в доме пожар? Бен не из тех, кто паникует по мелочам...

Она ожидала увидеть его у дверей, но там никого не оказалось, коридор был пустым и темным. На стене погасли все светильники. Ли подошла к одному из них: с выключателем все в порядке, просто кто-то выкрутил лампочку. Из соседнего светильника тоже исчезла лампочка.

Ли в полумраке прошла по коридору к дверям своей гримерки и нажала на ручку — заперто. Она сама заперла дверь, когда уходила перед началом представления. Ключа у Бена не было, и внутрь он попасть не мог... Тогда где же он?

У Ли оставалась лишь пара минут, чтобы вернуться за кулисы. Ждать некогда, с Беном придется позже поговорить. Она повернулась, собираясь бежать обратно.

Внезапно холодная кожаная перчатка зажала ей рот, сильные пальцы схватили за руку.

ГЛАВА 67

Бен протолкался сквозь столпотворение за кулисами. Царица ночи допела свою арию, и, заметив выходящую со сцены певицу, Бен бросился к ней.

— Вы кто? — спросил он.

Девушка удивилась.

Кто-то положил руку Бену на плечо. Обернувшись, он увидел полного мужчину с длинными завитками седеющих волос, стянутыми в хвостик на затылке.

— Клаудио! — воскликнул Бен, узнав помощника режиссера.

Тот закусил губу и нервно посмотрел на Бена.

— Где она? — спросил он на безупречном английском.

— Это я у вас хотел спросить, — ответил Бен.

Клаудио растерялся.

— Но ваше сообщение...

— Какое сообщение?

— Вы позвонили и попросили передать Ли, чтобы она встретила вас в своей гримерке.

— Когда это случилось?

— Пять минут назад. Она пошла туда и не вернулась. Мы тут с ума посходили, обыскали ее везде. Пришлось найти замену. — Он кивнул на девушку в костюме Царицы ночи, которая все еще в нерешительности стояла рядом. — Это Антонелла Каталди, дублерша Ли.

— Так я пойду? — спросила Антонелла.

Клаудио кивнул, и девушка растворилась в толпе, глянув через плечо на Бена.

— Куда же она подевалась? — злился Клаудио. — Первый раз Ли выкинула такое!

— Я ей не звонил, — сказал Бен.

Клаудио в изумлении открыл рот.

— Тогда кто же ей позвонил?

Бен не ответил, бросившись сквозь толпу в сторону артистических уборных.

В коридоре царил полумрак. Бен толкнул дверь — заперто. Вокруг никого. Обливаясь потом, прибежал запыхавшийся Клаудио.

— Черт знает что! — прохрипел он.

Бен отошел от двери, потом сделал два быстрых шага вперед и подпрыгнул на левой ноге. Подошва его правого ботинка врезалась в дверь на высоте пяти футов над полом. Дверь распахнулась, вырвав кусок рамы, и стукнулась о стену.

Стены уборной были обиты синим атласом. Заставленный косметикой туалетный столик ярко освещали лампы. В кресле была аккуратно сложена одежда Ли, ее пальто висело на вешалке. Ремешок сумочки был перекинут через спинку стула у туалетного столика. Туфли стояли на ковре. Книга, которую она читала, осталась лежать на столике.

В гримерке никого не было.

— Куда же, черт возьми, она подевалась? — спросил Клаудио, мрачневший с каждой секундой.

Бен торопливо вышел из гримерки и побежал по коридору. На красном ковре что-то лежало — черно-серебристое, мягкое. Бен опустился на колени и поднял корону со звездами. Осмотрев ее, он не нашел ничего необычного — не считая того, что корона валялась в коридоре, а Ли куда-то пропала.

— Должно же этому быть какое-то объяснение! — пропыхтел обливающийся потом Клаудио.

— Телефонный звонок — вот и все объяснение, — ответил Бен.

— Если это были не вы, то кто мог ей позвонить?

— Кто угодно, кроме меня. — Бен кивнул на коридор, где нашел корону. — Что там дальше?

— Другие уборные. Кладовки. Кабинеты. Пожарный выход. Спуск в подвал.

— Кто видел Ли последним?

— Я, — ответил Клаудио. — Велел ей поторопиться. Она сказала, что только туда и обратно. Я ничего не...

Из его кармана раздавалась классическая музыка — звонок мобильного.

— Барберини, — ответил Клаудио.

Послушав немного, он явно удивился, бросил взгляд на Бена и передал ему телефон.

— Вас спрашивают...

ГЛАВА 68

Бен не ожидал вновь услышать этот голос. Он прозвучал совсем близко, хотя и казался немного другим — глухим, невнятным, словно человек держал что-то во рту. Тем не менее говорил не кто иной, как Джек Гласс.

— Ты меня наверняка узнал.

Бен не ответил.

— Ты знаешь, зачем я звоню, — продолжал Гласс.

Бен молчал.

— У меня есть кое-что для тебя. Выйди на улицу.

— Когда?

— Сейчас. Прямо сейчас, Хоуп.

Бен положил мобильник в карман.

— Вдруг понадобится, — объяснил он Клаудио. Тот не стал возражать.

Бен побежал по коридору, мимо валявшейся на ковре короны и дальше, к выходу.

Дверь служебного входа хлопала на ветру. Бен вышел в ночную темноту, в ледяной туман, повисший над Венецией. Звезд не было. Шаги эхом отдавались от древних зданий на узкой улочке. Слышался плеск воды: волны бились в стены домов и старинную набережную из камня.

Бен выбежал на площадь, оставив позади белые мраморные ступени и колонны театра «Ла Фениче».

На краю набережной, под фонарем, в свете которого клубился туман, стоял Джек Гласс. Одной рукой он зажимал Ли рот. Она смотрела широко раскрытыми от страха глазами, на лицо падали растрепавшиеся волосы. В другой руке Гласс держал армейский нож «кабар» для специальных операций с семидюймовым лезвием из легированной стали — его острый кончик вжимался в живот пленницы.

Бен приблизился на шаг и заглянул под козырек бейсболки.

Лицо Гласса было изуродовано: он потерял нос и глаз, желтая кожа пузырилась и шла черными пятнами, местами открытые ранки еще сочились, губы практически исчезли.

Охваченный ужасом, Бен вспомнил взрыв вертолета. Они с Кларой успели отбежать подальше. Через две секунды вертолет вспыхнул. Две секунды... Возможно, Глассу как раз хватило времени, чтобы вылезти из кабины, но спрятаться от взрыва он не успел.

Бен подошел еще на шаг. Рот Гласса искривился в улыбку.

— Вот мы и встретились снова...

— Не надо, Джек. Отпусти ее.

Гласс улыбнулся и сильнее вжал кончик ножа в живот Ли. Она забилась в его руках. Бен вздрогнул и отшатнулся.

— Чего ты хочешь?

— Хоуп, ты сломал мне жизнь, — сказал Гласс. — Теперь я намерен с тобой по квитаться.

— Тебе нужен выкуп? Говори, сколько. Я дам тебе денег на пластическую операцию. Все, что угодно, только отпусти Ли.

— Ты не понял. Твои деньги мне не нужны!

Сердце Бена сжалось. Значит, это не похищение с целью выкупа...

— Кролл мертв. Все кончено. Отпусти ее и уходи. Я не стану тебя преследовать.

Гласс молча улыбался.

— Обещаю оставить тебя в покое, — продолжал Бен. — Я помогу тебе. Ты получишь все, чего захочешь. Только не делай глупостей.

Улыбка Гласса стала шире.

— Возьми в заложники меня, — предложил Бен. — Возьми меня и отпусти ее.

Сквозь туман Бен видел проходящих мимо людей: молодая парочка, за ней семейство. Кто-то показал на Гласса пальцем. Раздался крик, потом еще один.

Тут Бен испугался по-настоящему: Глассу, похоже, на все наплевать.

— Отпусти ее! — закричал Бен, поддавшись отчаянию.

Гласс молча ухмылялся, Ли пыталась вырваться из его хватки. Бен поймал ее взгляд и мысленно дал ей обещание, надеясь, что сможет его сдержать.

— Это тебе, Хоуп! — завопил Гласс.

По выражению изуродованного лица Бен понял намерения Гласса: пальцы в черной перчатке крепче стиснули рукоятку ножа, мышцы правой руки напряглись.

— Нет... нет... нет!

Ли вздрогнула, резко втянула воздух. Бену уже доводилось слышать такой звук: так удивленно ахает человек, пронзенный холодной сталью.

Гласс отпустил Ли. Ее колени подогнулись, и, словно марионетка, у которой обрезали ниточки, она рухнула на землю с торчащим из живота ножом. Лезвие вошло по самую рукоятку.

Раздался женский крик.

Гласс глянул на Бена и бросился бежать. Его шаги эхом отдавались от стен в переулке.

Бен подскочил к Ли, опустившись рядом с ней на колени. Она лежала на каменных плитах набережной, откашливая кровавые сгустки. Платье насквозь пропиталось кровью. Бен прижал Ли к себе, испачкав лицо и руки. Он ничем не мог ей помочь. К ним подбежали прохожие. Кто-то закричал, девушка закрыла рот ладонью.

— Врача! Позвоните в «скорую»! — завопил Бен.

На него смотрели смертельно бледные лица. Кто-то достал мобильник.

Ли попыталась что-то сказать, и Бен склонился поближе. Она судорожно дернулась, безумно вращая глазами от страха. Бен прижал ее к себе, молясь, чтобы она не умерла.

Но она умирала.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Ли что-то беззвучно ответила.

Бен держал ее в объятиях, чувствуя, как слабеет пульс. Сердце билось все медленнее, потом совсем замерло.

— «Скорая» сейчас приедет, — сообщил кто-то глухим голосом.

Ли не подавала признаков жизни: пульса нет, глаза открыты, дыхания не чувствуется.

Бен потряс безжизненное окровавленное тело.

— Держись! — закричал он. — Ну же, держись!

На его щеках слезы смешивались с кровью и капали на лицо Ли.

— Умерла, — сказали над его головой.

Бен уткнулся лицом в плечо Ли — она была теплая. Он стиснул ее в объятиях, тихонько покачал, содрогаясь от беззвучных рыданий.

— Она умерла, — повторил тот же голос, и кто-то мягко положил руку на плечо Бена.

Бен поднял взгляд: на него смотрела молодая белокурая женщина с искаженным от боли лицом и слезами на глазах.

— Я медсестра, — сказала она по-английски. — Мне очень жаль, но ей ничем не помочь.

Бен так и стоял на коленях, свесив голову. Кто-то набросил на Ли пальто, медсестра закрыла ей глаза. Все вокруг плакали. Какая-то старушка перекрестилась и пробормотала молитву.

Из оперного театра выходили люди — быстро собралась толпа. Некоторые узнали Ли, слышались крики ужаса. Из театра выбежал Клаудио, закрывая лицо руками. Вдалеке завывли сирены, постепенно приближаясь.

Бен перестал воспринимать окружающее. Шума он не слышал, в голове оставалась одна единственная мысль. Белки его глаз ярко выделялись на залитом кровью лице. Он встал и посмотрел на тело Ли, прикрытое чьим-то пальто.

Толпа раздвинулась, пропуская Бена. Его провожали взглядами, к нему прикасались чьи-то руки, беззвучно двигались губы, произнося какие-то слова.

Бен пошел прочь. Подняв взгляд, он увидел в окне старушку, которая отчаянно размахивала руками, пытаясь привлечь его внимание. С искаженным лицом она показала на полутемный переулочек. Бен понял, что имела в виду старушка.

Он пошел быстрее, потом побежал. Шаги гулко бухали по мостовой и эхом отдавались от стен извилистого мрачного переулочка.

ГЛАВА 69

Гласс не мог бежать быстро: раны еще не зажили, плечо болело. В переулках Венеции было темно и пусто, на город опускалась тяжелая пелена тумана. Туман — это хорошо, поможет скрыться. Надо переждать где-нибудь в безопасном месте; раны заживут, он вновь наберется сил. А Бен Хоуп пусть пока помучается. Потом можно будет вернуться и прикончить его — не спеша, с удовольствием, как получилось бы в тот раз, если бы не помешал старый маразматик Кролл.

В канале волны шлепали о стены. Сквозь клубы тумана впереди открылась арка моста. Гласс захромал по ведущим вниз скользким ступенькам. Старые выщербленные стены покрывал зеленоватый налет водорослей.

На воде покачивалась лодочка с подвесным мотором. Гласс забрался в нее, завел мотор и взялся за руль. Лодка развернулась, оставляя белый пенный след в темной воде узкого канала. Через несколько сот ярдов будет площадь Сан-Марко, а за ней откроется Большой Канал. Там уже не догонят — пять минут, и он исчез.

Добравшись до моста, Бен услышал затихающий рев моторной лодки. Сердце билось о ребра, в боку колело. На воде быстро таял пенный след, разбиваясь о грязные стенки канала.

Бен продолжал бежать, сосредоточенно и целенаправленно, к одной-единственной цели. Потом нахлынут горе и боль — много боли, — но сейчас он думал только об одном.

Гласс наверняка в лодке: больше ему деваться некуда. Если он успеет выбраться на простор Большого Канала, то вновь исчезнет.

Туман прорезали лучи света, послышалось урчание мощного мотора — на воде тихонько покачивался глиссер. Бен направился к нему.

Владельцу было на вид лет тридцать. Стильно одетый парень явно гордился своей лодкой и хорошо за ней следил. Увидев выходящего из тумана Бена, парень напрягся.

— Мне нужна твоя лодка, — сказал Бен по-итальянски. — Потом я верну ее.

Парень не стал сопротивляться. Через полминуты Бен на полной скорости гнал по темному каналу.

На слиянии с другим каналом Гласса уже не было. Сквозь туман поблескивали похожие на звездочки огоньки, отражаясь в темной воде: там плыли сотни лодок. Даже в холодную зимнюю ночь на каналах Венеции оживленное движение.

Бен выключил двигатель, и катер закачался на черной воде. Внезапно опустившееся облако тумана сократило видимость до нескольких ярдов. Ледяная изморось обжигала лицо.

В темноте вдруг раздался рев мотора, плеснули волны. Ослепленный ярким светом, Бен заслонил глаза ладонью.

Лодка Гласса врезалась в нос глиссера под прямым углом — Бен чуть не вылетел наружу. Ударом смяло корпус из стекловолокна; лопасти мотора на лодке Гласса поднялись на водой, и мотор оглушительно ревел.

Гласс бросился на Бена, точно дикий зверь, опрокинул его ударом кулака и вышиб дух. Бен растянулся на дне глиссера.

Сцепившиеся лодки кружились, вспенивая ледяную воду и быстро погружаясь: через пару секунд вода зальет распростертого на спине Бена.

— Я хотел дать тебе пожить еще немного, — орал Гласс, перекрикивая рев мотора. — Похоже, не стоило этого делать!

Бен отчаянно пытался вдохнуть. Гласс схватил его за шиворот и поставил на ноги. В свете фонаря обожженное лицо выглядело кошмарной маской. Гласс ударил Бена лбом в лицо, но тот увернулся и всадил колено ему в пах.

Гласс отшатнулся.

— Боль меня не остановит! — завопил он, выпрямился и снова налег на Бена, оттеснив его к вращающимся в воздухе лопастям подвесного мотора.

Уши заложило от визга винта, поднятый им ветерок взъерошил волосы. Бена пронзила невыносимая боль: плечо располосовало лопастями.

Бен ударил ногой — Гласс закричал. Они повалились на дно, молотя друг друга куда попало. Оказавшись наверху, Гласс схватил Бена за горло, сдавив трахею и стараясь утопить лицо противника под водой.

Изо рта Бена пошли пузыри, он безуспешно пытался оторвать сжимавшие горло руки. Ничего не выйдет. Он задыхается.

Ухватившись за мизинцы Гласса, Бен сломал их: кости хрустнули одновременно.

Гласс с воплем разжал пальцы. Бен ударил кулаком в то, что еще оставалось от носа противника.

Теперь уже Бен оказался наверху, по пояс в воде, прижал Гласса коленями ко дну и, схватив за волосы, ударил головой о корпус лодки — что-то хрустнуло. Он ударил еще раз. Снова раздался хруст, вода покраснела от крови.

Джека Гласса убить не так-то просто. Сейчас Бен собирался сделать это наверняка.

И он вновь ударил Гласса по голове.

— Ты убил Ли! Ты убил ее!

Лодка погрузилась глубже, вращающийся винт попал в воду — во все стороны полетели клочья пены. Потом обе лодки полностью ушли под воду, и Бен оказался на плаву. В костюме и ботинках плыть было трудно.

Гласс вынырнул на поверхность, жадно глотая воздух изуродованным ртом.

Бен притопил противника, удерживая его под водой. Брыкаясь и отбиваясь, Гласс опять вынырнул.

Бен ударил его и снова притопил, на этот раз придерживая голову рукой. На поверхность потянулись цепочки пузырей. Гласс отбивался, но уже не так сильно.

Бен продолжал удерживать его под водой. Тот бился все слабее, пузырьков стало меньше.

Рука Гласса вдруг вырвалась из-под воды. Перчатку он потерял, изуродованные пальцы хватили воздух. Потом рука обмякла и с плеском упала в воду.

Гласс перестал сопротивляться, и его тело безвольно поплыло по течению. Он, кажется, моргнул уцелевшим глазом. Из открытого рта вырвался единственный пузырек воздуха и лопнул на поверхности. Потом всплыл еще один, поменьше — последний. Лицо Гласса обмякло, руки вытянулись вдоль туловища, бессильные пальцы скрючились. Единственный глаз смотрел вверх не мигая.

Бен отпустил противника, и тело исчезло в темноте. Приближался рев мотора полицейского катера, прожекторы обшаривали поверхность воды.

Гласс наконец-то мертв. Бен почти неподвижно висел в ледяной воде, глядя в темную глубину. Мышцы онемели от холода.

Он подумал о Ли, о своей прекрасной жене. На него нахлынула боль.

Бен встряхнулся и поплыл к набережной.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Я получил музыкальное образование и всегда интересовался музыкой. История Моцарта не давала мне покоя; я думал, что загадочные обстоятельства его смерти могут стать отличной основой для книги.

За последние два столетия было выдвинуто немало версий о причине смерти Моцарта. Официальная — и, похоже, не подлежащая сомнению — версия медиков состоит в том, что Моцарт умер от острой ревматической лихорадки и нет никаких оснований полагать, что его отравили.

Следствие окончено? Я так не думаю.

На самом деле достаточно копнуть чуть глубже, и окажется, что эта версия не так уж обоснованна. За двести лет высказывались самые разнообразные догадки. Сохранившиеся с тех времен медицинские записи слишком неполны, чтобы безоговорочно утверждать, что Моцарт не мог быть отравлен. Для подобного утверждения просто нет оснований.

Современные эксперты отмахиваются от заявления самого Моцарта, что его отравили аква тофана — смесью трех смертельных ядов: мышьяка, белладонны и свинца. Эта растворимая в воде смесь, не имеющая ни цвета, ни вкуса, обязана своим названием жившей в семнадцатом веке итальянке Джулии Тофана, которая продавала ее женщинам в качестве косметического средства, а также идеального способа избавиться от несчастливого брака, отравив мужа.

Симптомы болезни Моцарта включали болезненное распухание суставов на руках и ногах, сильные боли в животе, кишечные колики, почечную недостаточность, рвоту и сыпь. Он также страдал от параноидальных идей и галлюцинаций, назойливых мыслей о смерти и сильной депрессии. На первый взгляд эти симптомы могут указывать на ревматическую лихорадку, заражение стрептококком или любой другой диагноз, предложенный врачами.

Однако эти симптомы с невероятной точностью совпадают с теми, которые вызывает совместное применение трех токсичных ингредиентов аква тофана: галлюцинации и мании, повышенное беспокойство, назойливые мысли о смерти, депрессия, сильные боли в животе, кишечные колики, болезненное распухание суставов и конечностей, сыпь и так далее.

Небольшие дозы яда на протяжении времени могут привести именно к такой длительной агонии, которую испытал Моцарт, Сам композитор за целых полгода до смерти был уверен, что его травят; это никак не согласуется с версией внезапной болезни, которая убила его за несколько дней. Сын композитора, Карл Томас Моцарт, позднее тоже заявлял, что отца намеренно отравили.

Истины никто не знает до сих пор. Я предоставлю вам возможность самим над этим поразмыслить...

Предположим, есть достаточные основания считать, что Моцарта действительно отравили. В таком случае кто мог это сделать? Популярная версия, представленная в пьесе Питера Шаффера и фильме «Амадей», утверждает, что Моцарта отравил соперник, композитор Сальери. Эта идея возникла задолго до создания фильма «Амадей»: Пушкин написал об этом поэму, а Римский-Корсаков — целую оперу под названием «Моцарт и Сальери».

Но виновен ли Сальери? Никто не в состоянии доказать его невиновность, однако исторические факты на это указывают. Уже психически больной, Сальери действительно признался в преступлении, но не был привлечен к ответственности; к тому же он так часто менял показания, что никто не воспринял его признание всерьез.

Другая популярная версия, которую в книге излагает Бену Ли Ллуэллин, состоит в том, что Моцарта убили масоны — он, мол, выдал их секреты в опере «Волшебная флейта». Однако, как объясняет потом доктор Арно, это противоречит тому факту, что Моцарт считался звездой масонского движения, главным его представителем в те времена, когда масонство стало преследоваться властями.

«Заговор Моцарта» всего лишь роман. Тем не менее, исследуя исторические факты в процессе его написания, я все больше убеждался, что за смертью Моцарта могли стоять гораздо более зловещие и могущественные политические силы. Нельзя отрицать, что связи масонства с революционными движениями восемнадцатого века во Франции и Америке серьезно беспокоили аристократические круги в Европе. Кроме того, точно известно, что венская тайная полиция имела приказ императора следить за масонами и затем полностью их уничтожить. Набирающий популярность среди публики композитор, открыто провозглашающий прореволюционные идеалы масонства, вполне мог представлять серьезную угрозу и подлежать уничтожению.

Эта книга всего лишь плод воображения автора. Так ли все было на самом деле? Решайте сами.

Лично я уже выбрал ответ.

ИНТЕРВЬЮ СО СКОТТОМ МАРИАНИ

Сколько времени вам понадобилось, чтобы собрать материал для романа «Заговор Моцарта»?

Я всегда был поклонником Моцарта и давно вынашивал эту идею. В 1997 году в книжном магазине в Болонье я случайно наткнулся на любопытную документальную книгу «Последний год Моцарта», написанную музыковедом Роббинсом Лэндоном. Тогда-то я и начал внимательнее изучать жизнь Моцарта, обращаясь к самым различным источникам. Прошло немало лет, прежде чем мне пришлось в голову использовать это как основу для триллера с Беном Хоупом в качестве главного героя!

Были ли прототипы у ваших главных героев, Бена и Ли? Как вы думаете, какие актеры могли бы сыграть эти роли?

Бен Хоуп существует в моем воображении довольно долго и, конечно же, известен читателям предыдущего триллера «Тайна алхимика». Когда я описывал Бена, то не имел в виду какого-то определенного актера, хотя есть несколько, которым подошла бы эта роль. Он должен быть очень одаренным и чутким человеком, чтобы совместить сильный характер Бена с его уязвимостью.

Другое дело Ли Ллуэллин: с самого начала я точно знал, кто она. Подумайте сами:

брюнетка, красавица, певица, из Уэльса... Разумеется, это Кэтрин Зета-Джонс!

Создавая характеры героев и сюжеты, пользуетесь ли вы вашим личным опытом, основанным на общении с друзьями и родственниками?

Я очень надеюсь, что никто из моих близких не узнает себя в персонажах вроде Джека Гласса или Вернера Кролла! А если серьезно, то я никогда сознательно не использовал знакомых мне людей в качестве героев своих романов. Я не смотрю на окружающих, думая: «Ага, вот ты станешь моим персонажем!» Автор неизбежно опирается в определенной степени на собственный жизненный опыт: например, так получилось, что мы с Беном учились в одном и том же колледже. Однако я думаю, что мой личный опыт не оказывает особого влияния: в основном я опираюсь на воображение.

Кто ваши любимые писатели? Какие книги вас вдохновляют?

Я очень люблю авторов триллеров, таких как Джон Гришэм, Ли Чайлд и Стивен Хантер. Однако книгам я предпочитаю фильмы. Я рад, что многие читатели заметили кинематографический стиль книг про Бена Хоупа: они говорят, что, читая, видят перед глазами картинку. Возможно, в этом сказывается моя любовь к кино.

Как выглядит ваш рабочий день писателя?

У меня нет четкого расписания. Обычно лучше всего мне работает по утрам, хотя частенько я увлекаюсь и засиживаюсь за работой допоздна. Одно из преимуществ работы писателя в том, что можно приспособить свой рабочий день к тому, что происходит в данный момент. В хорошую погоду я люблю гулять вместе с моим близким человеком и нашими собаками. Я также люблю стрелять из лука и переделал один из амбаров под тир. Когда работа идет туго, я могу пострелять в тире. Это помогает расслабиться и запустить воображение.

Вы сменили много профессий: от инструктора по стрельбе до профессионального музыканта. Какая из них вам особенно запомнилась? И если бы вы не стали писателем, то чем предпочли бы заниматься сейчас?

Самым сумасшедшим периодом в моей жизни были пять лет, которые я провел с ирландской группой профессиональных музыкантов в качестве клавишника. С тех времен я прекрасно знаю, где подают лучший в Британии «Гиннес». Насчет того, кем бы я хотел стать, если бы не стал писателем... Меня очень интересует астрономия, я даже начал изучать ее в университете, но затем учебу пришлось отложить из-за приключений Бена Хоупа. Наверное, в каком-нибудь параллельном мире я бы стал астрономом. Кроме того, меня очень интересует архитектура. Я бы с огромным удовольствием спроектировал и построил для себя дом, который создал для Филиппа Арагона в «Заговоре Моцарта». У меня есть участок земли в Западном Уэльсе, и я постоянно думаю о таком оригинальном экологичном здании, которое вписалось бы в дикий лесной ландшафт.

Если бы вы могли вернуться назад во времени, какой исторический период вы бы выбрали?

Пожалуй, нет такого исторического периода, куда бы мне хотелось вернуться надолго! Однако при условии, что потом я снова смогу вернуться в настоящее, я бы с удовольствием наведился в несколько различных эпох, чтобы найти ответы на некоторые загадки. Одной из них была бы разумеется эпоха Вольфганга Амадея Моцарта, чтобы выяснить, что же с ним все-таки произошло! Другой эпохой стал бы Древний Египет — это очень увлекательный исторический период. Было бы неплохо вернуться в прошлое, чтобы побеседовать с философами вроде Спинозы, поговорить с Исааком Ньютоном об астрономии или пообщаться с такими учеными, как Джордано Бруно, до того, как католическая инквизиция сожгла его на костре.

Над чем вы сейчас работаете?

Над следующей книгой о приключениях Бена Хоупа, разумеется! Я не могу вдаваться в подробности, но думаю, что читатели, которым понравился «Заговор Моцарта», с удовольствием прочитают и следующую книгу...

www.e-puzzle.ru